Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Штрихи

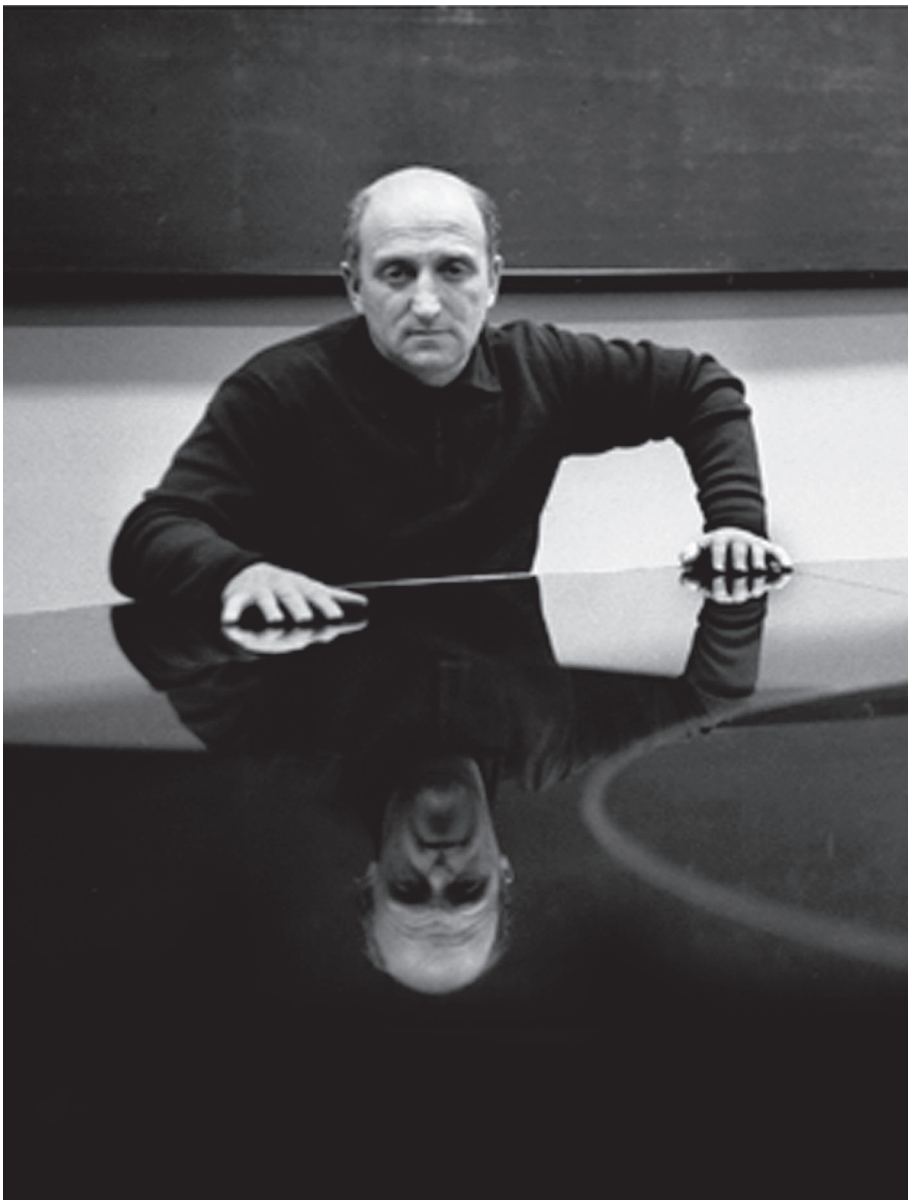
СНИМОК И СЛОВО

МОСКВА
2013

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Как назвать эти заметки? Эпизоды, встречи, штрихи? Как ни назови – все точно… Эпизоды? Да. Многие из этих встреч – эпизодичны. Человека видел полчаса, а то и десять минут. И судьба больше тебя никогда с ним не сводила. Были и «эпизоды», которые длились десятилетиями – завязывались постоянные контакты.

В журналистику я входил более полувека назад. Сначала кое-что печатал в ленинградских газетах, потом специально снимал для них. Был под рукой у матерых журналистов, а с ними у известнейших людей того времени, становившихся героями очерков. Я был мальчишкой и не очень-то ценил, дарованную мне возможность пусть вскользь, пусть мимоходом увидеть тех, кто уже тогда был живой историей страны. Немного погодя началась журналистика профессиональная – «Литературная газета», «Огонек». Фотокорреспондент в тандеме с пишущим журналистом – фигура не главная. Если с ним и говорит герой, то не для «интервью», а запросто, «по жизни». Со временем таких встреч накапливаются сотни, тысячи. Большинство их них стираются в памяти, а некоторые оседают в тебе навечно. Ворошишь старые негативы, а перед тобой оживают обстоятельства съемки, всплывают неожиданнее детали, услышанные фразы. Пока это не исчезло окончательно, попытаюсь зафиксировать то, что удержала память. Пусть это только отдельные штрихи к портрету героя… Добавлю еще: фотографы не врут. Не потому, что они такие честные, а потому, что каждый может у них спросить – где доказательства твоим словам? А вот они – снимки…



Андрей БУДКЕР. 1963 год.

Андрей БУДКЕР

Герш Ицкович – это как-то уж слишком. Куда проще Андрей Михайлович. Имена не выбирают, их берут и изменяют… Принято считать, что в определенные времена людям определенной национальности был перекрыт доступ в высокие научные сферы, в престижные вузы. Возможно, так и было. Только откуда тогда брались классные специалисты в любой из отраслей науки, хозяйства или искусства с пресловутой «пятой графой»? Чтоб не дразнить гусей, Будкер стал Андреем Михайловичем. И под этим именем его знали и в институте, и в Академии наук, и на научных диспутах – союзных и мировых. Только анкеты да строгие серые кардиналы первых отделов хранили тайну Полишинеля. Но речь не о том. Этот человек представлял сгусток энергии и жизнелюбия. Он азартно работал, вкусно ел, замечал привлекательных женщин, ценил юмор. Но это все не имело бы никакого значения, не обладай он главным качеством – фонтанировать идеями. Прежде всего - научными. Но не только. Хороший парадокс – тоже своего рода идея. Не ручаясь за точность формулировки, так излагаю его воззрение: «Если человек не у прибора, это не значит, что он ничего не делает: он думает».

В ИЯФе – Институте ядерной физики новосибирского Академгородка (вы, вероятно, догадались, что возглавлял его академик и уже Лауреат Ленинской премии Будкер) – думали все и всегда. Стояли ли они у доски с мелком в руках, болтали ли ногой, сидя на подоконнике, цедили ли в себя кофе в полумраке света осциллографов и самописцев.

Помню в школе, физичка как-то сболтнула, говоря о Ньютоне, Гей-Люссаке или пресловутых Бойле-Мариотте: «В физике уже все открыто, ребята, вы опоздали». Это была не научная постановка вопроса: истина, как и горизонт – по мере твоего приближения, все время удаляется. А вскоре вообще настало царство физики («Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне»). Фигура ученого физика стала такой же романтичной, как недавно еще была фигура летчика. Во-первых, практически непонятно было, чем там эти долбанные физики занимаются – какая-то масонская ложа - только для своих, для посвященных. А во-вторых, мир уже прознал про некоторые проделки физиков – атомные и водородные бомбы. Но бомбы для ученого, как и молоко для коровы, не самоцель. Цель в познании: как же там этот чертов мир устроен? Для начала надо влезть в глубины материи, выяснить, что к чему там, а практическое применение может и само отыскаться. Выяснилось, что чем меньше предмет исследования, тем мощнее должен быть инструмент. Причем в буквальном смысле: по мощности.

В физических институтах строили синхрофазотроны. Эта такая штуковина – кольцо, иногда размером чуть не со стадион, в котором магнитное поле разгоняет электроны, позитроны и прочую мелочь до сумасшедших скоростей, чтоб те обрели гигантскую разрушительную энергию, и долбанули в какую-нибудь мишень, допустим, ядро атома водорода. И что будет? В случае удачи посыплются «искры» в виде так называемых элементарных частиц, которых прежде и свет не видывал, у которых и имени нет, а главное они обладают свойствами, от которых неизвестно чего ждать. И похоже, процесс погружения в глубь вещества, бесконечен. Были бы подходящие инструменты, читай, энергия. Но чтобы увеличить энергию, надо строить синхрофазотрон уже не со стадион, а размером в МКАД или вообще в земной экватор. Обременительно и непрактично. Будкеру приходит на ум простая идея (наглядное подтверждение – все гениальное просто). А что, если мишень заставить тоже двигаться с большой скоростью. Если поезд врезается в неподвижную стену – один эффект. А если два поезда, идущие друг другу навстречу, сталкиваются – эффект учетверяется, а не удваивается. И все это можно обнаружить, полистав учебник физики класса для шестого. Просто нужно уметь не просто смотреть, но и видеть. Будкер прекрасно делал и то и другое. Забегая вперед, скажу, теперь вся ядерная физика в мире

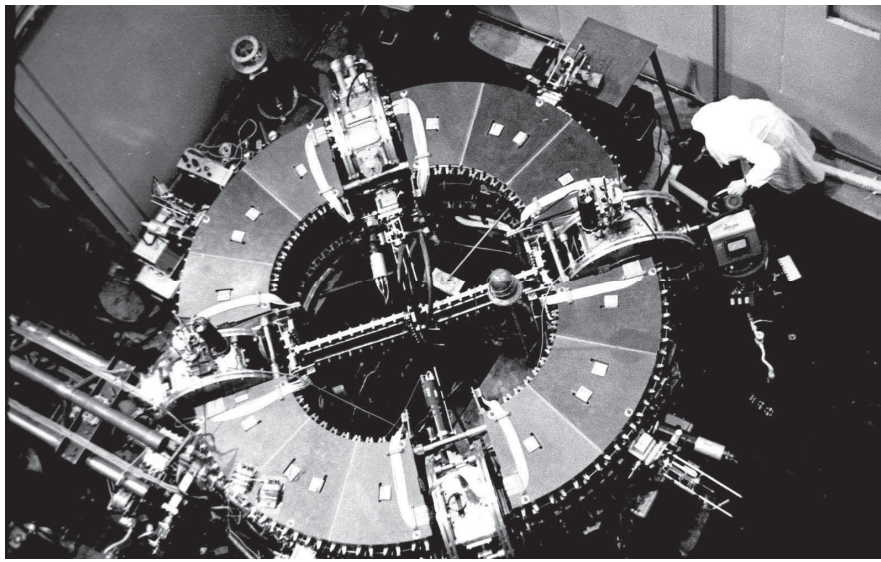
базируется на этой идее Будкера – методе встречных пучков. И ныне самый большой синхрофазотрон в мире – коллайдер, построенный в Церне, здесь не исключение.

В недрах института обретало небольшое кольцо, создававшее бешеную энергию, ускоритель на встречных пучках. А наверху, в конференц-зале, стоял «ускоритель идей», как его называл сам Будкер. Знаменитый круглый стол ИЯФа – Ученый совет - огромный диск черного стекла, за которым каждый день собирались мыслители – обыкновенные ребята в ковбойках и свитерах, но с необыкновенными головами.

ИЯФ занимался чем-то таинственным, малопонятным. Он создавал антивещество. Грубо, насколько могу объяснить я, глубоко не ученый человек, это нечто вроде зеркального мира. В зеркале наша правая рука становится левой. Так и здесь: привычное превращается в противоположное. Вместо плюса возникает минус, вместо правого вращения (спина) – левое. Летит такая штуковина с «того света», встречается с «нашей» - обыкновенной, уже привычной. И что потом? Обе материальные частицы исчезают – аннигилируют, высвобождая при этом огромную энергию. А энергия - это жизнь. И если хотите – будущее планеты.

Мир – антимир. Мистика какая-то… Именно в таком ключе я решил снять портрет мага и чародея, ускользающего в чем-то своем главном, загадочного Будкера. Черный человек с бледным лицом, а в зеркале черного стекла призрачное отражение головы, напоминающее череп. Глупости, скажете вы? Конечно. Но не нами сказано: нужны не факты, а эффекты.

Институт ядерной физики в городке ученых был государством в государстве. Если для посещения других институтов достаточно было договориться с пресс-центром научного городка, то для ИЯФа требовалось получить согласие его создателя и абсолютного хозяина, то есть Будкера. Трудно сказать, был ли институт закрытым (секретным), или просто напускали туману. Иностранцы, по крайней мере, там уже бывали и не раз. Для своих же приблудных журналистов возникали трудности. Объяснялось это скорее всего самой фигурой Андрея Михайловича, которого называли одним из отцов атомной бомбы. Одним из… - потому что отцами называют еще несколько ученых. А кто же мама? Похоже, не иначе, как сам Лаврентий Павлович Берия, поставленный Хозяином не только главным тюремщиком страны, но и организатором строительства мощного ядерного щита (с чем, надо сказать, тот успешно справился). У такой «мамы» не пошалишь, особенно если работаешь в особо секретном подразделении, каковым несомненно являлся институт атомной энергии АН СССР, возглавляемый легендарным Курчатовым. Под крылом Игоря Васильевича и работал с 1946

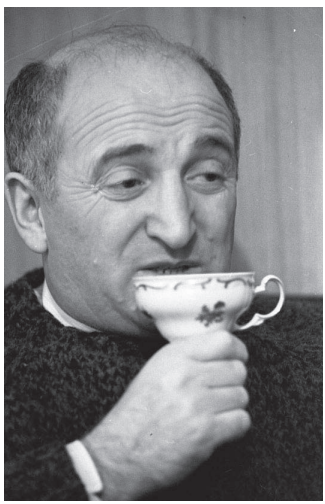


В этом «кольце» ускоряются элементарные частицы…

по 1957 год Будкер. Идеи из молодого ученого били фонтаном. Курчатов это видел и поощрял, создавал особые условия для работы. В те годы Андрей Михайлович стал лауреатом Сталинской премии, вероятно, закрытой, о которой не упоминалось в печати. Из-под крыла Курчатова он был призван создать и возглавить институт ядерной физики под Новосибирском. ИЯФ уже не был столь засекреченной территорией, но все же… А.М. любил дурачить людей. Ну не то что бы дурачить, а слегка ошеломлять, озадачивать. Как-то институт посетил Де Голль, тогдашний президент Франции. Де Голль, высокий и худой, и Будкер, скажем так – весьма коренастый. Но на снимке, сделанном сверху, за счет ракурса вышло так, что маленьким оказался двухметровый президент, а ученый поглядывал на него как бы сверху вниз. Спустя некоторое время Будкер прилетел во Францию, был конец рабочей недели, а возникли какие-то сложности на таможне. Помощь из посольства или из приглашавшей организации могла придти только в понедельник. Нелепое, глупое положение. Но к счастью, с Будкером был тот снимок, вложенный в бумажник. И снимок так кстати выскользнул из бумажника, что французский чиновник не мог не обратить него внимания. «О, мсье!» и понятный жест: «Это вы?». Будкер скромно опустил глаза, и развел руками… Вопрос, как говорил «инженер Вошкин» был «исперчен».

…а вокруг этого – мысли.

Если человек не у прибора –
значит, он думает…



Де Голль и Будкер. Кто президент?...

Где-то я встречал выражение: «Поэты рождаются в деревне». Понимая расширительно – просто одаренные талантливые люди. Будкер родился в неподходящее время и в неподходящем месте – 1 мая 1918 года в неведомом селе Мурафа, где-то на Винничине. Полагаю, Гражданская война уже распускала свои кровавые цветы. Стоило ли рождаться еще одному еврею во время погромов и всеобщего коловращения? Но времена не выбирают, в них живут и умирают. Будкеру повезло. Он не только не умер, но к началу войны, уже следующей, Отечественной, успел закончить Московский университет. Неплохой взлет для мальчика из неоткуда. Все что в нас хорошего – это оттуда, из детства. Время нас только портит, ожесточает. Делает завистливыми и подозрительными. А еще – ретроградами: мы начинаем думать, что те, кто идет после нас – хуже нас. Бывают исключения – сильные, независимые личности, живущие так, словно нет никого ни выше, ни ниже их – все равны – дворник и президент, академик и школьник. И в последнем случае звания – вовсе не свидетельства ума. А.М. относился именно к этой породе людей. Он ни сам не был чванлив и не переносил чванства других. Из рассказываемых им анекдотов, мне, почему-то, запомнился такой:

«Актер, считавший себя кумиром публики, обратился к Мойше, лучшему закройщику в городе, сшить костюм. Такой, чтоб ахнули… К сроку костюм был готов – портной постарался. Актер выходит на сцену, читает душещипательный монолог, воздевает руки к небу, ожидая, что сейчас зал содрогнется в рыданиях. Но в ответ он слышит лишь смех и свист зала. А все из-за проклятого костюма. Когда он слишком резко выбрасывал руки, под мышкой лопнул шов. «Негодяй, подлец! – бежит он к Мойше,- ты меня опозорил!..» - «Как?» - «Твой костюм!» Закройщик внимательно рассмотрел костюм, развел руками и лишь сказал: «Костюм как был костюм, так и стало ему. Ты ж как был, так и есть говно» К чему бы это?

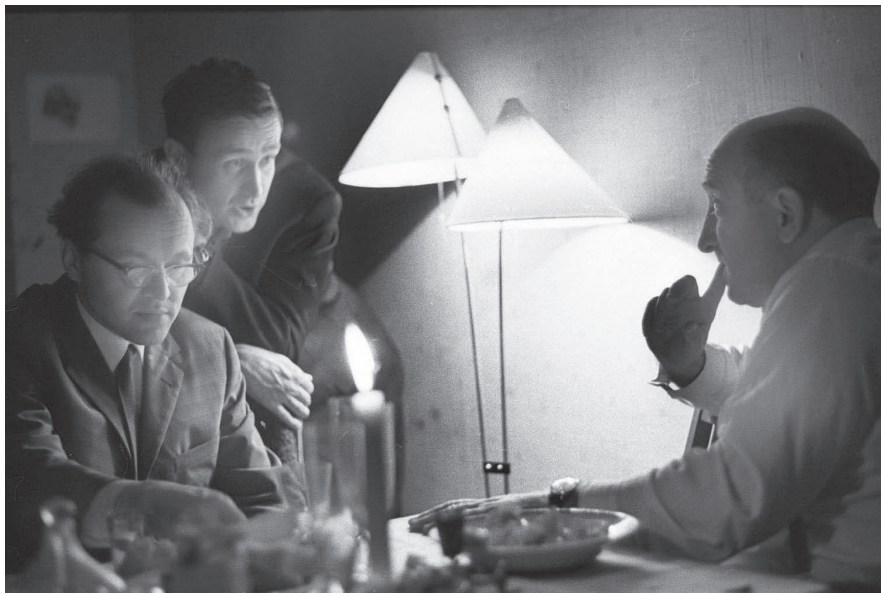
Будкер, совместно со своими коллегами - Дедом, математиком академиком Лаврентьевым, главой научного городка, и некоторыми другими учеными, становится инициатором создания физико-математической школы для одаренных детей Сибири. По городам и весям, по хлябям и топям, рыскают молодые ученые Академгородка, примеряя хрустальную туфельку, с помощью которой Золушка снова превратится в принцессу. И находят новых инфантов науки в глухих алтайских поселках, неведомых городках.

«Круглый стол ИЯФа» - понятие не только материальное, но и нравственное. Ассистент ты, аспирант или доктор – значения не имеет. Важна только твоя мысль, твоя способность выдумывать, творить. Нужны свежие идеи, а они рождаются свежими мозгами. По неопытности, по незнанию ли, что велосипед уже изобретен, молодые скорее, чем маститые, говорят такие

Иногда Будкер наведывался в Москву, в Академию Наук. Возле нее мы и встретились случайно в 1974 году.

«нелепости», которые вдруг становятся открытием? Если из тысячи идей десять окажутся любопытными, а одна плодотворной – это уже прорыв. Будкер умел видеть таланты. Он не придавал никакого значения ученым степеням и званиям. Своим ребятам он говорил: «Писать диссертацию аморально. Ее надо изготовлять с помощью клея и ножниц из своих научных публикаций. На диссертации уходит масса времени и сил, которые отвлекают от настоящей работы…» И вышедшие из-за того круглого стола МНС – младшие научные сотрудники – почти все превратились в крупных ученых с собственными именами. В те предзимние дни 1963 года мы увидели Сашу Скринского, инженера, которому было в ту пору 26 лет. Кто мог предположить, что через год или полтора он защитит докторскую диссертацию, минуя кандидатский рубеж. А до тридцати еще будет избран академиком, станет Лауреатом Ленинской премии – самой престижной награды в те годы. И вот уже больше тридцати лет Александр Скринский возглавляет ИЯФ.

. Но разве он такой был один у Будкера?.. Десятки крупных ученых поднялись из-за этого стола. Еще пример? Роальд Сагдеев тоже не задержался ни в научном, ни в карьерном росте. Академиком в 70-80-е он возглавлял крупные научные подразделения у нас. А в мутные годы перестрой-



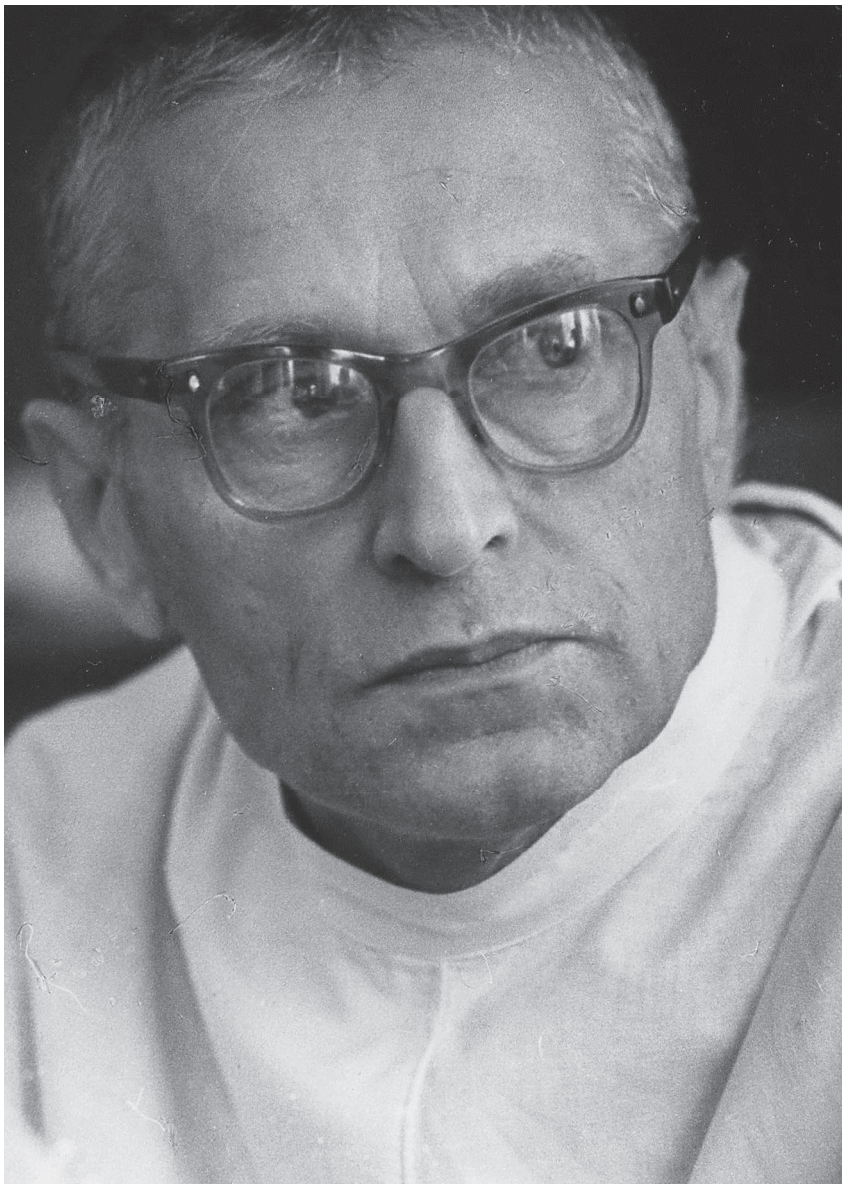
Саша Скринский и Веня Сидоров. В середине 60-х их можно было называть без отчества.

ки, махнув рукой на наш развал науки, женился на внучке бывшего президента США Эйзенхауэра, да перебрался в Америку. Наука – она и в Африке наука, а уж тем более в Америке…

Институт разрастался. Круглый стол становился тесен. И тогда возникли «круглые столы» в подразделениях института, основанные на тех же принципах – думайте, фантазируйте. Даже самые нелепые фантазии могут превратиться в серьезные научные задачи. Будкер и сам «фантазировал» азартно, без оглядки, не боясь, что идея может показаться смешной или нелепой. Давайте попробуем. Допустим, попробуем лечить рак с помощью наших волшебных лучей. Поток позитронов вместо скальпеля. Легко сказать, да как осуществить? Поток стремителен, горяч, трудно управляем. Он прожжет и уничтожит все, что стоит на его пути. «Думайте, думайте…» Сколько лет прошло, давно уже нет и А.М., а идея-то не умерла, она уже предложена медикам для конкретного воплощения. Если поток охладить, смягчить, сфокусировать, то он станет поражать именно те клетки, находящиеся в глубине нашей плоти, которые несут нам смерть, а здоровые клетки не тронут…По своим делам Будкер иногда заглядывал в Москву. Мы уже считались знакомыми, и иногда удавалось затащить его в Лобню, городок в получасе езды от Москвы, где мы жили. Готовилось какое-то угощение, непременно с примесью экзотики – чаще плов, или шашлык, или то и другое вместе. Какая экзотика, скажете, шашлык? Может и никакой, если вы его жарите на лоно. А если на верхнем балконе пятиэтажного дома? Тут и чад, и дым. А запах!.. Экзотику готовил наш друг, старший товарищ, настолько же одаренный, как и сумасшедший, фотокорреспондент Всеволод Сергеевич Тарасевич. С Будкером он был ровесником, прошел всю войну фотокорреспондентом. Насколько его снимки той поры уникальны, можно судить по тому, что в ленинградском мемориале, посвященному войне, целые скульптурные группы – это полностью или частично перенесенные композиции и сюжеты снимков Тарасевича. Но речь не о том. Всеволод был увлекающимся человеком. Он любил «раскапывать» людей. На этот раз он раскопал некоего Зайцева, по образованию филолога, по призванию – собирателя паранормальных явлений. Легко возбудимый Зайцев видел «тарелки», сыпал «очевидными» фактами (как любил говорить другой наш знакомый, хирург и кибернетик Николай Михайлович Амосов: «Против фактов не попрешь, только вот докажи, что это факт»). Так вот Зайцев был главным интеллектуальным угощением стола. Будкер слушал, слушал то ли фантомы, то ли «факты» - а среди них были такие, которые можно было попытаться воссоздать и научно исследовать, и сказал: «Не надо сетовать на то, что ученые не обращают на вас внимания. Я вам предлагаю следующее. Вы

приезжаете в наш институт (командировку мог обеспечить «Огонек» - Л.Ш.), излагаете все, что вы нам сейчас рассказали. Если ничего не подтвердится, вы можете спокойно уезжать. Если что-то, пусть не все, но подтвердится, я открываю вам в институте лабораторию (Будкер это мог! – Л.Ш.). Если я обнаруживаю обман, я вас стираю с лица земли…» Предложение было воспринято, как оскорбительное и отвергнуто. Но Будкер был верен себе: ни секунды не колебался – рисковать или нет. Тогда ученых, всерьез интересовавшимися паранормальными явлениями, считали чуть ли не шарлатанами…В мире высоких энергий и высоких скоростей возникают частицы, которые живут лишь крохотные, миллионные доли секунды. Но они успевают оставить свой след, а ученые, исследуя его, получают информацию, которая обеспечивает их интеллектуальной работой на долгие годы. Будкер, как и обожаемые им микрочастицы, прожил стремительную жизнь и ушел в иной мир, когда ему еще не было шестидесяти. Но он не ушел бесследно. Его труды по ядерным реакторам, ускорителям, физике плазмы, физике частиц высоких энергий и многому другому легли в фундамент наших знаний о мире, как ни пафосно это звучит. Я не могу судить, великий ли он был ученый или нет. Сам же он не считал великим ученым даже Игоря Васильевича Курчатова, своего учителя – отца всех наших атомных дел, одного из крупнейших ученых недавнего прошлого и блестящего организатора. У небожителей свои мерки. Но, безусловно, Будкер был азартным человеком. А ведь азарт, да еще направленный в должное русло - тот же дар божий.

В наших крохотных квартирках в Лобне иногда собиралось более двух десятков человек. Ничего, на всех хватало места. На этом снимке вы видите Будкера (крайний слева) и Амосова (второй справа).

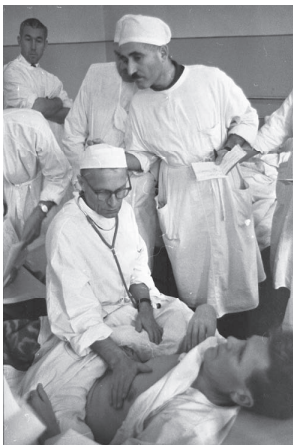


Николай Амосов. 1967 год.

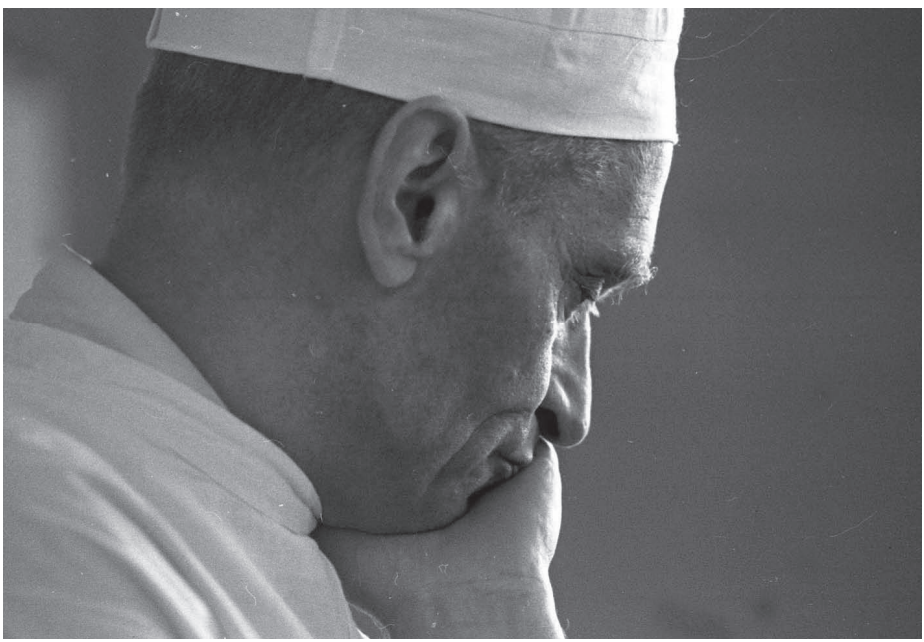
Николай АМОСОВ

…Жизнь быстролетна, память коротка.

Все меньше становится людей, помнящих Амосова. Да и раньше, когда слышали его имя, говорили: «Это который – тыр-тыр-тыр…» - и быстро двигали локтями, изображая бег. Тот самый. Николай Михайлович сам давал повод для подобных разговоров. Даже приезжая в Москву и живя в гостинице «Москва» (он многие годы был депутатом Верховного Совета СССР от Украины, где проживал постоянно), Амосов совершал часовые пробежки вокруг гостиницы, изумляя, вероятно, редких утренних прохожих. Нелепый тощий старик в достаточно нелепом облачении «трусится» (то есть, бежит монотонно, не спеша), с лицом то ли крайней сосредоточенности, то ли отстраненности. «Я – личность популярная, меня все бабки в гардеробах узнают, улыбаются. Нет, конечно, знают меня не как хирурга, и не как писателя. По телевизору видят – пропаганда здорового образа жизни…» Вот так, слава нас ждет не на столбовой дороге профессии, а на каких-то случайных тропах: мелькнул, увидели, запомнили, забыли…



Будни хирурга – обходы, консультации, конференции, операции. И долгие часы переживаний. Все ли ладно с прооперированным больным?



Теперь и представить трудно, а тогда, в начале шестидесятых, публикация записок врача, мало известного широкой публике хирурга (а уж тем более писателя!) в журнале «Наука и жизнь» всколыхнула весь врачебный и читающий мир. Писал врач Чехов, писал врач Вересаев – их много было – писателей, вышедших из врачей. Получалось, что они как-то тоньше, глубже видят человека. Но скорее – это заблуждение. Не профессия тут причиной, а талант. Да и писали они больше не о медицинских проблемах, а о широкой жизни во всей ее полноте. А этот хирург написал (да как!), что врачи тоже люди (не боги!), что мы, больные, мрем часто и по глупости и нерадению врачей. Он никого не обличал, не срывал «маску» (с кого срывать – он сам хирург). Казнил самого себя.

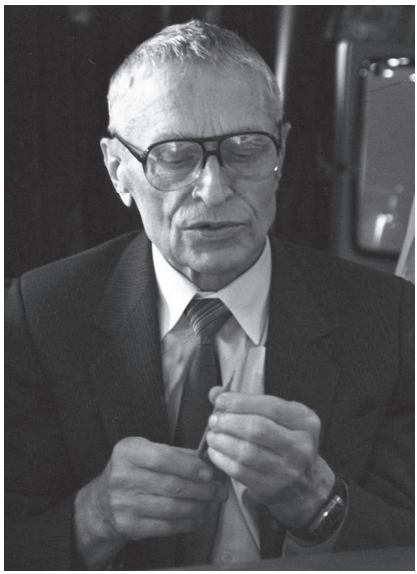
«Это морг. Такой безобидный маленький домик стоит в углу институтского сада. Светло. Яркая зелень. Цветы. Кажется, по этой тропинке ходит Красная Шапочка. Нет. Здесь носят трупы.

Я – доктор. Я иду на вскрытие. Вчера после операции умерла девочка…» Просто и жестко начинается повествование.

«Наука и жизнь» выходила громадным тиражом. Читал журнал и простой люд и интеллектуалы. Медицинское сообщество обиделось на святотатца: нельзя выдавать цеховых секретов. А бунтарем-автором был Амосов, хирург, еще не академик, но уже доктор наук, даже Лауреат Ленинской премии… «Мысли и сердце», так называлась книга, публиковалась уже отдельными изданиями. А вслед за ней выходит другая - «Записки из будущего». Там медик, профессор Прохоров, заболевает лейкемией. И он решает подвергнуть себя анабиозу. Попросту – заморозить себя до лучших времен, когда научатся лечить этот коварный рак… Обе книги были написаны мускулисто, без красот. Рубленые фразы. Лаконизм. Так мог писать настоящий, сильный мужик. Кремень…

И вот я в его институте, в Киеве. Первая встреча. В ординаторскую, где я сижу, открывается дверь. Лицо, еще в операционной маске, стремительный взгляд – всех увидел, все понял. И назад… Только потом уж я его разглядел: невысокий, можно даже сказать, маленький. Сухой – кожа, жилы, мускулы. Вот так должен выглядеть настоящий мужчина: скульптурная лепка лица, не жиринки, в глазах чуть не сумасшествие. Сила. Такому можно доверить жизнь…

Собственно, в переносном смысле, я и доверил свою жизнь. Никто не повлиял на мои взгляды больше, чем он. Знакомство наше завязалось почти на сорок лет, до конца его дней. Всех в дальнейшем встречаемых людей я поверял по нему. И редкий дотягивался до него по прямоте, по неже-



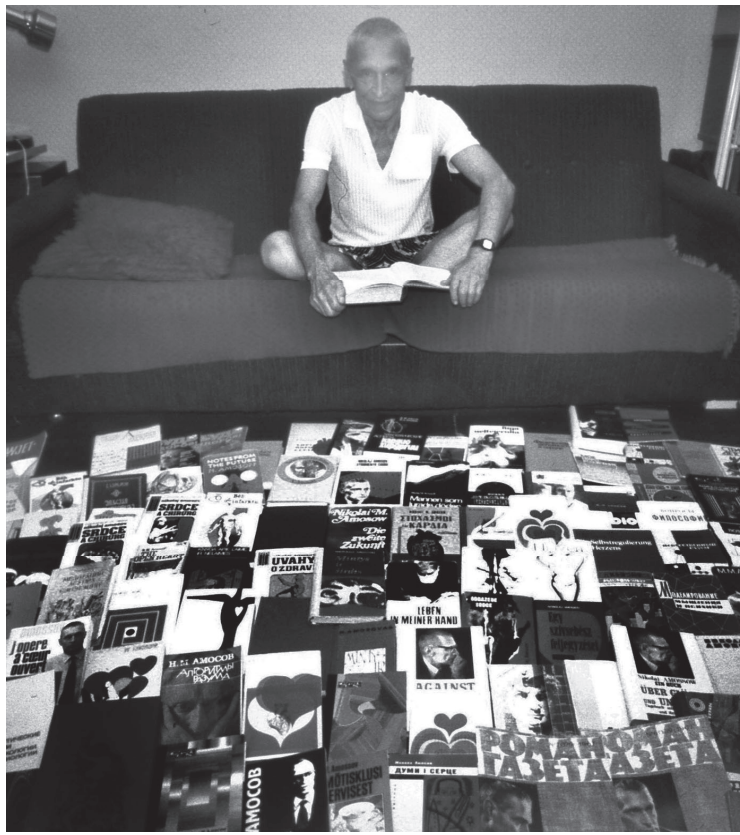
Не смотря на высокое положение (депутат!), Амосову не позволялось высказывать мнение на полосах газет. Но иногда удавалось сказать слово с трибуны. На нижнем снимке встреча до того лично не знакомых Собчака, экономиста Селюнина и Амосова в моей берлоге.

ланию не только врать, но и лукавить. Я уж не говорю о независимости суждений и оригинальности идей…

Врач и инженер – два высших образования. Но и в обеих этих обособленных профессиях ему было тесно. Он увлекается биокибернетикой. И на западе, где это дело было уже развито, признавали его идеи, как первостепенные. А он идет дальше. Размышляет над искусственным интеллектом, разрабатывает модели общества. Все существующие представления об обществе неполны: общество состоит из людей, а в человеке не учитывается его биологическая сущность. Утопические (в том числе и марксистские) ученья говорят: человека можно перевоспитать. Да, соглашается Амосов, но насколько? В человеке сидит зверь: заложенные инстинкты делают его таковым. И одним воспитанием их нельзя полностью стереть: агрессивность, жадность, похоть, трусость – эти важные для выживания «механизмы» заложены в человеке. Как не воспитывай, а что-то останется. Значит, это надо учитывать, чтоб строить хоть какие-то прогнозы на «прекрасное будущее». Но этого не понимает даже Сахаров, и в беседе с Амосовым пропускает мимо ушей…

«Собственно, и книги-то я пишу не ради беллетристики, - не раз говорил Амосов – а чтоб идеи свои «протолкнуть». Но «наверху» сидят не дураки, «крамолы» они не допустят. Во второй части «Записок из будущего», так и не напечатанной у нас (мне удалось читать ее в рукописи), речь идет о моделировании идеологии. Амосов пытается влезть в святая святых. Понятно, что бьют по рукам… А что касается фантастики – замороженный профессор в конце концов оживает… Только фантастикой ли это было для Николая Михайловича? В одном давнем интервью, напечатанным в «Литературной газете», на вопрос корреспондента, если б пришла смерть, а удалось бы оставить жить только мозг (читай голову), мог бы он пойти на это? Да, ответил Амосов. Спустя двадцать лет я снова задал ему этот вопрос. И он, 75-летний, снова сказал «Да!» Задумывался ли сердечный хирург, проведший тысячи операций, и «упустивший» десятки жизней (не боги!) – о бессмертии? Да. Теоретически, «личность» можно переписать. Создать кибернетического (компьютерного) двойника – со всеми эмоциями, мыслями. И этот двойник будет тобой: без рук, без ног, без кишок – один вариант. Или со всеми положенными человеку причиндалами. Такое создание с одной стороны – биоробот, а с другой – ты, поскольку вся «психика» в него переписана твоя. Есть ли жизнь после смерти? Он не верил свидетельствам, приводимым Р. Моуди, описывающим световые тоннели и улеты душ.

«Я опросил много больных, переживших клиническую смерть. Никто ничего подобного не ощущал…» Что за гробом? Ничего. Полное исчез-



Десятки книг на разных языках. Большинство о здоровье, физическом и духовном.

новение. Так хотелось бы поверить в бога и благие обещания вечной жизни. Но слишком рационален ум… Значит, остается одно: крепить и длить, данную тебе жизнь. «Врач болезнь, конечно, вылечит. Но здоровья – не даст…» Только труд, только движение, только упражнения до пота, до крайней усталости… Вам это надо? Мне – нет. Ленив, не склонен делать то, что не слишком приятно. И другие так. «Слушают мои «проповеди» с удовольствием. Но следовать им – не спешат…» Сам проповедник здорового образа жизни и физкультуры «истязал» себя до предела. Да и что еще остается в конце жизни, как не создавать химеры и следовать им.

«Из всех биологических потребностей осталось любопытство, творчество, чуть-чуть общения и совсем немного тщеславия. Смерть – оптимизация конца. Результаты раздумий об этом последнем этапе жизни таковы. Хорошо бы поверить в Бога, тогда смерти нет. Но не могу. Остается привыкнуть к мысли о смерти и планомерно сокращать потребности, чтобы в самом конце незаметно (с кислородом) отключилась последняя – дышать…»

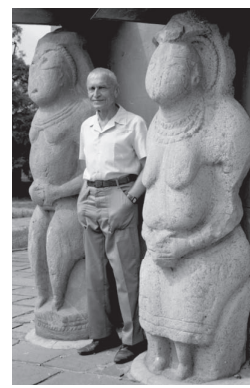
Так значит, все-таки умирать? А как же жизнь головы без тела? Вы же были когда-то готовы к этому. А теперь, у грани? Конечно, я не мог задать этого вопроса Амосову в третий раз. Ответ на него так и остался загадкой…

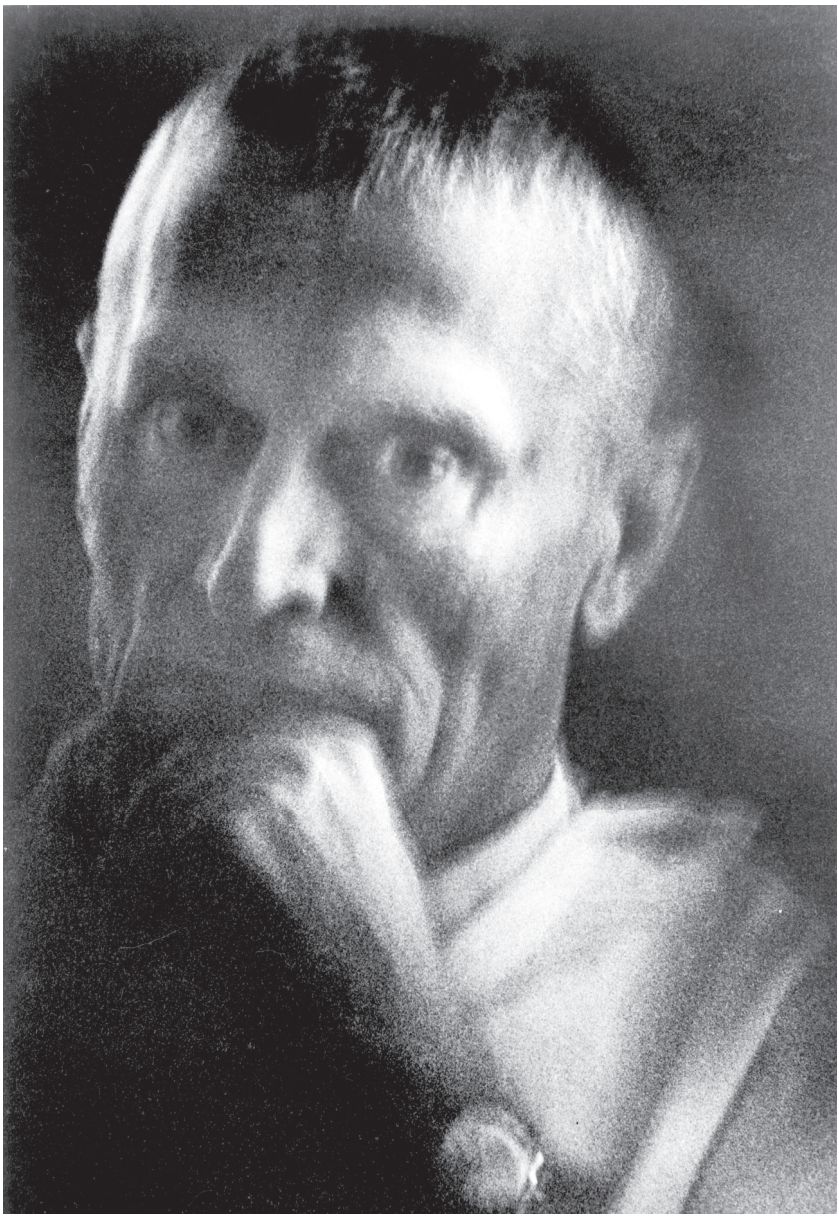
Эпикур говорил: «Пока мы живы – смерти нет, когда смерть – нас нет». Обнадеживает.

В Бога Амосов не поверил, но Нагорную проповедь чтил.

Много старик перепробовал в жизни, многого достиг, еще в большем хотел докопаться до истины… И сознавал: «Все суета сует!»

«Тыр-тыр-тыр…»





Юрий ГАГАРИН. 1964 год.

Юрий ГАГАРИН

Бывают дни, которые люди запоминают надолго, на всю жизнь. Для поколения, от которого я отстал на десять, а может, только на пять лет, это было начало войны. В тот июньский день один возвращался с экзамена, другой перебирал велосипед, третий выскочил в булочную в тапочках на босу ногу. И вдруг голос из репродуктора: война… Зато день победы я уже запомнил. В городе, где я жил, с утра было солнце, но необычайно свежо. Потом шел мелкий дождь, люди толпами запруживали улицы. Мы сидели с отцом у нашей знакомой, и она угощала нас вяленой дыней. Кажется, никогда больше в жизни я ее не едал, а вкус до сих пор во рту…

12 апреля 1961 года я с утра отправился на съемку на радиозавод. И там по заводскому радиовещанию услышал: «…пилотирует корабль старший лейтенант Юрий Гагарин!» А уже в последующем сообщении о приземлении – майор! Майор Юрий Гагарин! Бывают события, которые объединяют всё и вся. Полет Гагарина каждый ощущал, хоть немножко, но как свою собственную победу.

Где появлялся Гагарин, там – оживление, ажиотаж, радость. Всем он – свой. 1964 г.

Я работал в то время в Уфе. До Гагарина было далеко, как до солнца. Через несколько лет, снимая уже в «Огоньке», я увидел любимца планеты, точнее – буквально на секунду – мелькнувшую полу его шинели. По каким-то делам он приехал в издательство «Молодая гвардия». Его провели по коридору в кабинет директора. Тут я и ухватил глазом невысокую фигуру в длиннополой шинели. Секунда, полсекунды – все. Была еще одна встреча. В колонном зале Дома Союзов шла какая-то очередная молодежная международная конференция – куда ж без иконы? А первый космонавт уже стал необходимым атрибутом всех значимых торжеств. В метущейся толпе фоторепортеров и мне удалось нажать на кнопку пару раз. Вот он Гагарин – дает автографы, улыбается. Но он уже подпорчен – разбита бровь. Поговаривают – загулял. Человек же в конце концов!

А вскоре трагедия – погиб. «Не уберегли», - слова Василия Пескова, много писавшего о космонавтах, были до боли точны. Не уберегли.

К двенадцатилетию полета в космос первого человека, я решил съездить на его родину, в бывший Гжатск на Смоленщину, к родителям Юрия Анне Тимофеевне и Алексею Ивановичу Гагариным.

Весна в небольшом городе всегда чувствуется острее. Гомонятся в посиневшем воздухе стаями птицы. Мальчишки, сбросившие пальто по случаю первого теплого дня, суматошно носятся по лужам. Бывший Гжатск невелик – за полчаса можно пройти город из конца в конец. Тонюсенькой тетрадочки достаточно, чтоб перечислить всех абонентов АТС. Но город известен всем. Известен и домик, ставший музеем космонавта – Меккой. Говорят, сюда приезжали перед полетом космонавты, еще не оседлавшие ракету. А уж те, кто слетал, долгом своим считали посетить город и выпить стакан чаю у матери Юрия. Вскоре после полета родителям Гагарина выстроили дом как раз напротив прежнего жилища, которое превратили в музей первого космонавта. Новый дом тоже скромен, но все-таки чуть побольше.

Насколько Юрий с его необыкновенной, лучезарной улыбкой, как никто другой подходил под роль символа – героя нашего времени, настолько же и Анна Тимофеевна соответствовала представлению о русской матери – заботливой и доброй, взыскательной и ответственной, спокойной и мудрой. Такая мать может быть представлена в былине – не убавить, не прибавить. Зато отец, как бы это сказать помягче? – шутник, балабон? Язык не надолго скрывается за его зубами – присказки, прибаутки. Похоже, первая - то скрипка в доме не он.

Анна Тимофеевна и Алексей Иванович Гагарины. Письма, открытки, снимки, поздравления, вопросы. Коллеги Юры, уже летавшие и еще не известные космонавты не забывали стариков. А рядом в музее – скафандр Гагарина и его «Волга». 1973 год.

Встреча наша проходила под восьмое марта. А племя Гагариных заметно: сестра Зоя, братья Валентин и Борис, у них свои семьи, дети. Вот уже чистая скатерть на столе. Первый тост – за мать, за дочерей, внучек, невесток – за женский праздник. Дед все порывается рассказать какую-то забавную историю, да Тимофеевна сердито на него машет рукой - заболтался совсем. В октябре у старших Золотая свадьба. А я сижу и не могу поверить, глядя на эту еще не старую, крепкую женщину с красивым русским лицом, вырастившую четверых детей, пережившую войны, голодные годы, бесчисленные тревоги за каждого из четверых, не могу поверить, что ей вот уж совсем скоро – семьдесят. Все также красивы и остры ее, тронутые морщинками глаза. Все так же крепка поступь, жив и точен язык. Каждый из нас, не в обиду собственным матерям, с гордостью мог бы назвать ее и своей матерью. Так же, как каждый из нас считает Юрия не просто человеком, совершившим подвиг, а очень родным, близким, каким может быть только брат.

Анна Тимофеевна.

Сегодня Юрию исполнилось бы тридцать девять.

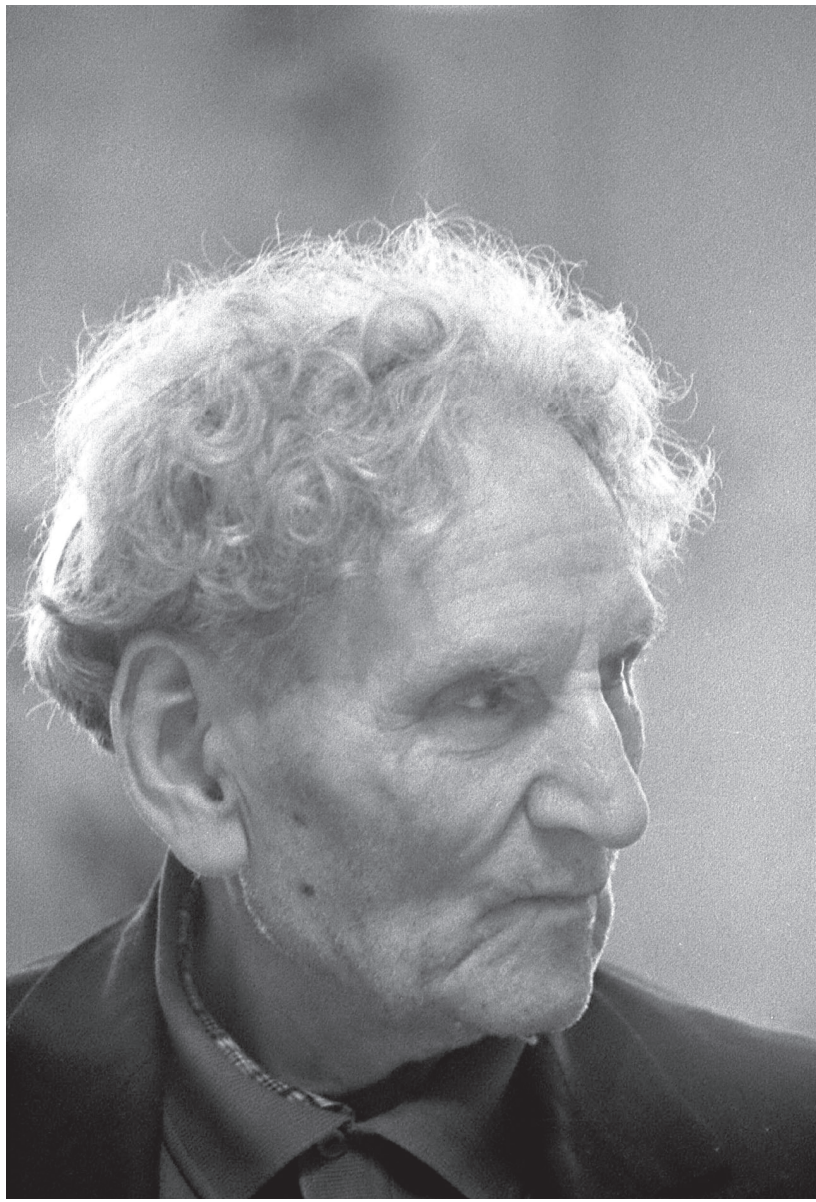
- За НЕГО,- негромко произносит Зоя и наполняет стоящую в центре стола рюмку, - за светлую память его. Завтра бы Юре исполнилось тридцать девять…

Не уберегли…

Ах, какой воздух! И как пронзительно кричат грачи. Бегут за веснами весны. Вот уже и мы, люди моложе Гагарина, превратились в седых стариков. И многие из нынешних молодых уже не могут понять ни наших чувств, ни сентиментальности, вдруг прорывающейся в нас. Одни поколения мальчишек будут сменять другие. И те же будут их заботы: лупить друг друга снежками, да строить запруды поперек ручьев. Что их ждет, кем они станут? Вспомнят ли когда тех, кем гордились их деды? Хотелось бы верить, не все пойдет прахом…

Я прощаюсь с хозяевами, обещаю выслать снимки: «Так ты адрес запомни, сынок, - говорит Алексей Иванович.- Он простой: город Гагарин, улица Гагарина, Гагариным…»

Не забыть бы лишь ключевое слово…



Мартирос САРЬЯН. 1963 год.

Мартирос САРЬЯН

Солнце яростное, ненасытное, палящее. Пропеченные солнцем холмы с выжженной, рыжей травой. То там, то здесь поднимают свои лбы валуны, достигающие иной раз исполинских размеров. В тени небольших и тоже охряных рощиц сизые каменные плиты древних кладбищ. И тут же, невдалеке, принимая на свои купола бездонное, поседевшее от жары небо, стоят стражи вечности – храмы. Кто складывал эти стены, кто тесал плиты? Кто вырезал эти каменные кресты – хачкары? Их уже нет. Но не их ли тепло и по сей день отдают эти камни? А это солнце, жгуче-медное солнце? То, что пришло к нам с полотен багряно-красных и жарких, сиюсекундных и вечных, потому что – ТАК ЕСТЬ. Можно не знать живописи, не любить ее, не понимать, но взглянув на эти полотна, нельзя усомнится лишь в одном: изображенная здесь страна существует. И имя ей – Армения.

Такой вот жаркой осенью я попал в город, сложенный из розового туфа. В розовый город Ереван. Холмы, ведущие свой бесконечный хоровод вокруг города, ловко поднырнули под его улицы и дома, вздыбив одни из них и низвергнув другие. Величаво взирал на эту игру белоглавый Арарат. Дом стоял на одной из нешумных улиц. Дом как дом. Может, чуть получше других, может, чуть поменьше соседских. Запомнилось другое. Хотя там и жили люди, обычная семья, любой посторонний, мне показалось, мог войти туда, если не на правах хозяина, то хотя бы как посетитель музея.

«Входите, входите!» - кивнули нам и указали рукой – туда, мол. Мы поднялись по какой-то лестнице, прошли какие-то коридоры, толкнули какую-то дверь и оказались в довольно просторном помещении – мастерской. Да, это была мастерская мастера. Те же мольберты, те же подрамники, обтянутые холстами, готовые или отложенные работы, заполняющие пространство, где попало. Что-то из утвари, предназначенное, видимо, для работы над натюрмортами, разношерстная мебель, полупустые бутылки из-

Палящее солнце, древние камни и древние храмы – лицо Армении

под растворителей, тюбики с краской на полочках возле мольбертов, на подоконниках следы затертых пятен краски на полу. У нас было время осмотреться. Хозяин, видимо, был занят, а никто другой за нами не поспешил. Наконец, послышались шаги, растворилась дверь. Вошел невысокий старик, увенчанный беспорядочно-художественной шапкой жестких седых волос. Имя его тогда было известно повсюду, всемирно известно. Мартирос Сарьян, которому шел 84-й год, был не только патриархом Армении, но и ярким символом культуры всей, тогда еще неделимой страны. Как удержаться от некой неловкости, чувства собственной малости перед явлением таланта, гения, абсолюта? Но нет. Смятение быстро рассеялось, едва лишь начался разговор. Да и можно ли назвать разговором происходящее, если говорит в основном один, а у других и не возникает желания прервать эту речь репликой или ненужным вопросом? Время от времени в мастерскую заходили люди – скорее это были родственники Сарьяна. Забегала его внучка, будущая, если не ошибаюсь, балерина, заходили какие-то мужчины.

Это даже не интервью, а долгий-долгий рассказ человека, которому есть, что сказать.

Свои они были или нет – не знаю, но чувствовали все себя уверенно, спокойно, как дома. Прошел уже, видимо, не один час, а беседа все лилась и лилась. Я забеспокоился: уже столько кадров отснято, а пленка в камере все не кончается. Так и есть. Я просто забыл зарядить ее в аппарат и щелкал, стало быть, пустым затвором. Тут же заложив катушку с пленкой и проверив, идет ли она, я снова начал снимать. И вот уже отснята и эта катушка, и другая, и третья. А разговор все идет. Вот уже и аппарат отложен из-за ненадобности. За окнами начинает темнеть, а зажигать свет не хочется – зачем ломать так тихо бредущий разговор? Я долго думал потом: нам ли это мастер оказал такое уважение или это было привычным общением его с людьми. А потом пришла мысль. Да ведь он нам отдавал то, что, боялся, может уйти вместе с ним в могилу. Нет, жизни ему еще было отмерено немало, скольким людям он еще успел раздарить себя? И сколько людей хранят в себе ту искорку тепла, скольким еще она будет согревать душу? У каждого народа, в любое время должен существовать тот, кто может именоваться духовным лидером нации (по крайней мере, так должно быть, если нация духовно здорова, чтит свои обычаи и историю). Подобной фигурой может стать властный или религиозный иерарх, но такое случается не часто. В большинстве случаев – это люди глубокой духовной жизни – писатели, артисты, художники, ученые. Неважно, какая у него профессия, решению какой проблемы посвятил он свою жизнь (да и ставил ли он такую задачу перед собой?). Но лидер обладает тем, что принято называть нынче модным словом «харизма». А говоря проще, каждый считает его, если не «совестью нации», то очень близким и свойским человеком, слову которого можно доверять, как без раздумья в добрых семьях дети верят слову отца. Одним из таких в Армении прошлого века и был замечательный художник, солнечный, искристый в своем творчестве Мартирос Сарьян. Дед говорит с внуками, не поучая их, но размышляя…

Долгая жизнь прожита. Многодетная армянская семья. «Яркое солнце, до изнурения жаркие дни… Детское восприятие всего этого неописуемо, грандиозно и фантастично». Способный юноша учится у таких мастеров, как Валентин Серов, Константин Коровин. А они умеют не только научить ремеслу, но зародить в молодом человеке самоуважение художника. Помогают сформировать личность. Сарьян отправляется в долгие путешествия – в Турцию, в Египет, в Иран. Но главное – это Кавказ, родная Армения. И еще школа – работы уже состоявшихся художников, таких как П.Гоген, А.Матисс. Но только школа, а свои пути в искусстве он будет прокладывать сам…

«Задавая себе вопрос был ли я счастлив в жизни, могу ответить вполне определенно – да. Разве не счастье вступить в жизнь из небытия, осознать свое Я, увидеть свет, день, солнце и пользоваться бесчисленными благами, щедро, в изобилии предоставленными матерью-природой человеку? Ощущение жизни – ощущение счастья».

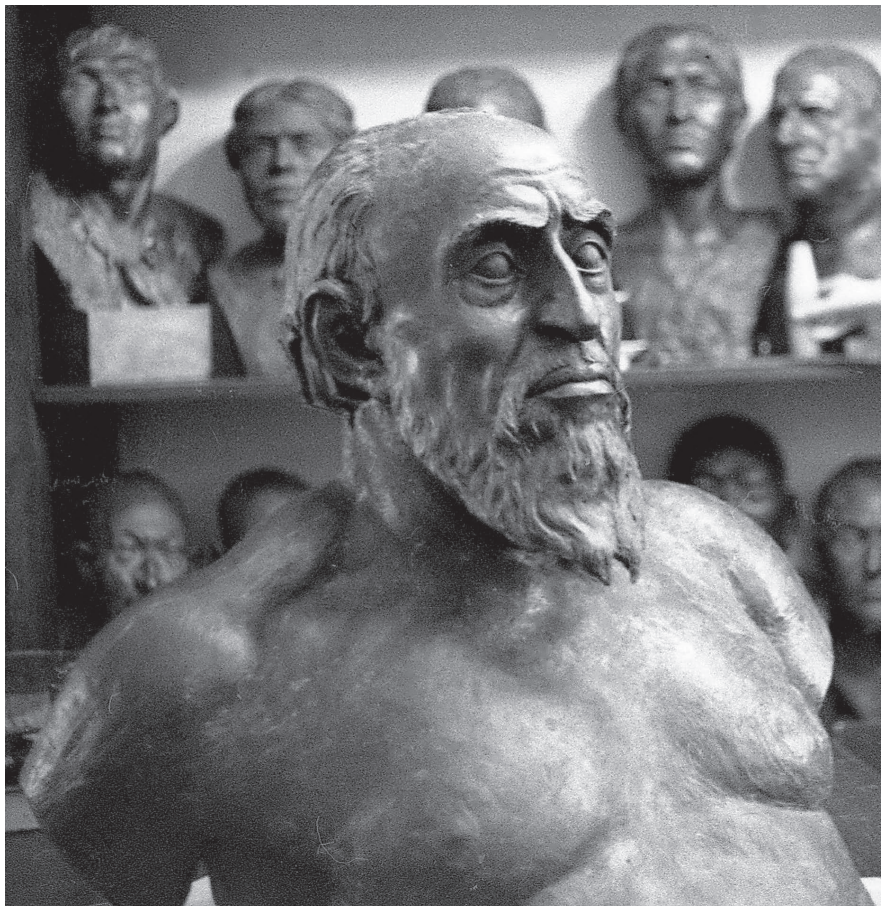
«К концу моей жизни, если считать, что в годы мои уже надо посмотреть, что сделал, оправдал ли перед своей совестью, перед искусством, которому посвятил всю свою жизнь, начиная с пятнадцатилетнего возраста, - я почувствовал, что только наметил путь и только должен начать свою работу. Так много открылось передо мной. Так много прекрасного, мудрого, непостижимого, как в самой природе»…

Мы успели выпить и по стаканчику вина, отведать долмы - настоящей армянской долмы с виноградными листьями и мацони, которыми угости хозяева. И еще - подумать: вероятно, существует тот возраст, когда человек живет только для других. Жаль, но не все до этого возраста доживают…

Михаил ГЕРАСИМОВ. 1966 г.

Михаил ГЕРАСИМОВ

В шестидесятые годы в нашей стране началось массовое строительство жилья. В недорогих пятиэтажках без лифта и квартиры были невелики: потолок – 2,5 метра, кухонька метров 6 квадратных, а то и вовсе 4,5 – 5. Соответственно и комнаты, самая большая редко достигала двадцати квадратных метров. Но люди переезжали из «клоповников», из бараков. На помойку летели уцелевшие бабушкины буфеты с обильной и дорогой резьбой и размерами чуть не с железнодорожное купе. В новых квартирах их попросту некуда было ставить. Даже по высоте они не влезали. А в моду вошли копеечные «стенки» из прессованной трухи. крошечные журнальные столики, торшеры. Новый, демократичный стиль. Этот стиль стал царить и в архитектуре: голые, без украшений параллелепипеды зданий – так в малых формах и в больших. В Москве строились коробки гостиниц «Россия» и «Националь», а в самом Кремле закладывался грандиозный Дворец Съездов. Не было бы счастья, да несчастье помогло… Но об этом чуть позже. А пока вернемся в тридцатые годы прошлого века.



Так вот он каков Иван Васильевич ГРОЗНЫЙ. Явно восточные ветры шлифовали его лицо.

Людям всегда было интересно знать: а как же доподлинно выглядели их предки, как безымянные, так и конкретные человеческие личности. Подобным вопросом задавался и молодой талантливый антрополог и археолог, не лишенный как художественного вкуса, так и способностей скульптора. Он изучал строение костей, в особенности костей черепа, и сделал смелый вывод. По особенностям этого строения можно восстановить внешний облик жившего человека. Он стал создавать портреты. Сначала безымянные – питекантропа, синантропа. Ученые, конечно, ему не верили ни на йоту и под-

нимали на смех. Но серьезные дяди из уголовного розыска подумали: нельзя ли использовать метод для опознания жертв преступлений по сохранившимся черепам? Как принято говорить, успех превзошел все ожидания. Когда портрет показывали родственникам жертвы, те от неожиданности едва не теряли чувств, настолько было велико их потрясение… Со временем Михаил Михайлович создал немалое количество портретов конкретных исторических лиц.

И вот пора вернуться в Кремль. Работы по закладке фундамента Дворца, изменили гидрологический режим почвы Кремля. Успенский Собор, где хоронились русские цари и митрополиты, был построен на сваях. Их нужно было укреплять, проводить необходимые работы. В зону работ попадало и захоронение Ивана Грозного. У Герасимова появилась возможность создать подлинный портрет Ивана Васильевича. И вот узнав, что портрет готов, мы, корреспонденты «Огонька» Ванда Белецкая и я, фотокорреспондент, устремились в эту таинственную мастерскую – лабораторию пластической реконструкции института этнографии АН СССР, которую и возглавлял Михаил Михайлович Герасимов. Дальше можно не описывать – все видно на снимке. От пола до потолка вдоль стен стеллажи, а на них бюсты сотен людей. Но нас интересует пока единственный из них – таинственный полумифический – полуреальный Грозный. Вот он – властный, даже надменный российский властелин с явной примесью азиатских черт на своей личине.

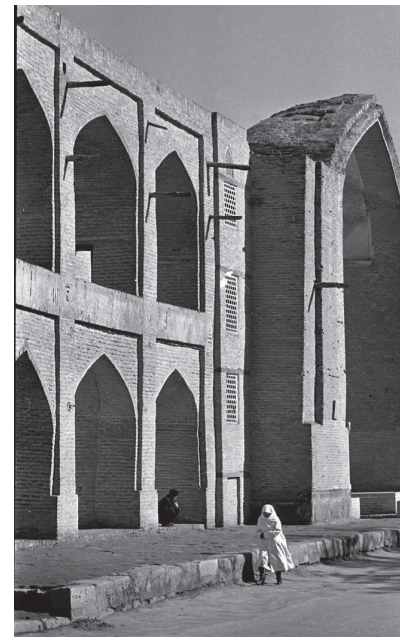
Герасимов за свою не такую уж долгою жизнь (он прожил 62 года) создал громадную галерею исторических личностей. Это Ярослав Мудрый и Андрей Боголюбский, Тимур и Улугбек, адмирал Федор Ушаков и немецкий поэт Фридрих Шиллер. За каждой реставрацией стоит своя увлекательная, чуть ли не детективная история. Например, адмирал Ушаков. Его достаточно жесткие черты, квадратный подбородок вовсе не вязались с сохранившейся парсуной гладкого холеного барина. И когда снимался художественный фильм о знаменитом флотоводце, актера подбирали и гримировали под документ, предоставленный Герасимовым (в фильмах «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы» заглавную роль исполнил Иван Переверзев)

Любопытно и с Шиллером. В Германии, в ГДР, куда Михаила Михайловича, пригласили для цели воссоздания облика поэта, существовало три черепа, «принадлежащих» Шиллеру. Когда он их увидел, то сразу забраковал один – он был явно женский. Поясняя, ученый сказал, скорее всего в шутку: «Женский всегда красивее». Из двух других выбрал тот, что более отвечал известным портретам Шиллера… Но самая мистическая и часто

вспоминаемая история связана с Тамерланом – великим завоевателем (головорезом?) Востока. Мне приходилось многократно слышать (читать) эту историю. Но впервые, кажется, я узнал об этом из рассказа Малика Каюмова, известного кинематографиста Узбекистана, который присутствовал при событии и фиксировал его на пленку. Я несколько обобщаю все услышанное и получается вот что.

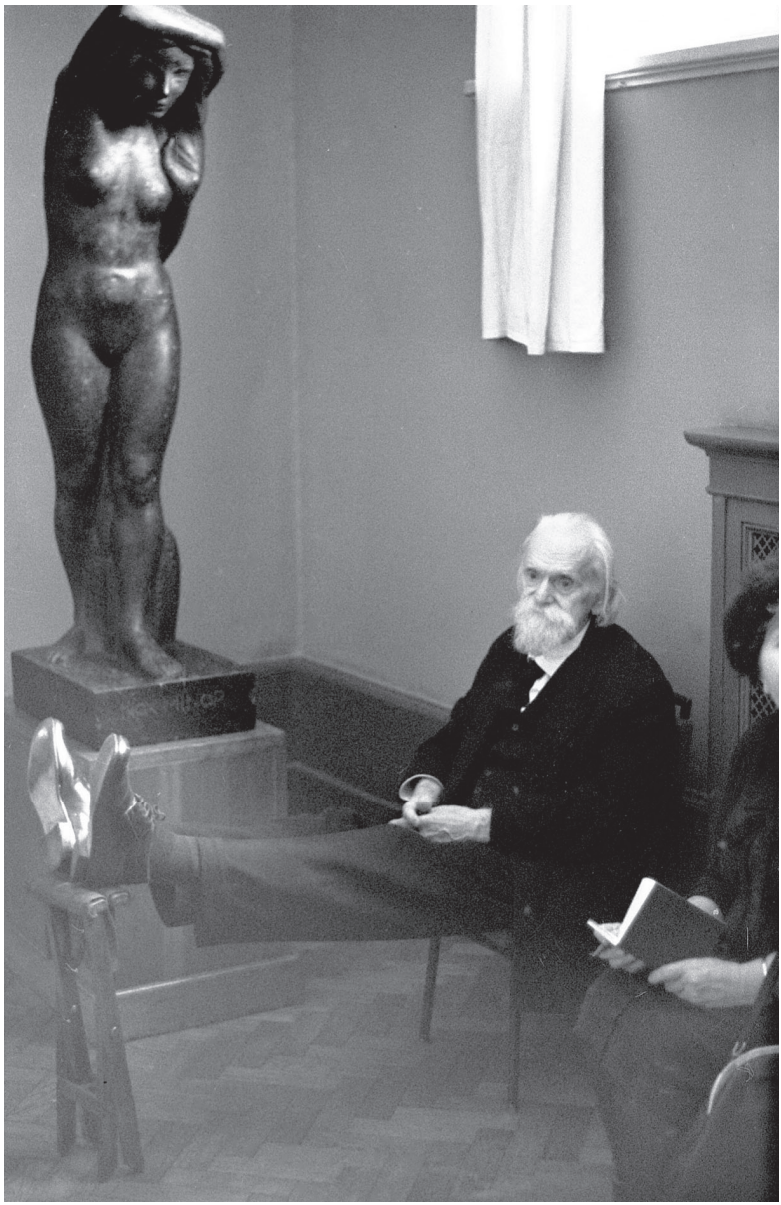
В начале лета 1941 года начались археологические изыскания в Самарканде. Поговаривали, что одной из целей этих раскопок был поиск золота и прочих драгоценностей, которые могли быть захоронены вместе с Великим Хромцом. Против раскопок насмерть стояло не только духовенство, но самые обычные люди, особенно старики. Они говорили: «Если вскроешь гроб Тимура, то в течение трех дней начнется страшная война». Вскрытие могилы происходило с 19 на 20 июня, в ночь. Об этом сообщили ТАСС и корреспонденты газет. Что произошло в ночь на 22 июня 1941 года, мы все знаем.

О Михаиле Михайловиче говорят, что это был легкий, остроумный человек, изумительный рассказчик. Но главное он обладал гениальным предвидением, научной интуицией, и безупречностью в работе. Не раз его пытались проверить и даже разыграть. Как-то ему предложили для



Самарканд 60-х годов прошлого века и могила Великого Хромца.

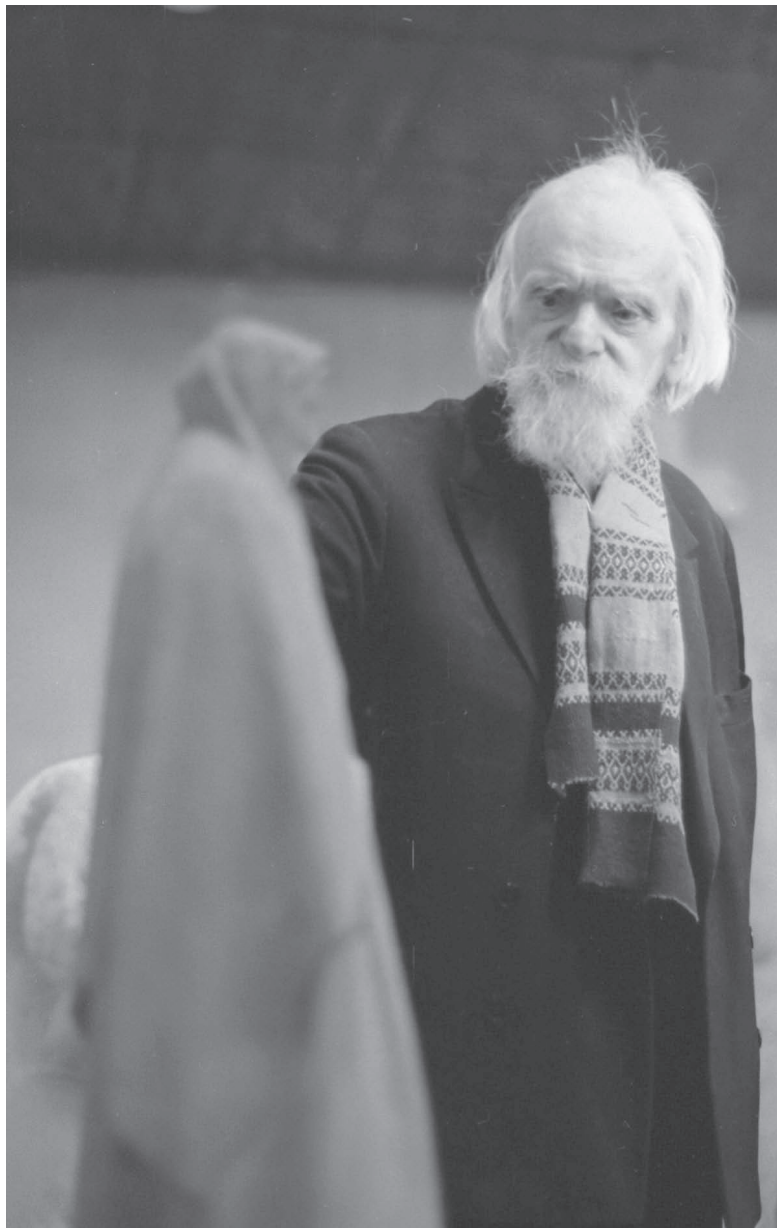
реставрации неизвестный ему череп, который принадлежал папуасу. Полагали, что скорее всего получат портрет европейца. Нет, вышел папуас. Известный академик Б. В .Раушенбах и его жена, Вера Михайловна, служившая в Историческом музее, были давно знакомы и дружили с антропологом. О своем друге они писали: «Всю жизнь Михаил Михайлович имел дело с покойниками, но сохранил и веселость, и задор, и необыкновенную общительность. И это нормально. У Шекспира все палачи – великие шутники, а могильщики – острословы. Дело в том, что ко всему привыкаешь… Ему необходимо было изучать и головы умерших в моргах, как было необходимо Микеланджело Буонаротти препарировать трупы, чтобы понять строение человеческих мышц. Работая с трупами, Герасимов пришел к выводу, что после смерти в тканях человеческого тела кое-что изменяется, а потому для контроля и уточнения стал работать по рентгенограммам – дополнительно. Он просил своих друзей-врачей давать ему такие рентгенограммы. Один из них решил подшутить и вложил в пачку рентгенограмм и свою. Перебирая их, Герасимов спросил: «А когда ты снимался?». Провести его было невозможно…»

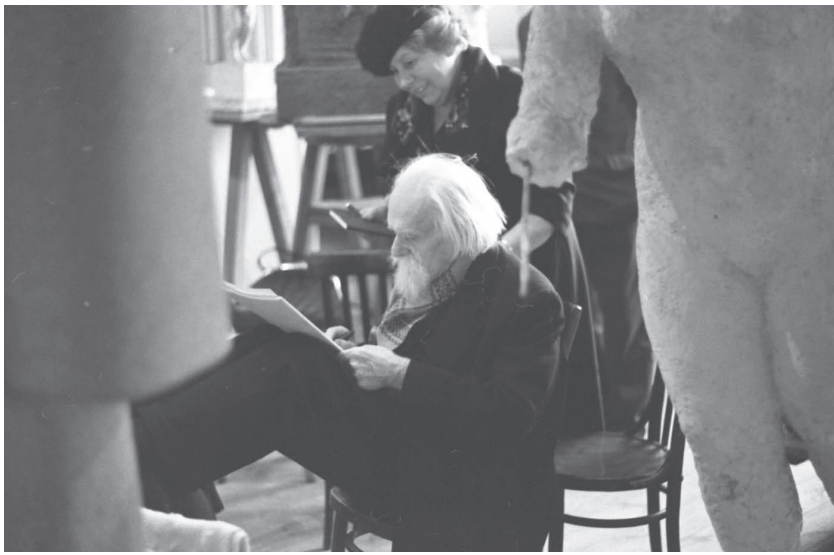


Теодор ЗАЛЬКАЛН. 1967 год.

Теодор ЗАЛЬКАЛН

«Таки дели – говорил Гризели». Седой старик с тонкими в прозелень волосами был укутан в теплую шаль, больные ноги в суконных ботах неуверенно ступали по полу, а руки, покрытые бурами пятнами старости, ощупывали то, что под этими руками когда-то и рождалось. Это были головы, куски глиняных тел, неоконченные фрагменты неведомых будущих композиций. Старик показывал свою мастерскую, а заодно и сам, видимо, окунался в то, ставшее уже прошлым время, свидетельством которому и служили эти полусырые фигуры, и дозреть им уж вряд ли было суждено. Старик вспоминал жизнь. Это не был последовательный рассказ о прошедших годах. В разговоре всплывало то, что в эту минуту казалось наиболее интересным или забавным. И Петербург, еще дореволюционный, царский, и столицы Западной Европы, и благословенная Италия, вечный город Рим, праздный Неаполь, и суматошный, чуточку игривый и вечно молодой Париж.





В молодости старик видел Льва Толстого, знал Репина. Это так, штрихи. Он не составлял реестра знаменитостей: с кем виделся, с кем дружил. Заметим, что ни европейская, ни российская культура ему не была чужды, как и сам он не был чужд им. Свои полушутливые воспоминания он то и дело перемежал фразой: «Таки дели». «Таки дели?» - «Таки дели – говорил Гризели», - усмехался, поясняя, старик. И трудно было понять – шутит ли он, разыгрывает собеседника, или действительно был такой неведомый Гризели, основавший эту универсальную фразу.

Потом бродили по залам музея. Головки, затейливые хрюшки, пузатые фигурки малышей и быков, и много-много иной всячины, казалось, были сотворены не руками человека, а выточены волнами, песком, ветром. И тем же порывом ветра занесены сюда, в строгие стены Рижского музея. Когда старик уставал, он садился в уголок, а под измученные ноги подставлял раскладную скамеечку. Шел тогда Теодору Эдуардовичу Залькалну девяносто первый год…

Долгая, долгая жизнь… Петербургское художественное, затем европейское образование (училище Штиглица в Питере, мастерская

Родена в Париже). Урал, Екатеринбург начала века. Там он преподает, и один из его учеников – Иван Шадр. Потом Залькалн выполняет несколько работ в плане ленинской монументальной пропаганды, а следом – возвращение в Ригу, в ту еще, буржуазную. Во время оккупации уже Советской Латвии он, будто бы собирался ваять Гитлера, да не закончил работы. А может, это только болтовня досужих языков. И вот снова Советская Латвия. А Залькалн снова в почете… В глубокой старости он был даже удостоен звания Героя Социалистического труда. И художник отменный и… живой. Не знаю, есть ли тут какая тайна или простое везение? Или это то исключение, без которого не бывает правила?.. Не зря же говорил Гризели: «Таки дели!..»

Андрей КОЛМОГОРОВ. 1963 год.

Андрей КОЛМОГОРОВ

Андрей Николаевич Колмогоров. Это имя широкой публике вряд ли что говорит. Он же не писатель, не художник, ни артист, не человек публичных профессий. Колмогоров – математик. Возможно, лучший не только из обширной и могучей советской математической школы, но лучший математик 20-го века в мире. Академик, Герой Социалистического труда, Лауреат высших отечественных премий – Ленинской и Государственной, он и сам основатель математической школы. Причем как в понимании научной, то есть совокупности определенных тем, задач, проблем и методов их решения, так и в узком, буквальном смысле – он основатель детской физико-математической школы, работавшей при МГУ, где и трудился, и жил сам академик.

Не стоит думать пренебрежительно о прилагательном – детская. Математические таланты, как и шахматные, и музыкальные, могут проявляться очень рано. Чем раньше они выявлены, тем больше вероятность их полной реализации. Подросток в 13-14 лет способен создавать идеи, перед которыми спасуют и маститые ученые. Пик же творческой активности у математиков тоже приходится на молодой возраст – лет до тридцати. Кому же это было и не знать, как создателю теории вероятностей?

Математические работы академика носили не только чисто научный, но и практический характер. Теория прицельной стрельбы была использована уже в годы Великой Отечественной войны. Многие склонны считать математику наукой наук. Вероятно потому, что не только ни одна точная наука - физика ли, астрономия, но и такие отдаленные от точных величин специальности, как биология или медицина, уже не могут развиваться без поддержки математики. Да что там – поэзия, эта легкомысленная и капризная дама, так же как и музыка, и они «поверяются алгеброй». И не даром, одним из пунктиков ученого, его увлечений, было математическое препарирование поэзии – поэтика в математике. Сборник его стиховедческих работ выходил под редакцией крупнейшего филолога прошлого века Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Этот снимок - отражение в зеркале тбилисского номера гостиницы, а сам я спрятался за спину ученого, на всякий случай, чтобы не прогнал…

Что Колмогоров – гений, в этом никто не сомневался уже при его жизни. Коллег удивляла его исключительная общечеловеческая культура, его знание поэзии, литературы вообще, музыки, истории, архитектуры…

Что все гении – чудаки, в этом тоже никто не сомневается, что называется, по жизни. Все странности поведения (скажу мягче – особенности) были заметны сразу. Захлебывающаяся речь, когда говорящий мало заботится, понимает ли его собеседник или нет. Взгляд, который трудно поймать. И при этом понимание твоего вопроса или ответа, буквально по первому же произнесенному слову. Мгновенная, хотя и странноватая ответная реакция.

Снимать ученого я поехал в Комаровку, поселок, затерявшийся где-то по Ярославскому направлению. От станции несколько километров пешком. Осень, грязь, слякоть, в воздухе висит такая сырость, что постоянно

Андрей Николаевич дома в любимой Комаровке.
На математической конференции в Тбилиси. Перед выступлением (слева), на которое математическая публика буквально ломилась. Справа – Колмогоров-слушатель. 1963 год.

искрят и трещат высоковольтные провода. Деревянная дачка. По тем временам - чуть ли не дворец, по нынешним – пшик, сарайчик для хранения садового инструмента. Андрей Николаевич спрашивает: «Как вы относитесь к холодной воде?» - «Вообще – нормально» - «А в частности?...» В такой форме я получаю приглашение принять участие в заплыве по Выре – местной речушке. Деду – 60, мне 25. Не пасовать же… В то время, а может и во все времена, у математиков общим увлечением был туризм. Они забирались в самые дикие горы, сплавлялись по сумасшедшим горным рекам, шли тропами, которые прокладывали за десятки, а то и сотни километров от человеческих поселений. Колмогоров был одним из таких экстремалов. В обширном фотоальбоме он со своим друзьями-коллегами: то на лыжах в одних плавках спускается по склоном заоблачных гор, то спускается в утлой лодчонке по пенистой реке. Не мудрено, что в свои шестьдесят, он имеет крепкий торс, мощные ноги, мускулистые руки – все то, что невозможно представить под измазанным мелом затрапезным пиджачком…

Все это происходило давно – в 1963 году. Снова судьба привела меня в Комаровку лет через тридцать с хвостиком. Я ехал в гости к Заходеру, тому самому, чей Вини-Пух и прочее. Разговорились с его женой, Галиной Сергеевной - очень милой женщиной. Она поинтересовалась, не знаю ли я, кто снимал их соседа Андрея Николаевича Колмогорова в те, давно ушедшие годы. «Я». «Правда? А вы помните снимок на обложке «Огонька»? Он там в такой светлой курточке. Так вот эта курточка…» Это уже была не куртка, а кусок ткани от нее, украшенный то ли вышивкой, то ли аппликацией - какое-то произведение рукодельного искусства, вставленное в соответствующую раму. «Со временем Андрей Николаевич выбросил износившуюся куртку, а я решила ее подобрать. Вот видите, как она хороша здесь?»

О боже! Дивен этот мир. Давно ушел из жизни Колмогоров. Воспоминания и те уже начинают покрываться патиной времени. Но само время не умерло. Оно словно притаилось в тех уцелевших предметах, которые сами по себе, ровно ничего не значили в дни, о которых они сегодня щемящее напоминают.

Хочется закончить заметку словами самого Андрея Николаевича, словами, не лишенными духа поэзии и романтики, а между тем очень сущностными с математической точки зрения рассмотрения мира.

«Человечество всегда мне представлялось в виде множества блуждающих в тумане огоньков, которые лишь смутно чувствуют сияние, рассеиваемое всеми другими, но связаны сетью ясных очерченных нитей, каждый в одном, двух, трех… направлениях. И возникновение таких прорывов через туман к другому огоньку вполне разумно называть ЧУДОМ…»

На Тбилисском море. 1963 год.

Сергей ЛЕМЕШЕВ. 1960 год.

Сергей ЛЕМЕШЕВ

Кумир… Вот уж к кому это определение подходило без малейшей натяжки, так это к Сергею Яковлевичу Лемешеву. Обаятельный, красивый, как говориться, – благородный облик. Что поделаешь – голубая кровь! А голос! Легкий, льющийся без малейшего напряжения. Как ни банально сравнение: так поют только божьи создания – птицы – беззаботно, ненатужно. Поют и поют. Сладкий голос часто звучал по радио. В послевоенные годы радио, как и в минувшие годы отчаянной войны, не выключалось ни днем, ни ночью. Вне информационных выпусков звучала, в основном, классика. Или же песни – советские, русские, изредка – романсы. Наверное, Лемешев был не единственным из любимых исполнителей. Но запомнился он почему-то больше других. «Вдоль по улице метелица метет…»

- Мама, мама, послушай скорее…

И в ожидании подхода матери, чтоб песня не тратилась, не выливалась из репродуктора напрасно, мальчишка выдергивает вилку из розетки. А когда втыкает ее на место, там уже звучит другой голос… Нет, это был не я тем мальчишкой, но рассказ о незадачливом пареньке запомнил.

Кумиры не бывают без поклонников. Теперь поклонники называются фанатами. По своей основной черте – сдвинутости на почве своего кумира. Они подстерегают божество у подъезда его дома, возле служебного входа в театр, истово и шумно, а еще, собравшись в группу, выражают свой восторг на спектакле. Будь их воля, они с радостью бы разорвали своего кумира на кусочки, чтоб хоть пуговка, да досталась бы и им. Это хорошо отражено в одном фильме сороковых годов – безумство обожания! Кстати о кино. Перед самой войной выходит фильм «Музыкальная история». Сладенький, до приторности сюжет, к тому так потрафляющий идеологии: рабочий паренек, шофер, силой одного лишь своего таланта, попадает на самую главную сцену страны. У нас героем становится любой! В главной роли Сергей Лемешев. В роли ли? Это он рассказывает о самом себе. Никакая не голубая кровь в его жилах, а самая простонародная, крестьянская. Родился в тверской деревушке, славной разве только тем, что всегда в ней пели. И мальчишка пел. Наверное, не хуже других. Во всяком случае, с рыбалки, где тоже не смолкал его голос, он приносил улов повесомей, чем у других. «Это рыбы идут на его голос…» В небогатой семье пришлось и сапожничать, и прочие хозяйственные работы познать. Не беда, работа песне не помеха! «Учиться бы тебе надо!» - говорили заезжавшие в деревню дачники. «Еще чего! У нас вон вся деревня поет, и никто сроду петь не учился…»

Повзрослев, Сергей попадет в кавалерийское училище. Идет гражданская война. Но и в тяжелые времена встречаются добрые люди. Они-то и заметили его и направили на учебу в консерваторию…

В конце 50-х годов, когда заканчивал я институт киноинженеров, валом начали строиться телестудии в областных центрах. Технических кадров явно не хватало. Наш выпуск должны были перепрофилировать на звукорежиссеров телестудий. А пока суть да дело, на практику нас направили на ЦТ, единственную тогда его телестудию на Шабаловке. Небольшого здания, примостившегося возле ажурной шуховской радиомачты, хватало на все. Павильон, то есть помещение, где можно выстроить декорации и собрать значительное число народу, был единственным, де еще каморка для диктора. И через павильон, как через ворота в рай, проходили известные люди того времени.

Когда нет передачи, в студии царит запустение, полумрак. То раздастся шум молотка, то грохот обрушившейся фанеры, сопровождаемый сочными комментариями рабочих-декораторов. Одновременно, в чреве этого безразмерного сарая, в неярких пятнах света, сидят группки – по двое, по трое. Это кто-то из телевизионщиков «натаскивает» очередного гостя к ожидаемому эфиру. В то время предварительной записи передач не суще-

ствовало – не было техники, все шло «вживую». Нужно было все обговорить заранее.

Блуждая среди распорок и кабелей, я набрел на группу людей. Да ведь это Лемешев! Выудив аппарат из кармана, я два раза успел нажать на спуск и побрел дальше, чтоб не мешать разговору, да и к себе не привлекать внимания. Так появились два негатива, нырнувшие на дно пучины, глубиною в полвека. Но нет пропавших без вести кораблей – есть пока еще не отысканные.

Вот они – случайные два кадра, встреча длиною в тридцать секунд. Но они словно те пуговицы, оторванные от пиджака кумира. Для других пуговицы как пуговицы. Для меня свидетельство, что была не только легенда о человеке, но и был сам человек, во плоти. Он был земным, как и мы с вами. Но в отличие от многих был поцелован богом. И с величайшим достоинством и скромностью нес этот знак.

Олег ДАЛЬ. 1980 год.

Олег ДАЛЬ

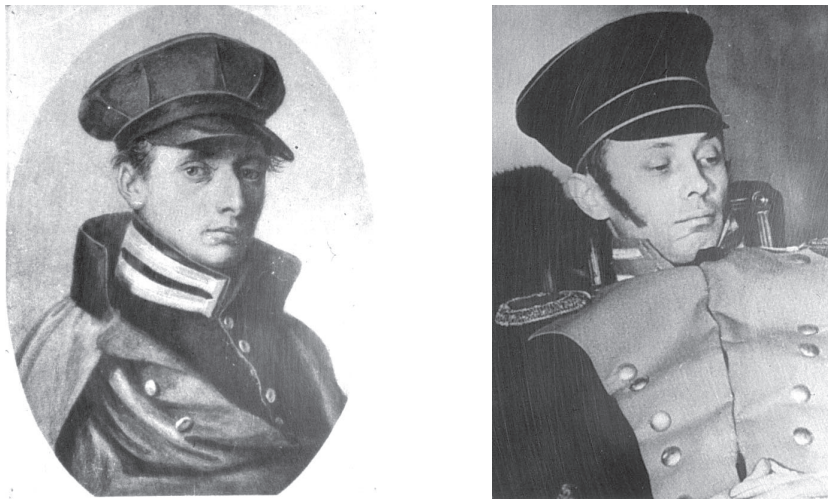
Далей разделяли дали.
Одного артистом знали.
А известный дальний Даль
Сочинил большой словарь…

- А вы и в самом деле родственники?

Олег повел плечами, скроил кислую мину – и этот туда же со своим дурацким вопросом – и выдавил: - Есть подозрение…

«Подозрение», похоже, крепко сидело в Дале. История донесла, когда Олег поступал во мхатовское училище, кто-то (будто бы это был Лев Аннинский) сказал: «Ты бы сходил в Третьяковку, посмотрел на портрет Даля – одно лицо». Эта ли подсказка засела в Олеге или он уже давно задавал себе вопрос: так ли просто совпадают эти звучные фамилии? Олег раскопал портрет молодого Владимира Даля – в фуражке, офицерском мундире, сам обрядился в подобный костюм и принял похожую позу. Так и сфотографировался. Пару этих снимков я увидел много позже, когда самого Олега уже не было в живых.

Прошли годы. Вдруг мне раздался звонок. «Это Лиза Даль. Вы когда-то снимали Олега. Не могли бы показать что-нибудь из той съемки?..» Я напечатал громадный портрет и повез его вдове. Так продолжи-



Владимир Иванович и Олег Иванович. Еще есть сомнения?

лось знакомство с Олегом. Мы сидели втроем. Третья была Оленька - так ее звала Лиза, а прежде и Олег. Оленька, Ольга Борисовна Эйхенбаум, дочь ленинградского литературоведа, мама Лизы. Она обожала зятя, а тот нежно относился к ней. Да и как было не ладить с такой женщиной? От нее шла какая-то доброта. Седая некрупного сложения женщина в вязанной светлой шальке, наброшенной на плечи, почти не вступала в разговор, если только не обращались к ней непосредственно с вопросом. А когда начинала говорить – спокойно, доброжелательно – было ощущение не столько доброты, сколько интеллигентности. В том, старинном понимании – духа, благосклонности к собеседнику и ума.

Тогда-то я и увидел эту пару снимков. А потом мне показали толстенькую книжечку. Открывалась она двумя рисунками. Слева – начинающий разрушаться череп, справа – трагическое худое лицо - наморщенный лоб, длинные волосы, скорбный рот. Автопортрет? Шутка? Ядовитая ирония? Так начинался дневник Даля, ставший впоследствии широко цитируемым – горькие, зачастую злобные, почти сумбурные записи – изнанка души страдающего человека. Правдолюбца или неврастеника? Какая разница? «Жрал грязь и еще жрал грязь…» - о себе. «Засилье карликов…» - почти обо всех остальных.

Увидел я и другие записи. Это был дневник Бориса Эйхенбаума. Начинался он 1917 годом, заканчивался годом смерти в конце пятидесятых. Олег никогда не видел своего тестя. Тот умер намного раньше, чем встретились Лиза и Олег. Читал ли он дневники петербургского интеллигента? Скорее всего – да. Олег был книгочеем, причем вдумчивым, въедливым, оставлявшем крючки и вопросы своих пометок в тексте. А если не читал? Тем более поразительна схожесть интонаций, выражение горечи и боли, купаться в которых, кажется, наслаждение для людей, выворачивающих свою душу на бумагу. Когда я положил дневники рядом, я не мог не заметить общего – жесткость оценок себя и коллег, и почти пунктирное изображение того, что было вне этого мира…

«В вечерних газетах – известие о расстреле Николая Романова по постановлению Уральского областного совета. Газетчики кричали, а впечатление кругом ничтожное…»

«…видел новую русскую фильму «Дворец и крепость». Очень хорошо. 21-го же умер Ленин, о чем мы узнали только 22-го вечером…»

О коллегах-литераторах:

«Толстой (Алексей Николаевич – Л.Ш.) окончательно сбился с пути и не знает как ему писать…», «С Чуковским тяжело – развинчен, говорлив, истеричен и жалок…», «Маяковский остроумен и очень приятен, но усталость чувствуется. Старой уверенности нет…»

«Очень тягостно на душе. Вчера был у Тынянова – с ним мне легко и хорошо. В сущности, только он и остался, Со всеми остальными трудно…». «Совсем не записываю, п. ч. все мрачно…»

А вот Даль:

«Вчера смотрел «Фиесту» Э.Х. в постановке Юрского. Это пошлый кошмар безвкусицы…»

«… о нынешнем состоянии кинематографа. Клинические НЕДОНОСКИ со скудными запасами серого вещества, засиженного зелеными помойными мухами…»

«Выбор» Арбузова – нелепейшая стряпня! Упаси бог!»

«Табаковщина» или «табаковизм»… Объяснение нашел у Ф. М. Достоевского… «Это тип и воплощение, олицетворение и верх самой наглой, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности!»…

«Эфрос… Скобарь – наделенный ярким талантом видения… Примитивен и неинтересен, а иногда просто неприятен…» Это о режиссере, которого какое-то время считал своим единомышленником…

Даль сам пытается войти в режиссуру. Ходит на курсы. Бросает.

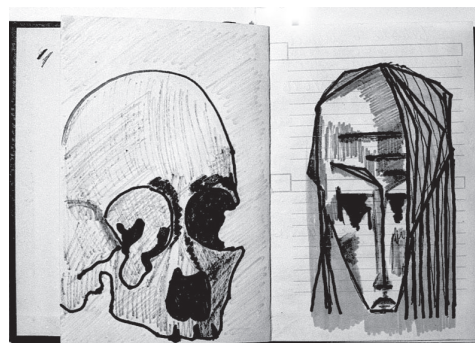
«К черту кинокурсы… Они готовят ублюдков и фокусников…»

«Уход из театра решен окончательно и бесповоротно… Нельзя и малое время существовать среди бесталанности, возведенной в беспардонную НАГЛОСТЬ».

Ладно б дневник. И в жизни Даль «позволяет» себе выражать, что думает (а думает, что и пишет) людям более опытным, зрелым, таким как Ефремов, Смоктуновский. Рвет отношения с одним режиссером, с другим, с третьим. Отказывается от предложений, о которых сам еще недавно мечтал… Неврозы на основе пьянства или нарциссизм?

«Спал он только со снотворным», - говорила Лиза. Уже потом в одном из интервью, которое дала вдова актера, я прочел: «Олег страшно пил. При этом делался похожим на Зилова из «Утиной охоты», даже страшнее. Себя он не способен был убить, но меня как-то чуть не зарезал. В Горьком на гастролях у него начался тяжелый запой, такое, знаете, недопитое состояние, когда человек совершенно озверевший. Было очень жарко, я лежала в номере в одном купальнике. Он водил ножом по моему животу и говорил: «Ну и что! Мне наплевать, я все равно жить не собираюсь». Насколько он был тонок, интеллигентен, великодушен, настолько же страшен, грязен и жесток в пьяном кураже…»

Страшный получается портрет. Эдвард Радзинский определил болезнь Даля: «Мания совершенства…» Чудесная скрипка работы Страдивари не может дать большего, если на нее воздействовать не смычком, а кулаком или палкой. Ты просто разрушишь ее. Даль не просто кулаком бил по своим нервам, а корежил их раскаленной кочергой самоедства… А не будь этого, возник ли бы тот сказочный, легкий, воздушный Даль, которого мы любили, любим и будем любить еще очень долго?..



Дневник Олега Даля.

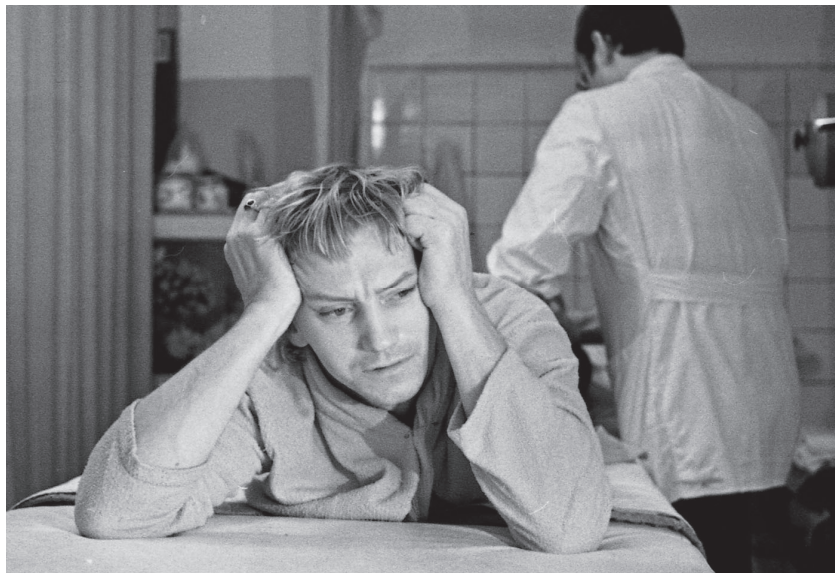
Марис ЛИЕПА. 1977 год.

Марис ЛИЕПА

Марис Лиепа был героем моего романа. Нет, не в том смысле… Не романа, а повести, точнее – фотоповести, фотокниги, посвященной его творчеству, жизни.

Я ходил на репетиции и спектакли, снимал его в гримерке и на сцене – из зала, из-за кулис, из суфлерской будки. Присутствовал во время записи на телестудии, ездил с ним на встречи со зрителем. Словом, подолгу находился где-то рядом, а человеческого контакта не возникало. Словно между нами стояло стекло: все видно, а не звука, ни запаха. Такое со мной было впервые. Фоторепортеры довольно общительные люди и обычно быстро входят в контакт со своим героем. О холодности Мариса, невосприимчивости того, что он не хотел воспринимать, я уже был наслышан. При этом он мог быть шутлив, ироничен и даже игрив с теми, кого он считал ровней себе. Для него я был не человек – просто функция. И явно ниже той ватерлинии, которая отделяла его мир от мира чуждого.

Мне казалось, что Марис был болезненно честолюбив. Честолюбие вовсе не порок, если работает нам на пользу. В балет Марис попал случайно. В детстве мальчик часто болел. И отец его, работавший машинистом

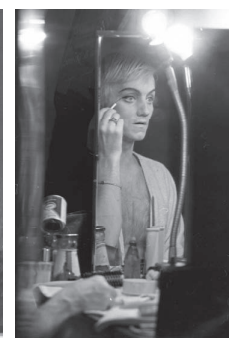


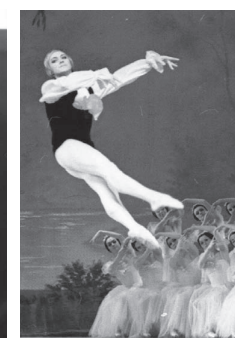
Репетиции, классы – каждый день. Спектакли изредка. Если наберется за месяц пять – уже счастье. На нижнем снимке: Марис со своим преподавателем, известной в прошлом балериной, Мариной Семеновой.

сцены в рижском театре, решил пристроить сына в балетную студию, исключительно «ради поправки здоровья». Парень проявил характер: стал одним из лучших учеников, а серьезные занятия спортом, плаванием, сделали его чемпионом республики среди юношей. Труд, упорство, талант сделали свое дело. Его заметили. И вот прибалтийский мальчик приехал покорять Москву. Действительно покорил. Сначала его принимает второй балетный театр Москвы – музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко. А вскоре перед ним распахивает двери и Большой театр. Лучшие мужские роли репертуара, благоприятное расположение хозяина «большого балета», главного хореографа Большого театра Юрия Григоровича. В отечественном балете ярко засияла звезда Лиепы. На гастролях – триумф. Коронная его партия – Красс из «Спартака» Арама Хачатуряна, пожалуй, самого модного и яркого балета 60-70-х годов. Это и поныне непокоренная вершина российского балета последних лет, спектакль той поры - вершина исполнительского мастерства… Да, Лиепа – талант. Но в голову приходит довольно нелепый, и в то же время, точный афоризм: негативы и таланты надо проявлять. Партия Красса полностью раскрыла возможности Лиепы, а «выносил» Красса и отдал его танцовщику все тот же Юрий Григорович. «Проявил» в артисте то, что было в нем сокрыто.

Дальше я выстраиваю свою версию, возможно, она и не соответствует истине в деталях. По-видимому, честолюбивый Марис хотел новых взлетов и новых звездных партий. Но в планах у Григоровича для него уже не было

Марис Лиепа обладал мощным сценическим темпераментом, что особенно выявляла партия Красса в балете «Спартак». Но этого было бы мало без определенной доли лиризма и даже иронии в спектаклях иного рода.





В этот зал и на эту сцену М Лиепа вскоре не будет допущен.

места. Между художниками возник холодок. Балетмейстер стал «задвигать» танцовщика. Тот бурно отреагировал своей статьей в прессе – доколе? Новых ролей в постановках Григоровича он больше не получал. У других же балетмейстеров танцевальные партии, предлагаемые Лиепе, не обладали ни тем масштабом, ни возможностью себя проявить. Балеты в общем-то пишутся не ради мужских партий. Танцовщики - так, на подхвате (причем и в буквальном смысле) у своих легконогих партнерш. И едва ли во всем классическом мировом балетном репертуаре найдется с десяток партий, о которых бы мечтали исполнители… Танцовщику трудно стать абсолютом. Трудно, но можно… Был же Вацлав Нижинский. Потом - Рудольф Нуриев, Михаил Барышников. Всемирная слава, лучшие сцены мира, немыслимые гонорары, и еще – абсолютная свобода, обожание толпы. Этого и прежде не мог дать наш скромный, хоть и Большой театр. Теперь же у Лиепы оставались один-два выхода на сцену в месяц. Три – в лучшем случае. Гастроли, редкий проблеск среди тусклых будней, почти сошли на нет. Взять бы, да все повернуть, рвануть как Рудольф или как Миша (повторяю, все это лишь мой домысел!)… Если б не безжалостное время! Марису же шел сорок второй год – не время кардинальных поворотов в судьбе. Он упустил свой шанс!

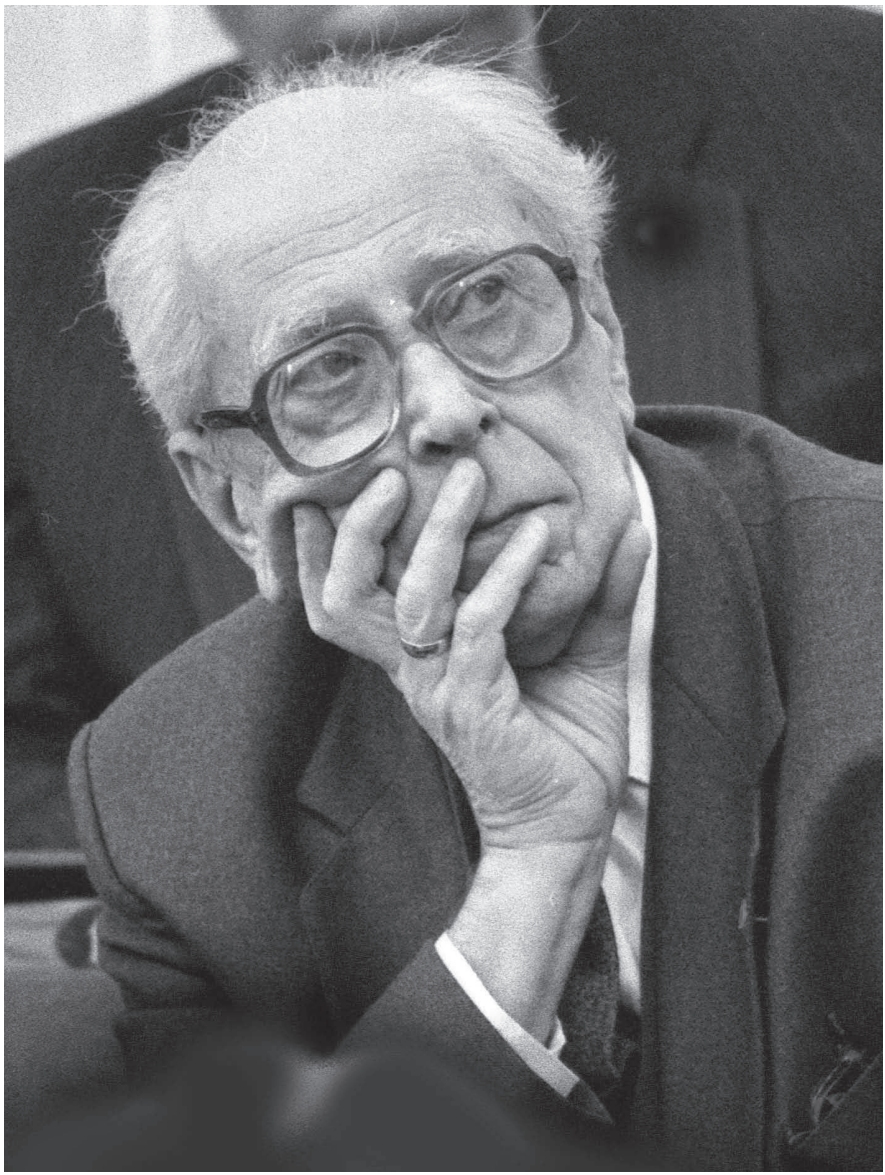
Помню как-то во время встречи со зрителями Марису Эдуардовичу задали вопрос: до скольких лет можно танцевать? «Можно танцевать до сорока, до пятидесяти, до шестидесяти… Смотреть нельзя». Хороший ответ.

На съемках «Бенефиса», посвященного Людмиле Гурченко, у Лиепы несколько масок.

Импровизация ли это, или цитата из какого-то анекдота?.. Едва ли думал в те минуты Марис, что острием своим вопрос направлен именно на него. С судьбой не стоит шутить. Ты думаешь, тебя-то еще надолго хватит. А срок твой уже отмерян.

Вскоре грянет перестройка со всем тем хаосом, грязью, что всегда сопровождает не то что б стройку, а простой ремонт. Скандал, возникший у вершин власти, покатился ниже. Из творческих союзов, из театров – ото-всюду с улюлюканьем изгонялись те, кто еще вчера были кумирами. Видно, не без влияния тогда еще могущественного Юрия Григоровича, Марис Лиепа попал под сокращение. К тому времени у него подросли уже дети – Андрис и Илза – прекрасные танцовщики. Говорят, старшему Лиепе был поставлен ультиматум: либо он в театре, либо кто-то из детей. Естественно, он выбрал последнее. Когда забирали пропуск, дали понять: больше в театр он не вхож. Разве если как зритель… Такие удары не проходят бесследно. Говоря красиво, в жизни была утрачена «путеводная нить». Вскоре Мариса не стало. Его сразил инфаркт. До упомянутых выше шестидесяти он не дожил семи лет…

Марис с сыном Андрисом. 1978 год.



Дмитрий ЛИХАЧЕВ. 1991 год.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

Дмитрий Сергеевич Лихачев, в нашем сознании возник как-то сразу, вроде ниоткуда. И вот уж без него как-то и не мыслится…

В перестройку новые имена всплывали как дождевые пузыри, и как пузыри исчезали по прошествии самого недолгого времени. А имя Лихачева становилось все более заметным, весомым. Вроде, он ничего не решал, не произносил сокрушительных речей, но его интеллигентные и негромкие слова были слышны и доступны для понимания и студенту, и работяге-депутату, и высокому партийному чину. Президенты не считали зазорным выслушать его мнение, а то и просто обратиться за советом. Ну, насчет последнего я, может быть, и загнул… Хотя разок и сам был свидетелем звонка, если не с самого верху, то откуда-то поблизости. Окружение, а то и сам первый российский президент, хотели знать мнение незапятнанного человека по какому-нибудь вопросу (например, как производить перезахоронение в Петропавловской крепости останков расстрелянной царской семьи – по государственному торжественно, или так – под сурдиночку?). С Лихачевым стали олицетворять совесть нации. А этот продукт всегда в дефиците…

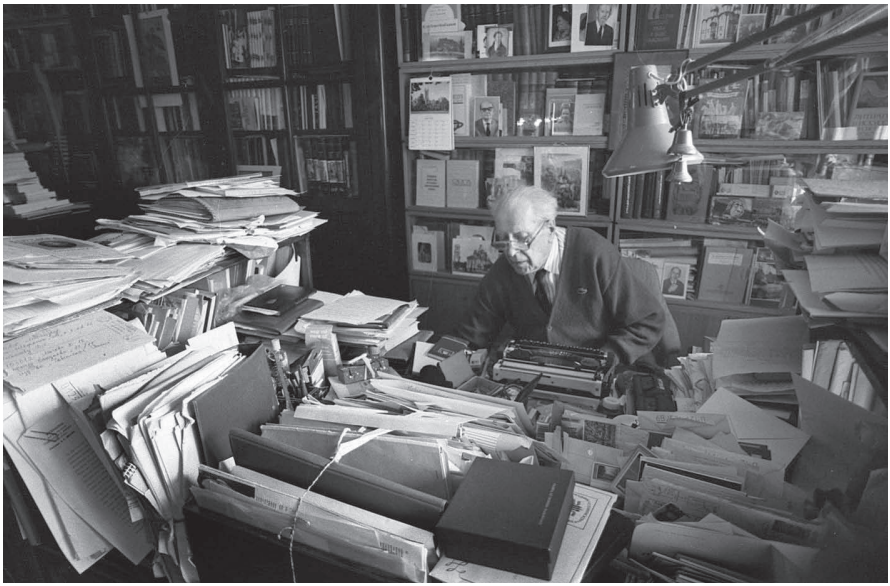
Созданный в годы перестройки «Фонд Культуры» не мог обходиться без «титульного лица». И тогда Дмитрию Сергеевичу пришлось стать его председателем.

Конец 80-х годов – время великого коловращения. Закипающий котел страстей перемешивает всех и вся. Будущий президент России Ельцин появляется в толпах людей, демонстративно катается в народном транспорте – троллейбусе. Муть, что с самого дна общества поднимается бурлящим потоком наверх, становится запанибрата со столпами общества. Все спуталось в доме Облонских…

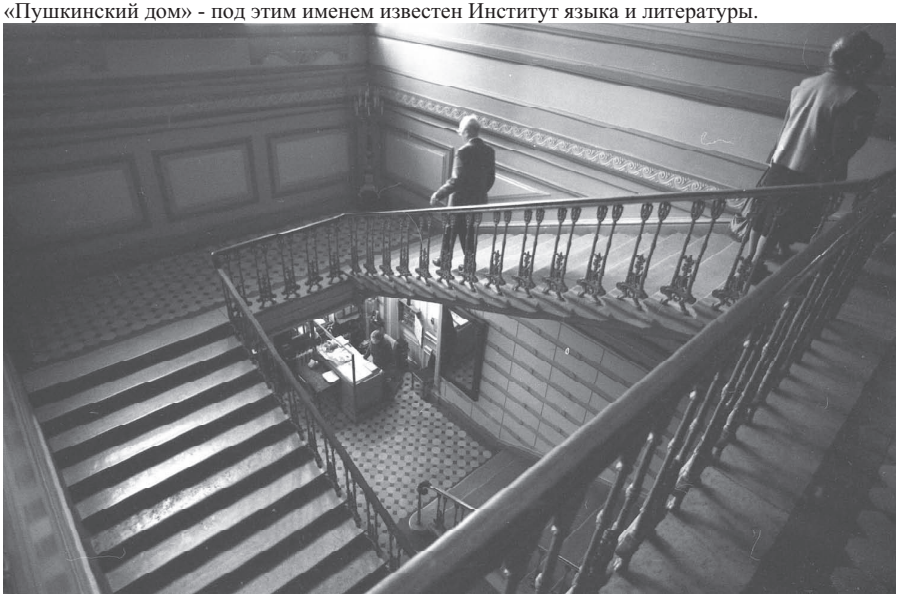
Мне, как фотожурналисту, приходилось видеть академика на заседаниях Академии, на собраниях той же Академии, посвященных выборам кандидатов в Верховный Совет, на похоронах Сахарова, на мероприятиях Фонда Культуры, который создавался под попечительством академика и который он некоторое время возглавлял… Как-то я решился подойти к Дмитрию Сергеевичу и напроситься к нему в гости, в Ленинград. Близилось его 85-летие и подобная просьба – поснимать его в привычной ему обстановке – не вызвала возражений. Я записал телефоны и выехал в Питер…

Работал Лихачев в самом центре города. Пушкинский дом – институт русской литературы – расположен на стрелке Васильевского острова. А жил он почти на окраине, на проспекте Шверника, одного из верховных деятелей то ли профсоюза, то ли какой-то иной властной структуры – кто теперь это вспомнит, а сам проспект наверняка уже переименован. Хотя у Лихачева был выбор, и он вполне бы мог иметь квартиру и в самом центре города, но возможно, его тянуло к более чистому воздуху и относительному простору, чего не хватает в центре. Дом был достойный, «сталинской» видно еще постройки – толстые стены, высокие потолки. А квартира, если не ошибаюсь, трех-, возможно, четырехкомнатная, три из которых я видел – гостиная, она же столовая, со старыми фотографическими портретами в овалах рам, кабинет со столом, заваленном бумагами, а всем остальным

В этом тулупчике Лихачев спасался от холода во время своей отсидки на Соловках. «В рукава я засовывал ноги, а полами укрывался».



Рабочий стол ученого, как и весь кабинет, загроможден грудами бумаг.
«Пушкинский дом» - под этим именем известен Институт языка и литературы.



Прощание в Лужниках с Сахаровым. 1989 год. На трибуне все герои тех лет: Г. Попов, Е. Евтушенко, Б. Ельцин, Ю. Афанасьев, Е. Боннер. Слева – Д. Лихачев. Иных уж нет, а те далече…

пространством - книгами, и крошечная комнатка-чуланчик с диваном. Здесь, вероятно, Дмитрий Сергеевич спал…

Теперь уж и не припомню, как попал мне на глаза маленький тулупчик, напоминающий дубленки, столь вожделенные в то время знаки благополучия и принадлежности к определенного рода элите. «Эко?» - был мой безгласный вопрос. Дмитрий Сергеевич понял его и улыбнулся: «Этот тулуп мне жизнь спасал на Соловках… Вот сюда, в рукава я просовывал ноги, а полами вот так накрывался…» Соловецкая история Лихачева широко известна. Молодых ребят, студентов, создавших в шутку Космическую академию и братство Серафима Саровского – маленький кружок, обсуждавший «космические» проблемы науки, рожденные вдохновением молодости – обвинили во всех тяжких грехах. А для осознания вины отправили на Соловки, в ставшего знаменитом впоследствии СЛОНа – Соловецкого лагеря особого назначения. Репрессии еще только начинали раскручиваться, не обрели свирепости более поздних 30-х и 40-х годов. К заключенным изредка могли даже приезжать родственники. Вот во время одного из таких визитов и был привезен тулупчик.

Чем отличается истинный ученый от, скажем, просто научного сотрудника? Состоянием духа. Ученому интересен сам процесс познания, а не только его результат. Если по каким-либо причинам ученому «перекрывают кислород» в его основной деятельности, он находит интерес в том, что под рукой. А под рукой были зэки. По славной русской традиции политических всегда бросали в камеры и бараки вместе с бандитами, убийцами, ворами. Это был новый для интеллигентного заключенного мир. И Лихачев стал его изучать. И вот – чего только в мире не бывает! – первой опубликованной научной работой его стала «Картежные игры уголовников». А опубликована она была в журнале «Соловецкие острова» в 1930 году.

За свою долгую жизнь Дмитрий Сергеевич успел сделать немало. Общее – это культурология Древней Руси. Он изучает летописи, выступает как популяризатор науки и публицист, борется за охрану памятников – будь это садово-парковый ландшафт или сохранившиеся строения, собирает и возвращает на родину русское наследие – рукописи, коллекции, увезенные в разные времена из России.

Вряд ли широкая публика так уж знакома с его работами – они достаточно специфичны. Но его труды широко известны в мире, и он становится членом ряда иностранных Академий и почетным доктором университетов Торуньского, Оксфордского, Эдинбургского… Рискну сказать, что и общественные его деяния, многим могли быть, что называется «до лампочки», хотя они весьма разнообразны и значительны. Академик буквально грудью стоял, отстаивая тот или иной памятник старины, исторический ландшафт. Известен случай, что он пригрозил выйти из состава Академии Наук, если не будет решен вопрос о постройке для Пушкинского дома современного фондохранилища – ведь в опасности были не только рукописи Пушкина, но и многие другие ценные исторические документы. И он выиграл схватку.

Но вероятно главное в его признании обществом играло обаяние его личности – возвышенной и скромной, глубокой, интеллигентной, не заносчивой. И это чувствовал своим нутром каждый, видевший его на экране ли телевизора, на вечере ли Фонда Культуры, или в коридорах Академии, института. Он не навязывал своего мнения. Но многим хотелось узнать, что он думает по тому или иному вопросу.

Закончив съемку, не удержался и я. «Есть ли такой писатель?» - спросил, назвав имя, очень гремевшее в то время, и бывшее у всех на устах. «Плохой писатель…» - только и ответил Лихачев, не вдаваясь в комментарии.

Задал я и еще один вопрос. Каково его отношение к религии? Бывшие партийные функционеры стали ярыми верующими. Новообращенцы, как им и положено, с фанатичностью стали отстаивать свое право стать и здесь первыми - «святее Папы Римского»… Вопрос я построил так: бывает ли он в церкви?

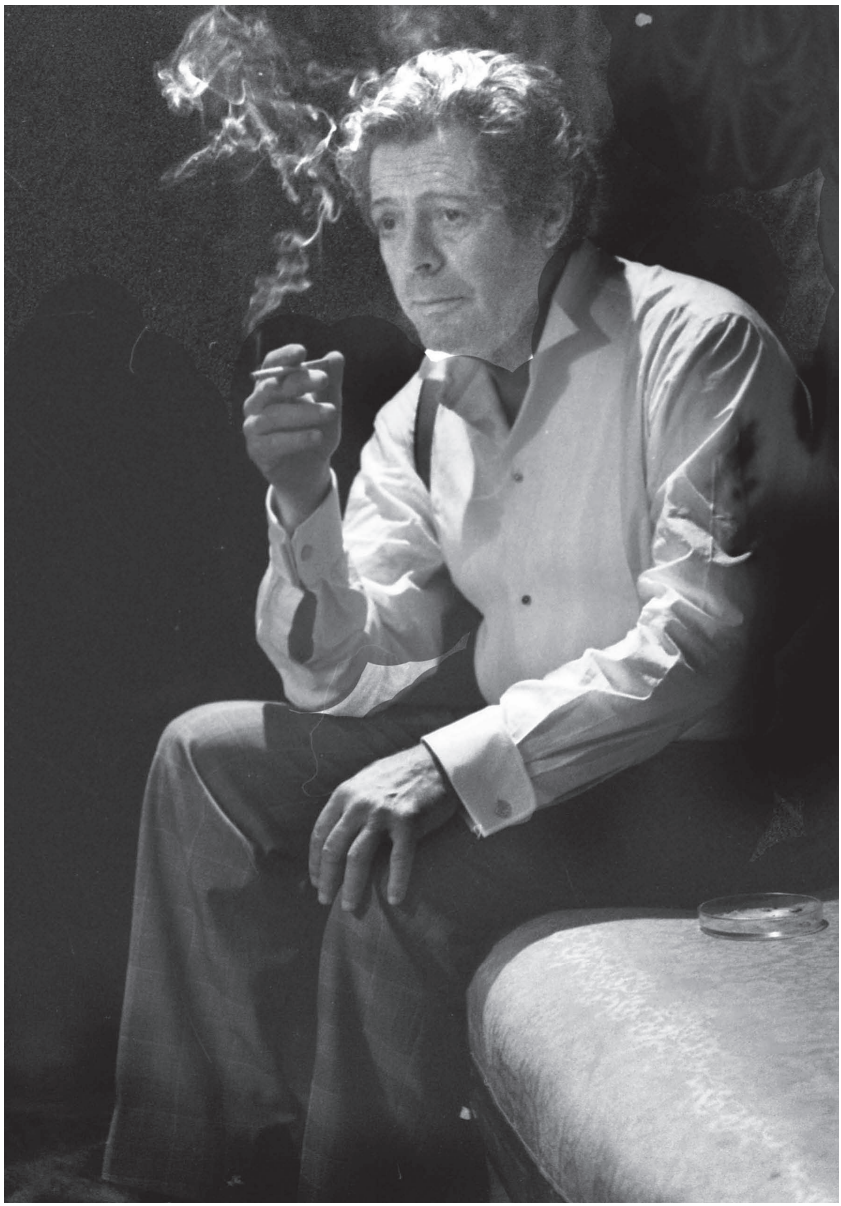
«В очень маленькой. Иногда…»

Я так и не узнал - был ли он истинно верующим, или только отдавал долг традиции.

Читая его письма, воспоминания, находишь простые заветы: «Храните своих друзей…» , «Посещение могил родных – это нравственное требование…»

Как все просто, и как трудно этому следовать…

ANZEIGER



Марчелло МАСТРОЯННИ. 1986 год.

Марчелло МАСТРОЯННИ

Марчелло приезжает в Россию. «Что? Мастроянни? На фестиваль?» «Да нет же, сниматься в новом фильме у Михалкова… Съемки будут проходить в Костроме». С ума сойти!..

Вторая половина восьмидесятых, набухает перестройка. Журналисты возбуждены. Каждая заметка – открытие, каждая статья - откровение. А тут такое! Немедленно туда, в Кострому. И вот уже табун журналистов и фотографов роет копытом землю в старинном русском городке.

В редакции «Огонька» тогда работал мой приятель Лешка Плешаков. Две отличительные его особенности были: вес, чуть не в полтора центнера, и страсть – страсть сниматься в кино. Он был весьма колоритен: под два метра ростом, огромные руки, ноги, метровые плечи – борец в прошлом, чуть выпученные глаза, загорелая лысина и дико растущая бородища, закрывающая пол лица. Когда он пришел как-то брать интервью у Юрия Никулина, тот сразу сказал: «Во, ты нам и нужен…» Помните эпизод в

Куда же в России, да без цыган, без их песен, плясок, гитар? Немножко клюквы? Вероятно, но таковы условия жанра. Внизу слева – Мастроянни и Юрий Богатырев, а на правом снимке мой приятель Леша Плешаков. Чего-чего, а колорита ему не занимать.

«Бриллиантовой руке», Никулин выходит из сортира, а навстречу ему громила «закурить-не-найдется». Вот он – Плешаков. Леша был знаком с Михалковыми – Андроном и Никитой, к тому же он должен был мелькнуть в эпизоде и в «Очах черных». Так что место в первом ряду зевак, наблюдающих съемку, можно было считать обеспеченным.

По правилам жанра надо описать место и время действия. Лето, собирающееся переходить в осень. Сонные улочки одноэтажных деревянных и двухэтажных кирпичных домов, законсервировавшие в себе, кажется, не

только время предыдущих веков, но и сам дух тягучего безделья. На присыпанной гравием улице, где будет разворачиваться очередной эпизод фильма, гуляют цыгане. Цыгане киношные, хоть и настоящие.

- Да вон он, вон он!

- Где?

- Вон коричневое пальто, шляпа…

Кино – это особое искусство. И в этом искусстве особенно цениться способность ждать. Ждать всего: когда выглянет солнце или наоборот зайдет. Ждать, когда принесут перчатки герою. Ждать, когда сменят в камере пленку, когда установят свет, когда подклеят покосившийся бакенбард или припудрят нос… Ждать потому, что иначе в кино просто не бывает. Вокруг съемочной площадки, как их не гонят, всегда полно зевак. Сегодня толпу зевак пополняют и журналисты, и сами актеры. Для них итальянская звезда такое же чудо света, как они сами для простых смертных…

- Да вот же он!..

В те времена в России, да и во всем Советском Союзе, наверняка, не было человека, который не знал и не любил бы Мастроянни. «Вы слышали, Марчелло собирается ограбить банк!» - «Ограбить банк?» - «Да, ограбить банк!» - «О. дева Мария, пошли ему удачу!»…

То простоватый парень с городских окраин, то изысканный ловелас, то журналист, изнывающий под грузом своих комплексов… Еще бы – кто не видел таких фильмов – «8 ½», «Брак по-итальянски», «Развод по-итальянски», «Сладкая жизнь»… Да что перечислять, каждый и без того знает! А каких красоток он только не обнимал – Софии Лорен, Клаудия Кардинале, Бриджит Бордо… Боже! Вот она сладкая жизнь!..

А чуть усталый, помятый жизнью человек в шляпе и коричневом пальто (так положено по роли) вяло пробирается сквозь толпу, рдеющую улыбками.

- Вы слышали, его же первая профессия архитектор! Как вам Кострома?..

- О, белиссимо…- смущенно произносит знаменитость.

Нет, архитектором Марчелло не был – ни по образованию, ни по роду занятий. Родился в семье столяра. После технического училища работал чертежником, строителем. Потом, а было это еще во время войны, продолжил строительное образование в Риме, в университете. Были ли у него сомнения в выборе профессии – как знать. Но на сцену тянуло. А с экраном он познакомился хоть мельком, но еще подростком, до войны – снялся в толпе. Но кому суждено быть повешенным – тот не утонет. В студенческой

Кьяре-Шарлотте МАСТРОЯННИ всего только 14 лет, но она уже снималась в кино. Теперь на счету актрисы не один десяток фильмов, но славы своих родителей Марчелло Мастроянни и Катрин Денев достичь невозможно.

самодеятельности (Марчелло играл на сцене Университетского театрального центра) оценили его способности не только товарищи, но и сам Лукино Висконти, знаменитый уже в те времена кинорежиссер. И вскоре появился тот Марчелло Мастроянни, которого мы сразу признали и полюбили.

Жизнь актера иногда не имеет ничего общего с изображаемыми им героями. А иногда бывает так причудливо переплетена с жизнью своих персонажей, что трудно отделить одно от другого. Я что-то не припоминаю ролей Мастроянни, где не было бы любви, страсти, страданий, скандалов и новых любовных приключений. В жизни, похоже, он мало отличался от усредненного своего героя, который всегда мог сказать: «Желание-то у меня есть…» Марчелло был женат на актрисе Ф. Карабелле, чье имя нам ничего не говорит. Но поговаривают, что крутил романы с Ф. Даннауэй, У. Андресс, Катрин Денев… Конечно, где знаменитость – там сплетни, выдумки. Но среди толпы киношников, не занятых сейчас делом, весело болтает девчушка-подросток, уже принцесса, но обещающая превратиться в настоящую красавицу. Ее мелодичный итальянский пересыпан звенящим смехом – она явно не случайный зритель, она – своя. Не слишком длинные черные волосы чуть стянуты лентой. Просторная кожаная куртка, мягкие фланелевые брюки не скрывают расцветающей фигурки. Рот, кажется, чуть-чуть великоват, но, простите, уже сексуален. Да, папина дочка – это же видно. И мамина тоже – трудно не угадать схожести с Катрин Денев. Кьяра беззаботно хохочет. Думает ли она сейчас о том, что и ей найдется место на экране? Найдется. Она даже успеет незадолго до смерти отца сняться с ним в одном фильме – «Три жизни и одна смерть».

Марчелло раздает автографы, снимется то с одной, то с другой группой совершенно незнакомых и безразличных ему людей. Привычно, чуть смущенно улыбается. Он привык, это его долг. Где он – там взгляды, улыбки, шепотки восторга. Известность, слава поначалу греют душу, потом вызывают равнодушие, потом возмущение и гнев. Это как пирожное – хорошо одно-два изредка. Но чтоб каждый день, чтоб десятилетиями, чтоб с первым и со вторым!? Ой, как же сильно надо держать себя в руках, чтобы не сорваться. Еще Оскар Уайльд писал, как возненавидел его герой - денди, законодатель мод, светский лев Дориан Грэй эти самые шепотки восторга за спиной. А какая у него могла быть известность? Разве что среди нескольких сотен, ну тысячи великосветских хлыщей? В наш век «массовых коммуникаций»… Не стоит и продолжать.

А как себя сам воспринимал актер? Слабохарактерный, некрасивый, ленивый и асоциальный тип. Мальчишкой хотел быть атлетически сложенным, сильным и мускулистым, что соответствовало идеалам фашистской

пионерии (времена Муссолини!), но оставался худышкой с впалой грудью и цыплячьими ножками. «Выкуриваю семьдесят сигарет в день, пью как лошадь», - жаловался кумир и первый любовник журналисту, написавшего о нем откровенную книгу.

…«Белиссимо», - тускло говорил маэстро об этой деревянной, полусгнившей «архитектуре» сонного города, привыкший видеть истинные шедевры гениев кисти, резца и мастерка. А может этот город, не отравленный еще в то время обжигающей алчностью огромного мира, напоминал ему городок детства Фонтана Лири, затерявшийся где-то в Италии?

После съемочного дня Марчелло Мастроянни, запасшись бутылкой водки, закрывался в своем номере, чтоб утром снова предстать перед стеклянным глазом камеры. Предстать, чтобы изображать чью-то чужую, а, может, свою собственную жизнь? Да и есть ли что-то чужое, чтоб не жило в нас самих…

Ричард ОЛДИНГТОН. 1962 год.

Ричард ОЛДИНГТОН

У него была мечта, и он говорил, что не имеет права умереть, не повидав «три великих чуда мира» Москву, Ленинград и Самарканд. Мечта осуществилась. В начале лета 1962 года он приехал в Советский Союз. Здесь же и отметил свое семидесятилетие, повидал города, без которых он не мог умереть, - выполнил долг перед жизнью, данный самому себе. Вернулся во Францию, где он жил в маленькой деревушке, и через пару дней умер. Выходит снимки, приводимые здесь – один из его последних…

Не думаю, что имя Ричарда Олдингтона было широко известно русскому читателю. Кое-что из его произведений издавали. Но это было давно, еще в годы тридцатые. Забыли уже. Да что говорить – забыли, просто не знали. Как не знали (только не делайте большими глаза!) Есенина. Песни на его стихи – тройку-другую – распевали под гитару. Не знаю, был ли официальный запрет на этого неуправляемого поэта. Но его не издавали, в школе не упоминали. Да что там! Долгие годы не появились на прилавках ни «Швейк» Гашека, ни «12 стульев» Ильфа и Петрова… Но мы уже знали Хемингуея. Его портрет в свитере грубой вязки на кухнях, в редакциях и в лабораториях – знак времени и дань моде в среде интеллектуалов и прочих «продвинутых» того времени. Читали мы и Ремарка. «На западном фронте без перемен»… Безысходная серость и тупость окопной жизни, бессмысленные жертвы. Обстоятельства, выжигающие в человеке все живое, превращающие его в машину для убийств, лишающего его всякой надежды на будущее, даже если физически ему удается сохранить жизнь… Временами мне кажется, что я и мои ровесники – самые счастливые люди, родившиеся и жившие в двадцатом веке. Родились в канун войны. Наших старших братьев и отцов уже перемалывала война. Слой за слоем росла братская могила, вместившая десятки миллионов жизней… Сволочное человечество, сволочной век. Тем, кто отстал от нас в рождении, был уготован Афган, для тех, кто еще помоложе – Чечня. Конечно, воевали наши парни и в Корее, и во Вьетнаме, и в джунглях Африки. Но то особое дело. У них профессия такая – воевать… А вот моим ровесникам повезло: прожили жизнь и не разу не обратились в пушечное мясо… Везунчики. Вытащили счастливый билет с правом на жизнь.

Наверное, таким же везунчиком считал себя молодой Олдингтон. Поучился в военном учебном заведении – это можно. Затем университет. Литературные увлечения, пробы пера. Увлекался модными поэтическими течениями. Ах, как прекрасна жизнь и как широк этот мир. Но вот война.

Узкий окоп. Грязь, проголодь, страх, увечья, смерти… Во имя чего? Кто имеет право заставить тебя убивать и умирать самому? Да, он добровольно пошел на фронт. Но обратного пути нет. Лишь кровь и жестокость вокруг, страх и отчаяние. И гнев… И злая ирония, выраженная самим названием романа «Смерть героя». Хороший парень Джордж Уинтерборн, художник, журналист, интеллигент погибает на фронте в свои 26 лет. Погибает не столько героически, сколько бессмысленно: безо всякой видимой причины поднимается во весь рост с земли и становится мишенью вражеского пулеметчика. Может, это самоубийство? «Смерть героя! Какая насмешка, какое гнусное лицемерие! Мерзкое, подлое лицемерие!» - слова фронтового товарища Джорджа – это слова самого Олдингтона. Ненавистника войны, пацифиста…

Они все пацифисты – и Курт Воннегут, и Ирвин Шоу, - ребята, прошедшие войны. И Эрих Мария Ремарк и Джон Дос Пассос. И любитель кровавых охот Хемингуей. Неважно, кто какую войну прошел: Первую ли Мировую, Вторую, Корею ли, Вьетнам, всемирную бойню или локальную. Вывод у всех и всегда один – опустошенность, безверие, потеря смысла в жизни. У кого-то хватает сил пустить себе пулю в лоб. Провались все к чертям собачьим – весь этот подлый, лживый мир, полный гнусного политиканства, прямой лжи и скрытого лицемерия…

…А лето еще только зарождалось. Еще листва не посерела от пыли, одуванчики не отцвели. Мы мчались из аэропорта Шереметьева, куда прилетел Ричард Олдингтон. Недалеко от аэропорта дорога пробегает через березовые перелески. Березы растут повсюду: и в Европе их хватает, и на Диком Западе – не слишком экзотическое дерево. Но мы почему-то считаем березку символом России. А раз так… Уговаривать долго не пришлось. Старик с удовольствием ступил на обочину, еще влажную от утренней росы, сорвал какой-то луговой цветок, склонился к нему и глубоко втянул воздух. Наверное, только показалось, что прозрачные глаза седого мужчины блеснули влагой. Показалось. Губы раскрылись в мягкой улыбке… Нет, жизнь все-таки стоит того, чтоб ее прожить…

Аркадий РАЙКИН. 1964 год.

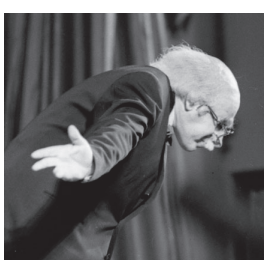
Аркадий РАЙКИН

Райкин был моим кумиром задолго до того, как я его увидел на сцене. Еще в детстве мне в руки попалась пластинка с записью концертной миниатюры в его исполнении. Это был монолог современного Хлестакова. Монолог со всеми неповторимыми райкинскими интонациями засел во мне прочно. И когда в газете мелькала крошечная заметка о новом спектакле театра миниатюр, а в ней говорилось, что в новой постановке Аркадий Райкин исполняет 19 ролей, у меня было ощущение, что свершилось что-то важное в мире, а я как всегда это упустил.

Впервые я навел объектив на любимого артиста, будучи еще студентом института и членом Выборгского фотоклуба Ленинграда. Места на спектакль удалось раздобыть чуть ли не в первом ряду. Строгости со стороны администрации театра на ощущалось. И масса кадров сохранила красавца (только таким он мне казался) с белой прядью среди жгуче-черной шевелюры. Правда, красавцем артист являлся только между своими бесчисленными образами: лектора-демагога, искушенного швейцара, старухи-няни и пр., пр., пр… Как всегда в постановке Райкин исполнял не менее двух десятков ролей. А было это более полувека назад.

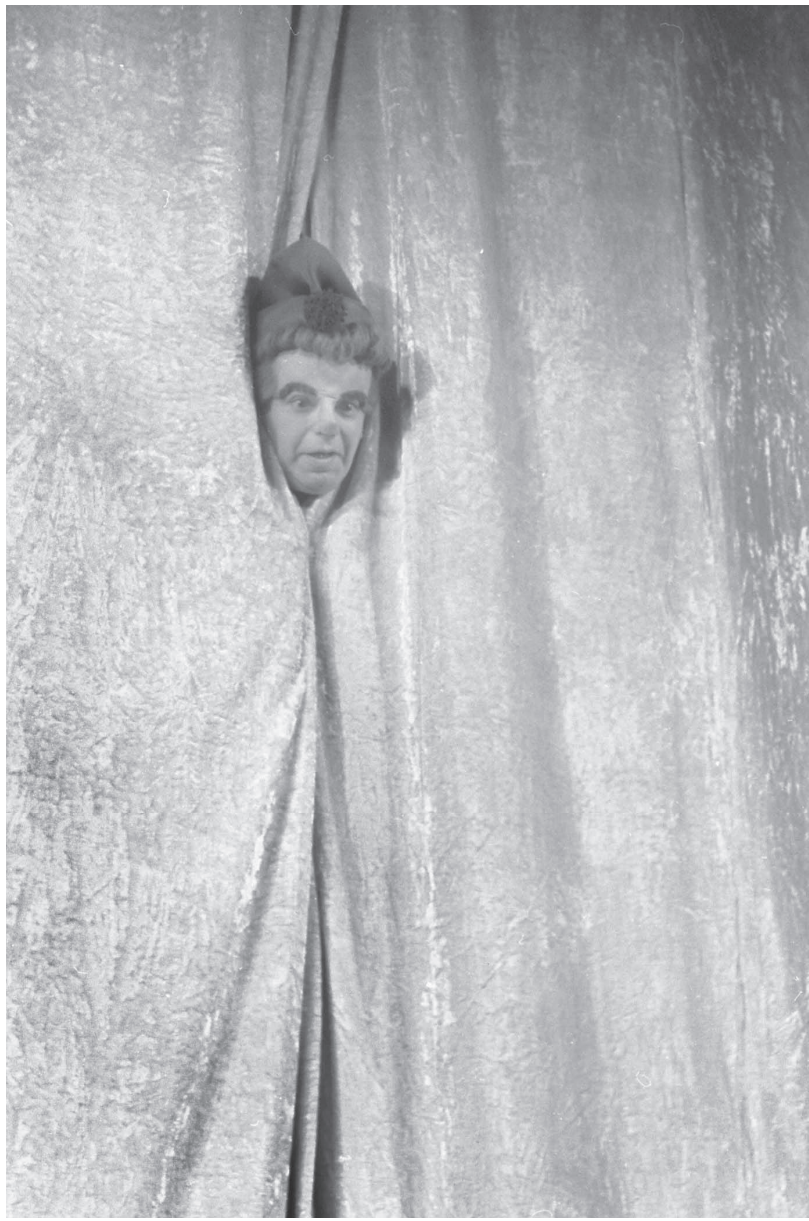
Через несколько лет, когда я уже работал в «Огоньке», при первой же возможности я захотел поснимать Райкина. Аркадий Исаакович

Каждый спектакль – это триумф, каскад веселья, бесконечное количество масок. Два десятка ролей в одном спектакле для Райкина – обычный режим…



с «Огоньком» был знаком, и даже сотрудничал. Время от времени на страницах журнала появлялись фотоспектакли. Это такая штука. Райкин один или с партнерами разыгрывал сатирическую сценку. И шел последовательный ряд картинок…

И вот я в за кулисами Московского театра эстрады, где в это время гастролировал театр Миниатюр, в гримерке Райкина. Вокруг все время люди, разговоры, знакомства… Вижу немного усталого, смущенного человека, похоже привыкшего терпеливо переносить бесконечную череду людей, желающих выразить свое уважение, восторг. Новый посетитель, к нему Райкин еще более внимателен: возможно, это уже и его кумир – прославленный Игорь Ильинский. Разница в возрасте у них лет десять. Но Ильинский – звезда еще немого кино. А Райкин обрел свою известность в поздние 30-тые годы, завоевав лавры победителя на одном из всесоюзных эстрадных конкурсов. О том, как высоко взлетела его известность, можно судить хотя бы потому, что сам Сталин интересовался им. А молодой артист



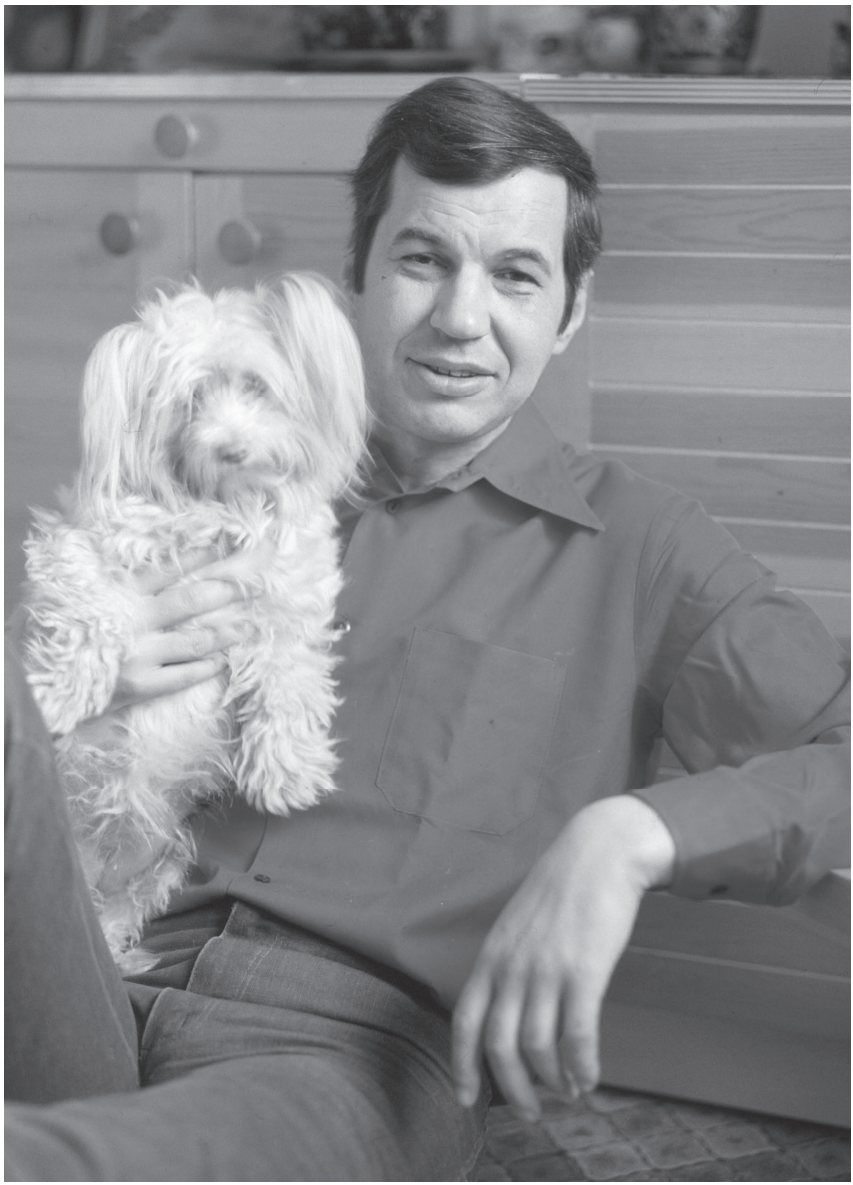
отваживался даже присылать приглашения вождю на новый спектакль. Обычно Сталин отвечал вежливым отказом, ссылаясь на занятость.

Любопытно все-таки, как выстраиваются человеческие отношения. Райкин никогда не льстил власти, не заигрывал перед ней. Он даже был беспартийным. По тем временам это могло означать чуть ли не вызов: ему, видите ли, не нужна помощь партии, поддержка в карьере, да мало ли еще в чем…

Во время войны Райкин как и многие другие артисты выступал с концертными бригадами на различных фронтах. В то время он познакомился с полковником Брежневым. Знакомство это не затерялось в потоке лет. И будучи уже всевластным правителем Советского Союза, Брежнев не забыл своего знакомого, которого, по-видимому, любил. В Ленинграде, где официально был «прописан» театр миниатюр Райкина, всегда были сложные отношения с местными верховными партийными бонзами. Хозяин города первый секретарь Ленинградского обкома партии, член Политбюро, всевластный Г. Романов, делал все, чтоб вытравить крамолу в лице слишком популярного, да что там – обожаемого всей страной артиста. Даже тот, кто в жизни не видел спектаклей Райкина, мог сказать, столкнувшись с очередным безобразием: «Это прямо для Райкина!», «Об этом Райкину надо написать!» И тогда все встанет на свои места. А мягкосердечный Брежнев, хоть и не одергивал напрямую своего свирепого сподвижника Романова, но Райкина все-таки прикрывал. В результате, артист нашел и пристанище и даже наконец-то обрел свой стационарный театр - в Москве. Но это будет уже далеко потом, почти на склоне лет великого лицедея.

Чем объяснить феномен Райкина и есть ли феномен? Может, это привычное – король и шут. За что другим отрубают голову, шуту дают только игривую оплеуху. Что с дурака возьмешь? Временами он раздражает своими откровениями. Зато он всех веселит, и создает видимость «консенсуса» (новомодное в перестройку слово). И кому какое дело, что шут плачет настоящими слезами, рвет свое сердце?

А сердце у Райкина и в самом деле было израненным, больным. В самом прямом смысле слова. Мне рассказывал знакомый, как после спектакля, Аркадий Исаакович сел в свой автомобиль, положил руки на баранку. А затем надолго затих, прислонившись головой к рукам… То ли устал, то ли сердце сдавило. Было это или не было – как знать. Мы ведь Райкина видели только стремительным, азартным, молодым. И бесконечно красивым…

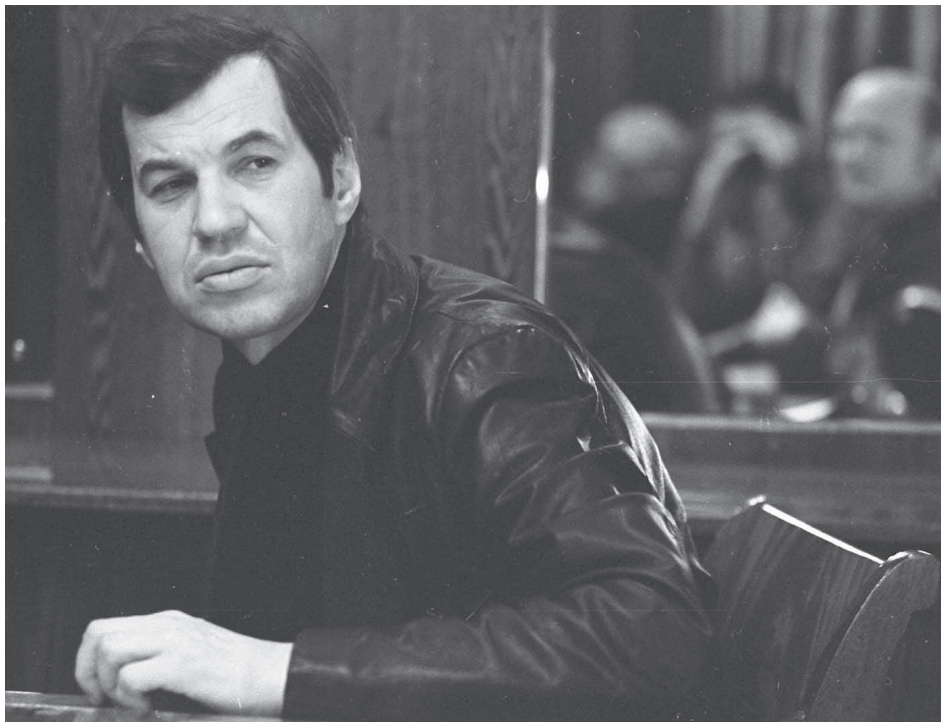


Георгий БУРКОВ. 1981 год.

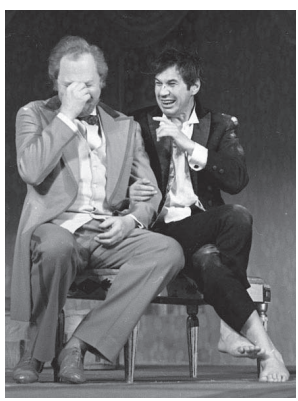
Георгий БУРКОВ

Губошлеп… Не иначе, что Шукшин в сценарии фильма «Калина красная» срисовывал портрет уркагана-блатаря со своего друга Буркова, который потом и сыграл эту роль. Маленькие свинцовые глазки, вывернутые в гримаске отвращения губы, гнусавый голос… Портрет не из привлекательных. Но недаром говорят: внешность бывает обманчива. Обычно, если глаза маленькие, то добавляют – умные. Эти глаза могли быть и умными, и глупыми, и подлыми, и наглыми, заискивающими и жесткими, наивными и продажными. И каждый раз верилось – иными они и быть не могут.

Однажды в Доме актера, находящемся еще на старом месте, на Пушкинской площади, шла творческая встреча Буркова со зрителями. В вступительном слове представлял актера Рязанов: «Георгий может сыграть все, чтоб ему не предложили. Другому не поверят, а ему поверят…» Для самого режиссера он вроде палочки-выручалочки. «Выручалочка» возникала, то в образе не пьянеющего выпивохи в «Иронии судьбы», то в виде страдающего от фурункулов следователе («Ерунда, бандитская пуля») в «Стариках-разбойниках», то представала глуповатым с виду, но вовсе не таким уж дураком лакеем, в «Бедном гусаре». Роли эпизодические, 4-5-го плана (есть такие?), а запоминались… А персонажи из «Степи» или «Они сражались за Родину» Сергея Бондарчука? Это уже развернутые повествования о человеке – обыкновенном, с обочины жизни, с пыльных ее проселков, из



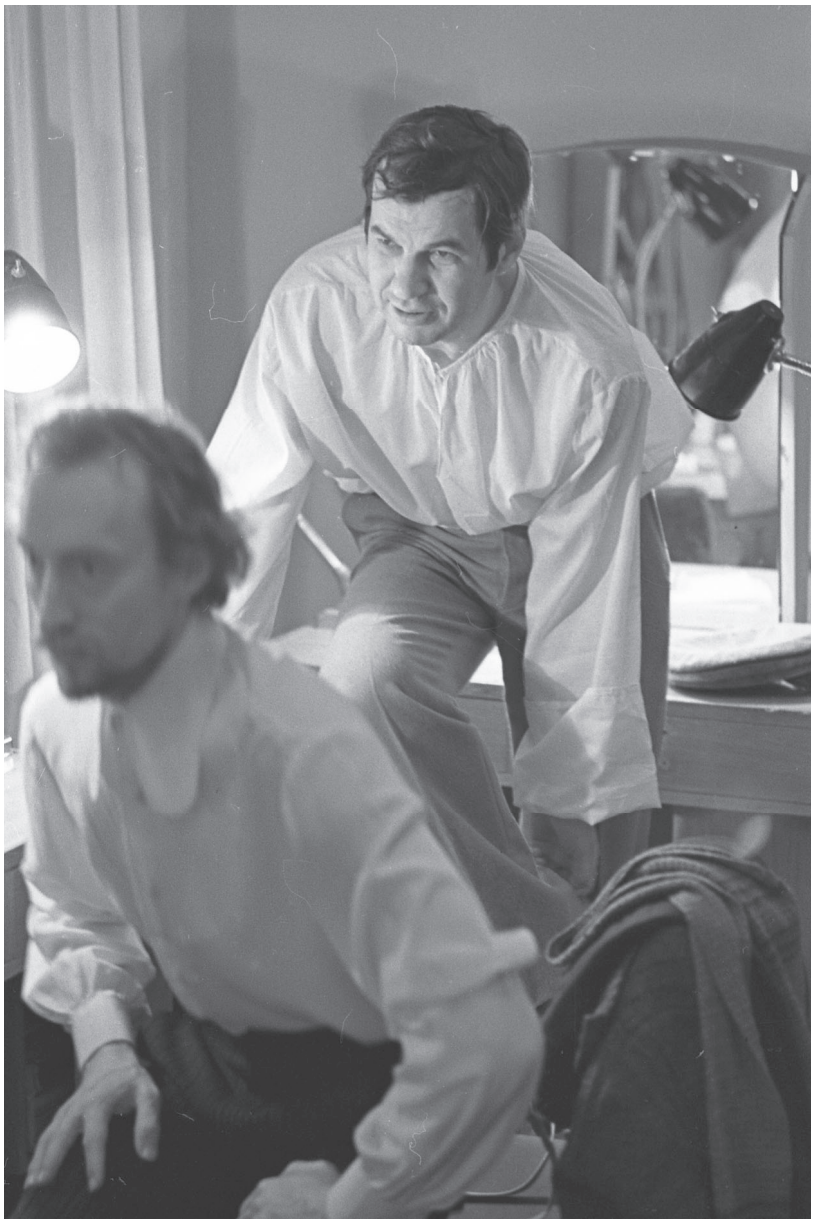
Бурков в спектаклях театра имени Станиславского – первая скрипка.

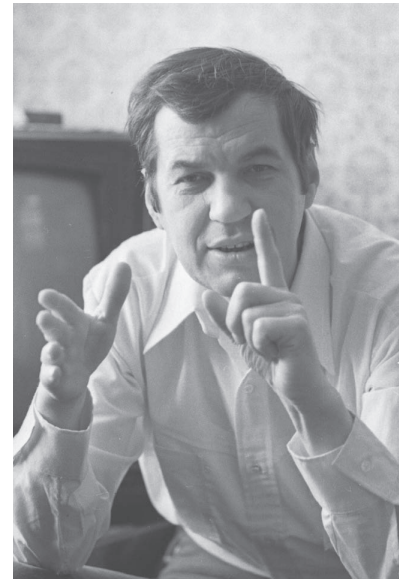


занюханных городков, забытых богом полустанков… Бурков, говоря велеричаво, смахивал засаленным рукавом грязь с камешка, найденного в пыли, и тот являл собой алмаз…

Каким был актер? Одни знали его завзятым трепачем, травильщиком бесконечных баек, рубахой парнем и охотным участником дружеских попоек. Другие наоборот видели человека, стремящегося к уединению, стеснительного, предпочитающего книжку развязной компании. На той встрече, за кулисами находился человек, «похожий на бухгалтера» (не запомнил, чье это ловкое выражение). Одет скромно, но достойно: модный тогда темный кожаный пиджачок, тонкий свитер – водолазка, очки. Георгий был слегка близорук. Но не в такой степени, что сделать глаза без очков нагими, пустыми и беспомощными, а лишь чуть-чуть смягчить, обархотить их. Баек не травил. Вообще, кажется, в разговоры не вступал. Может, внутренне готовил себя к выходу на сцену, а может, неловко чувствовал себя среди посторонних людей. Иное дело гримерка театра. Тут все свои. «Фильм классный видел недавно по телевизору. Научно-популярный. Там поят паука, а потом наблюдают, как он будет паутину плести, двигаться. А текст читает…» Он назвал имя актера, когда-то сыгравшего в замечательном фильме-сказке принца, а потом так и не появившемся больше на экране. Естественно для русского таланта – запившего. «Ребята, я не видел ничего лучшего – он был в образе пьяного паука! А уж он-то – специалист…» Потом он рассказывал байку о съемках, с которых только то прилетел. «Коля всех нас вызвал (режиссер – Л.Ш.), мы ждем, а он Жанку снимает, крупные планы… Так и проторчали, как дураки, весь день без толку…»

После бесконечно долгого блуждания по городам, театрам, съемным комнатушкам – Бурков, может быть, единственный актер совершенно без специального образования, наконец, оседает в Москве. Он уже сыграл во множестве фильмов, его любит театральный зритель. Сергей Бондарчук «пробивает» квартиру актеру – в приличном месте, на Фрунзенской набережной. «Тут в наш мебельный гарнитуры завезли. Я успел схватить. Ребята-носильщики помогли доставить – вон магазин, отсюда виден… Спрашиваю: ребята, что с меня? Да ты ж актер, говорят, что с тебя возьмешь?..» Привирал, лукавил? Наверное, не без этого. Конечно, в условиях постоянного дефицита, никто так не благоденствовал, как даже последний грузчик любой торговой точки. Но ведь и актер не последний человек! Известность у нас никогда не сопрягалась с бедностью, хотя зачастую это было вовсе и не так.



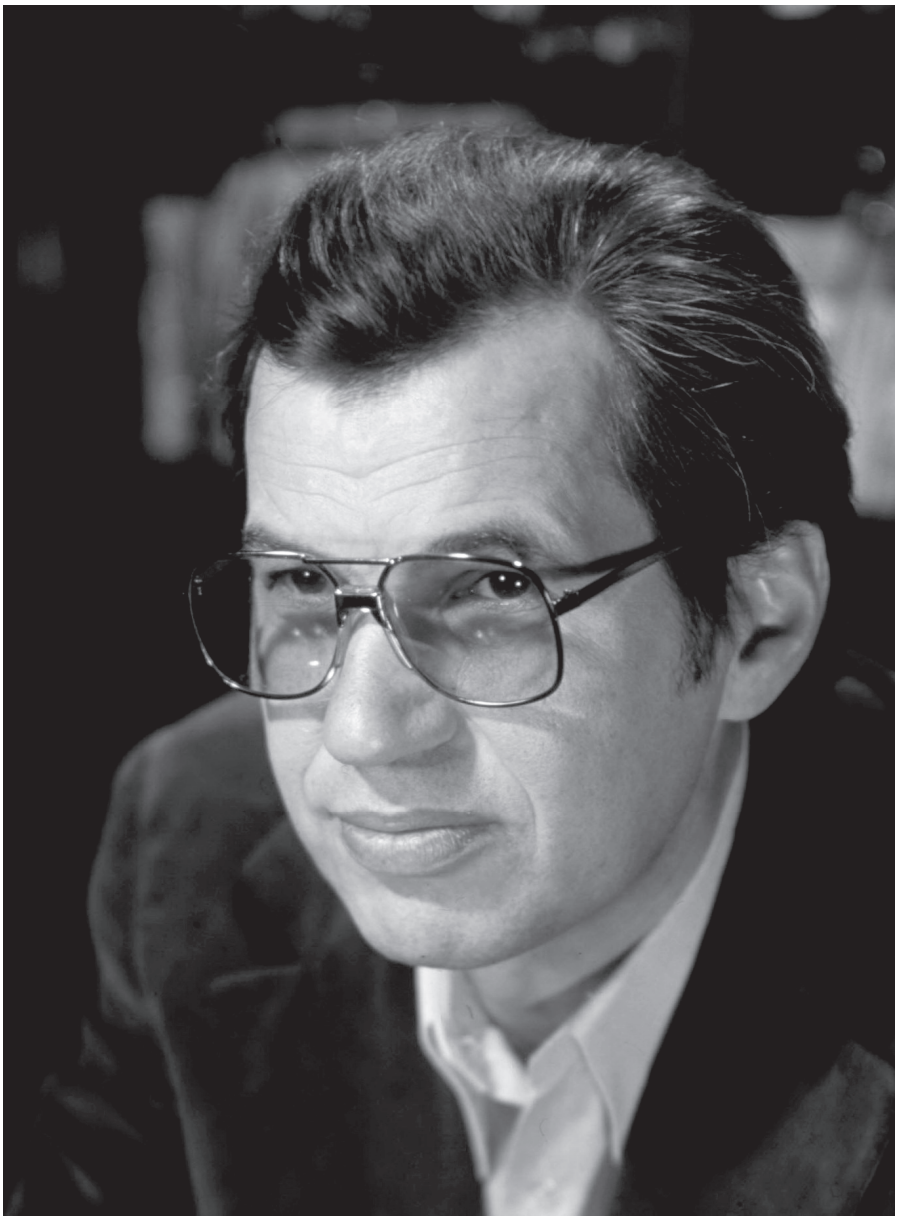


На сцене, на экране, на встречах со зрителями, в обыденной жизни Бурков был естествен и правдив. Любое его слово воспринималось, как обращенное именно к тебе.

У Буркова был друг – Шукшин. Шукшин умер почти на руках у Георгия. Заканчивались съемки картины «Они сражались за Родину». Артисты жили на дебаркадере – в небольших каютах. У Шукшина обычно подолгу горел свет. Он писал. Однажды свет не потух до утра. Бурков, заглянувший утром, был первым, кто узнал – Василия Макаровича больше нет…

…В доме у Буркова я бывал пару раз. Снимал, естественно. В кабинете актера (до чего дожил!) красивые полки, книги. Громоздятся книги до потолка. С такой-то любовью к чтению, ему б самому писателем быть! Мечту эту, он в себе и носил. Вот соберется и засядет за что-нибудь большое. Ну, а пока… пока вся боль, все раздумья, все горести и сомненья – дневнику. Ох уж эти дневники – наши предатели!.. Сокрыты от чужих глаз, пока мы живы. Кричат, вопиют и бьют нас, когда самих нас уже нет. После смерти актера вышла книжка – его записи. Вдова пошла на смелый шаг. Может, горькая правда лучше молчания и забвенья? Не мне судить.

Актер не дожил до своих 60 лет. Часто смерть кажется случайной. Полез со стремянкой за дальней книгой. Сорвался, сломал ногу. Больница. Операция. Все, кажется, обошлось. Но оторвался тромб, перекрыв жизненно важную артерию… Это внешний рисунок роли. А внутрений – износилась вера. В справедливость, в порядочность окружающих, в себя… Жизнь есть борьба. Это и классики говорят. А стоит ли она этой борьбы? Под каждую из этих фраз можно подложить факты – переходы из театра в театр, обиды от режиссеров, улюлюканье завистников при первой же твоей неудаче. А можно полистать дневник. Там не легче. Видимо, жизнь уходит от нас, когда выгорает наше нутро. Остальное – дело техники.



Галина УЛАНОВА. 1977 год.

Галина УЛАНОВА

Даже если согласиться с игривым предположением Александра Сергеевича, что «едва ль в России вы найдете хоть пару стройных женских ног», то ног чувственных, красноречивых, одухотворенных, «думающих», наконец, найдется не на один женский батальон. Так было и во времена Пушкина, и до него и после, не обеднела и нынешняя Россия. Но стать эталонной парой?.. И не в обиду всем остальным прелестницам сцены будет сказано, в середине прошлого века безусловной обладательницей этой пары ног была Галина Уланова. «Описать танец Улановой трудно и профессионалу. Ее движения, поза, поворот головы, жест… Все это меркнет на бумаге. Образ, ею созданный, оживленный ею, просто входил в тебя, в твое сердце…» - такими словами одаривала ее другая прославленная балерина Ольга Лепешинская.

В репетиционном зале Большого театра всегда кто-нибудь подсаживался к Галине Сергеевне, чтоб услышать ее мнение или получить совет.

Наверное, было за что присудить балерине подряд четыре Сталинские премии? Или это особое расположение к приме вождя?

«Единственный раз я видела Сталина близко на приеме в Кремле в 1940 году. В кинозале сидела рядом с ним. Все боялась ему помешать, вся сжалась, чтоб меньше места занимать… Он нас поздравлял, благодарил, а что точно сказал – не вспомнить…» А оглушительный успех во время гастролей Большого театра в Лондон в 1956 году?.. Легкая, словно бестелесная – воздушная, чистая, светящаяся – примерно такими комплиментами сопровождались рецензии о ее выступлениях. Особенно, на «диком Западе», привыкшем будто бы считать, что по улицам российских столиц бродят медведи.

В начале шестидесятых, появился альбом, подготовленный писателем и одновременно талантливым американским фотожурналистом Альбертом Каном «Несколько дней с Галиной Улановой». На репетициях и на сцене, на прогулке, дома, возле театра – простой, без всяких изысков рассказ, но какой достоверный и насыщенный, написанный талантливым объективом. Впечатления сохранились до сих пор…

На сцене видеть мне Галину Сергеевну не пришлось (да и не велик я ценитель). Но на протяжении пары лет, снимая для альбома о Большом театре, чуть не каждый день встречал ее в классах – на уроках, на репетициях. Почти всегда она присутствовала и на спектаклях, если работали ее ученицы. Формально к ним можно было отнести Екатерину Максимову, Нину Семизорову, Людмилу Семеняка… Но и Владимир Васильев, и Марис Лиепа, и другие звезды тогдашнего Большого балета подсаживались в паузах репетиций к этой неброской, сдержано, но всегда аккуратно одетой женщине. Ее мнение о их работе было, видимо, им не безразлично…

Перед спектаклем за кулисами царит – как бы точнее сказать? – сдержанное возбуждение. Кто-то из танцоров продолжает разогреваться, десятки раз повторяя одно и то же движение, кто-то сосредоточенно смотрит в угол, словно припоминая текст, кто-то возбужденно болтает с подругой. Нередки в эти минуты за кулисами гости. Гости особые - глубоко уважаемые, но свои. Сегодня дают «Спартака». Слышен рокочущий восточный говорок, пересыпаемый искорками смеха. Немножко вальяжный, весь состоящий из одних закруглений – нос, глаза, губы, руки, живот – шествует Арам Ильич Хачатурян. Он подбадривает исполнителей: «Сегодня второй состав? Ерунда, я всегда говорю в этом спектакле нет второго состава – всегда лишь первый!» Его сопровождает дама – жена. Но когда ее представляют как жену композитора, она возмущается. «При чем тут жена? Я сама композитор – композитор Макарова».

Людмила Семеняка одна из учениц звезды русского балета.

Арам Ильич Хачатурян всегда желанный гость за кулисами Большого театра. Сегодня дают «Спартака» - прославленный балет Большого на музыку великого Арама. Развеселившийся композитор, вспомнив молодость, пытается подбросить балерину, но в спину вступает…

На нижнем правом снимке – Галина Сергеевна с заслуженными производственниками. Как и она – Героями Социалистического труда.

По другую руку падишаха Галина Сергеевна. Они переходят из гримерки в гримерку, шутят с чуть робеющими примами. Арам Ильич явно в ударе: с ходу он подхватывает одну из балерин, пытаясь подбросить ее к потолку.

Но видно, «вступает в спину». Охнув, и выпучив глаза, он смущенно опускает свою ношу на пол. Хохочут все. И это, может, единственный раз, когда я вижу Галину Сергеевну, столь безмятежно смеющейся..

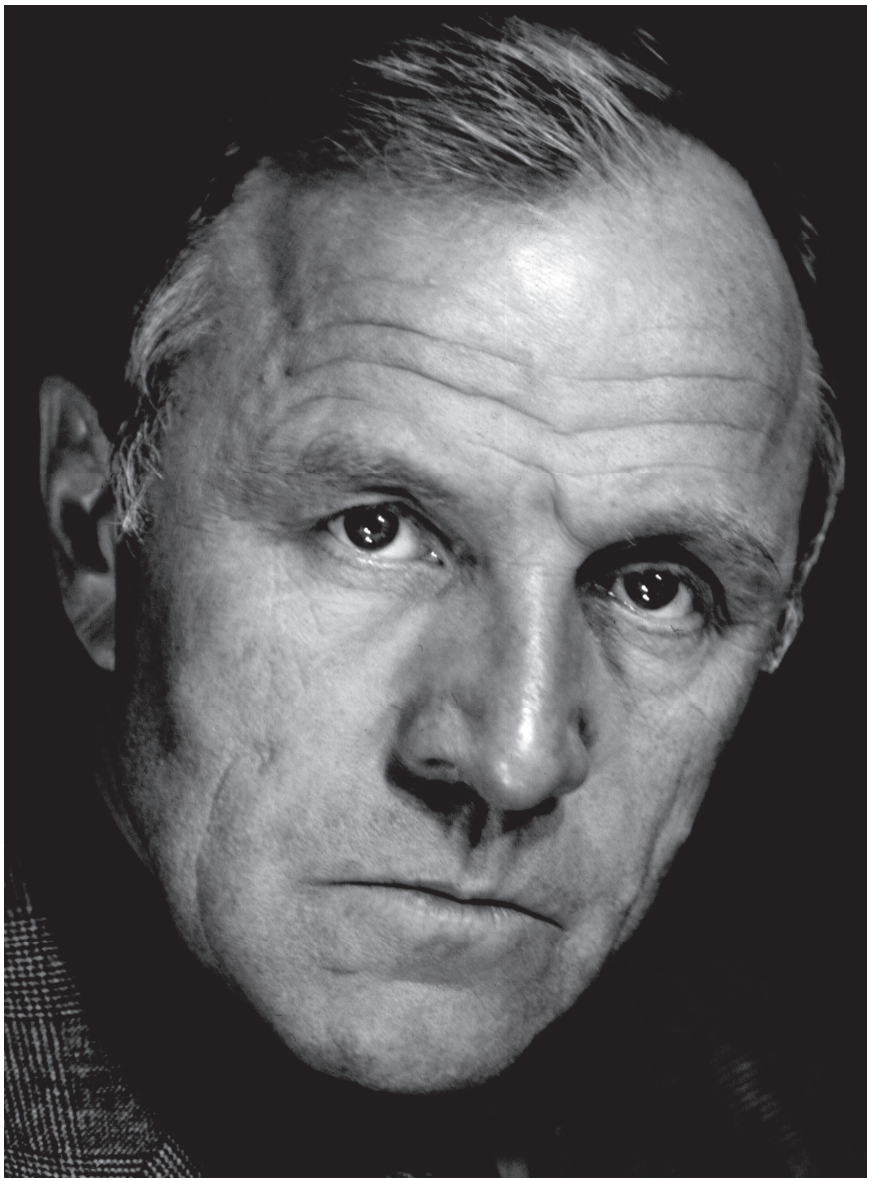
В 1962 году Уланова ушла со сцены, прекратила танцевать. Но Владимир Васильев поставил (может специально для нее?) небольшой балет «Эти чарующие звуки». Балет необыкновенный: на сцене представлен репетиционный класс, идут занятия. Вот и все. «Преподавала» на сцене, как и в жизни, Галина Уланова. Таково было последнее появление балерины на подмостках. Все просто, но изыскано, поэтично. Публике балет нравился.

Уланова, не смотря на всю свою славу, была женщиной ни салонной, ни публичной. Мне невозможно ее представить не только на какой-нибудь из нынешних презентаций – тусовок, но просто сидящей в президиуме. Хотя подобное наверняка и случалось. Она, вероятно, сознавала, что является одной из идеологических икон государства. Для альбома мне было поручено снять Героя Социалистического труда Уланову с Героями Социалистического труда с подшефного Большому театру предприятия – завода. Тогда было принято шефствовать артистам над рабочими (хотя скорее наоборот), театрам над заводами, консерваториям дружить со стройками. Я и сейчас не могу с уверенностью сказать, что это – профанация – симфонический оркестр, выступающий в обеденный перерыв в прокопченном цехе, или естественный порыв трепетной лани к коню? Устраивает же новое время перформансы в бывших промасленных цехах, крысиных подвалах, оплетенных коммуникациями, которые в общем-то постороннему взгляду и видеть не обязательно. Художники такие уж шалуны!..

…Я попросил рабочих и балерину устроится в директорской ложе театра, где я и совершил свое действо – съемку. К счастью, снимок этот никуда не попал. Напряженно-каменные лица гостей и смущенное неестественностью ситуации лицо балерины не украшают даже моего архива.

Какова была личная жизнь балерины – сказать не берусь. В ее квартире в высотке на Котельнической набережной мне довелось побывать уже задолго после того, как ее не стало. Теперь это музей. Не по официальному положению, а по сути. Просторно, много света, воздуха. Ее трельяж, ее кресло… А главное – дух. Достойный и несуетный…

Галина УЛАНОВА и Владимир ВАСИЛЬЕВ. 1977 год.



Михаил УЛЬЯНОВ. 1980 год.

Михаил УЛЬЯНОВ

К 80-летию актера шла о нем передача по телевизору, записанная, верно, много раньше. С Ульяновым к тому времени мы уже простились – свет угасшей звезды…

Рассказывая о своем пути, актер заметил: «Мне говорили, по моим ролям можно проследить историю страны…» И правда: комсомольцы-добровольцы и неистовый председатель Трубников. Полуинтеллигент-драматург из «обоймы» («Пушкин знал 5 языков, а я один английский, да и то со словарем…»), осознавший, наконец, что его талант – пустышка и крупный номенклатурный чин, вытуренный на пенсию, и вдруг обнаруживший, что он совершенно не приспособлен к обычной жизни, не знает и пугается ее. Маршал Жуков – кремень, солдафон, победитель, спаситель – и все в одном, и ворошиловский стрелок – вопль обездоленной, ограбленной старости. За каждой ролью, за каждым образом – пласт жизни страны. Больше того - духовный срез времени с болями, корчами, обманными надеждами. А под всем этим – верой. Во что? Да черт его знает во что…

Об Ульянове я впервые услышал от Михаила Трахмана. Мы оба работали фотокорреспондентами в «Литературной газете». Только я был зеленым мальчишкой, а он матерым волчищем в профессии, прошедшем солдатскими дорогами и партизанскими тропами, снимавшим войну такой, какова она есть, и свозивший вражеские трупы в одну груду, чтоб сделать снимок помощней, снимок, потребный времени и пропаганде – поднять боевой дух . Умнейший и циничный человек, цену людям определял безошибочно. Об Ульянове, тогда еще не сильно прославившемся, он говорил: «Мой друг…»

Лет через 15-20 мне было поручено отснять ряд актеров на открытки. Я обнаружил интересную особенность. Если актер средней руки или только засверкавший, но малозначительный, ему надо звонить десятки раз, уговаривать, уславливаться, передоговариваться – и так без конца. Если актер громаден – разговор точен и определен: или да – или нет. Если да – когда и где. Ульянов к тому времени был, наверное, самым крупным актером и на сцене, и, особенно, в кино. Созвонились. Где? Можно у вас, можно у меня. Где быстрее? У меня. Пока вы едете, я приготовлю свет, и все, что положено. Нажму пару раз на кнопку – вы свободны. Ульянов приехал ко мне на окраину Москвы, где я и поныне живу, За пять-семь минут я закончил съемку. «Кофе?» - «Можно». «А коньячку? Или за рулем не позволяете?» - «Я вообще себе не позволяю…» Да и какого черта он должен пить с кем попало и совершенно без повода?..

Больше судьба меня не сводила с Михаилом Александровичем. Я видел его, конечно, но что называется – издали. Вот он идет через служебный вход театра, где я дожидаюсь встречи с кем-то из других вахтанговцев, вот он на съезде депутатов, разговаривает с Амосовым, моим добрым знакомым, вот он на панихиде Высоцкого. Только издали. По принципу: я тебя вижу, ты меня нет…

«Как много девушек хороших, как много ласковых имен…» Это можно и об актерах. Как же их много, и почти каждый из них хочет нашей ласки, нашего внимания, любви, почитания. Лишь немногие из них пробиваются к нашему сердцу – мы ценим их талант. И уж совсем мало тех, кто для нас становится мерилом нашей совести, мерилом наших поступков. Становятся, если хотите, духовными наставниками, а возможно, носителями духовности нации, самой ее сущности, самобытности… Человек любой профессии может превратиться в такого национального лидера: полководец, ученый, учитель… Но скорее всего – человек искусства – писатель, художник, актер… В силу своих профессий, они обращаются непосредственно к каждому из нас. И мы смотрим глаза в глаза. Мастерство, умение быть понятым, конечно, это основы, без которых просто невозможно возникновение контакта. Но как этого мало для того, чтоб мы ощутили человека жизненно необходимым себе. Таким, чтоб казалось, если б не было его, ты чего-то бы не дополучил в своим развитии, ты бы не стал тем, кем стал, осознавая присутствие этого человека в твоей духовной жизни. Как возникает эта нравственная потребность – потребность сына в отце, внука в деде? Любой человек – немного идеалист. В молодости особенно. Черное и белое. Без полутонов. С возрастом полутона возникают. Нет абсолютно черных грешников, нем абсолютно чистых ангелов. Но главные критерии не рушатся. А они в том: существует правда, существует честность, существует порядочность. Да, сам я дрянь, но есть же на свете хоть что-то святое, к чему хоть в мыслях я хочу тянуться… Слаб человек, а туда же, к солнцу… Читатель подумает: начал за здравие – о человеке, об Ульянове, а кончил… Куда его понесло?.. Да не понесло, это все о нем же. Об актере, который никогда, ни в чем не соврал. Он играл упырей, нелюдей, сволочей, шарлатанов, и тут же людей высочайшего духа, неукротимой воли. Работяг, верящих в ценность и значимость своего труда, и людей, раздавленных крушением этой веры. Он обрушивал громы справедливого гнева и ерничал, подличал, извивался как червь – полюбуйтесь, сволочи, это ж тоже вы – люди, людишки. Он делал все, что только можно представить, может делать лицедей. Но никто не мог обвинить его в лицедействе – лицемерии, обмане, гнусном кривлянии. Все, что он показывал нам, было абсолютной правдой…

Да, мы такие, отважные и коварные, самоотверженные и лживые, талантливые без меры и безудержные, дикие в своем падении, пьянстве, разврате. «Широк русский человек, широк, надо б его обузить»,- повторял вслед за Достоевским актер.

В юбилейном фильме актер говорил: «У нас был спектакль «Город на заре». В тайгу, в глухие снега выбрасывается десант строить город, строить завод. Мы привезли спектакль в Германию. Видим, какая-то не та реакция. «Не понравилось?» - «Понравилось, но немного непонятно. Зачем надо было выбрасывать на мороз людей? Не лучше было бы сначала построить дороги, потом небольшой поселок, разместить людей, а уж потом строить завод и город?» А ведь мы всегда и все так делаем…»

В другой раз, по какому-то другому случаю, от кого-то я слышал: «Что такое подвиг? Это когда герой ценой собственной жизни исправляет глупость, преступную халатность другого человека…» Общепринято считать, что российский народ – самый героический народ, отсюда и самый…

Если бы мне понадобилось назвать величайшего актера того времени, в котором мне довелось жить, безоговорочно я назвал бы Ульянова. Великий, истинно русский актер. Буен и слезлив, жесток и сентиментален, талантлив беспредельно и наивен, как последний дурак… Это я, это все мы, это наш народ. Это наш крест и судьба.

Николай АМОСОВ и Михаил УЛЬЯНОВ на последнем съезде Верховного Совета СССР.

Святослав ФЕДОРОВ. 1991 год.

Святослав ФЕДОРОВ

- Так сколько Вам еще секунд осталось?

- Каких секунд?

- Жить.

Вид у Святослава Николаевича стал немного осоловелым, словно кто-то внезапно хлопнул у его уха в ладоши.

- Ну как же. Вы же всегда говорите, сколько по вашим предположениям у вас осталось впереди лет, или дней или секунд…

- А-а…

Маэстро махнул рукой – понял, мол, твою дурацкую шутку.

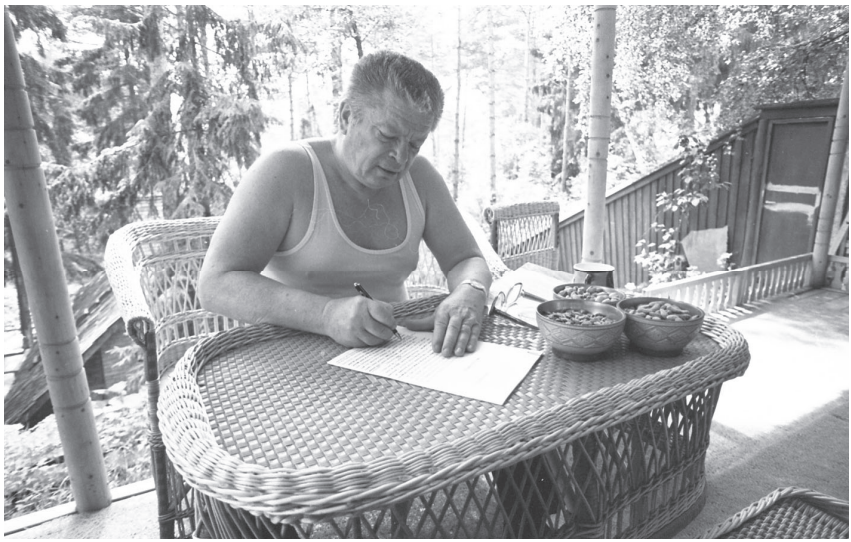
Почему я называю знаменитого офтальмолога «маэстро». Он же не артист. Как сказать? Его выступления ярки и артистичны. Ему явно нравятся аплодисменты и блеск софитов. Он так темпераментно захватывает аудиторию, что хочется, все забыв, бежать под его знамена и – вперед!

Амосов восторгался Федоровым и недоумевал, глядя на пациентов: «Какого черта без нужды лезут под нож? Резать – только по жизненно необходимым показаниям». И это говорил хирург, проведший за жизнь десятки тысяч операций.

Во время перестройки Федоров стал членом редколлегии «Огонька» (и, стало быть, я имел право на некую «вольность» в общении). Поначалу он появлялся на заседаниях довольно часто. Этакий, лучащийся уверенностью и самодостаточностью, авторитетный в каждом своем суждении, в каждом шаге. Известность его в те годы стала абсолютной, с властями он был на короткой ноге. И любимая им фраза «Мы не рабы!», фраза, так часто повторяемая в каждой из речей, будь они медицинского толка, социальной направленности или предвыборными спичами, была крупными буквами отпечатана на его челе. В конце 80-х Федоров отправился в Германию получать пароход. Судно «Михаил Суслов» должно было быть переоборудовано под плавучую глазную клинику. Приплывает такая клиника, скажем, в Эмираты – пожалуйста. И шейхи в очередь выстроились, и смерды, жаждущие прозрения, приплелись. В Москве уже работал федоровский глазной центр, а по стране, словно грибы, стали прорастать его филиалы. Федоров был не только сильным и прогрессивным ученым, но и талантливым организатором. Чем выше он поднимался, тем более широкое пространство он охватывал. Такому бы быть председателем правительства страны, как минимум…

«У нас в институте каждый зарабатывает свои деньги сам». Значит, если ты талант, предела твоему росту и росту твоего благосостояния не будет. Если ж не талант, а просто скромный и честный трудяга – тоже не беда. Ты будешь защищен всеми социальными благами (включая защиту от инфляции). Живи – не хочу! Святослав Николаевич все подтверждал цифрами. Помнил он их изумительно – до единиц, до десятых долей… Я сидел с диктофоном, записывал. Пригодятся для интервью. Состоялась беседа. Тоже с цифрами и точными выкладками. Я перенес разговор на бумагу. «Не забудь только мне показать!»,- сказал шеф его пресс-службы. «Проверить, нет ли криминала?» - «Цифры уточнить». «Побойся бога, это же сам Федоров называл…» - «Вот поэтому и надо показать…»

Видно, диктофон мне попался какой-то неправильный. Он переврал все мои, федоровские точнее, цифры. Ладно бы на проценты – иные чуть не в разы! Ну, ничего! Вот сейчас посмотрит Святослав Николаевич исправленные цифры и напустит кому надо холоду в штаны. Отнюдь! Ни одна из исправленных цифр не вызвала возражений Маэстро. Не важно какие ты произносишь со сцены слова, важно какой образ воспринимает зритель!..



Федоров правит интервью. Впрочем, он со всем согласен.

А здесь команда «приемщиков» парохода. Теперь врачи-глазники поплывут по миру.

От революции в медицине к революции социальной! Мы свой, мы новый мир построим. Пусть в пределах одного хозяйства.

Федоров получает землю в Подмосковье – раньше там гнил какой-то колхоз – и начинает строить новую жизнь. Отдельные дома-особняки с хорошим кусочком земли – ближним соратникам. Пусть пьют свое парное молоко и наслаждаются закатом с собственной веранды. Коровы – молочная ферма, тоже статья дохода, если строить дело по уму. Лошади… Ну, это особая страсть! Федоров – настоящий лошадник! Каков он на лошади! Не видели? Чего ж с вами говорить… А сами кони! Вон они, красавцы, мчатся на заставке телевизионных «Вестей». Да посмотреть на таких лошадей люди будут съезжаться со всей страны. Да что страны – мира! Эх, хорошо бы тут, в Простоквашино… простите, Славино, устроить маленький Лас-Вегас. Ну не то, что бы рулетки и подобное (а почему бы и нет?), но что б корты теннисные были, прогулки на лошадях. Человек волен мечтать – мы не рабы!

Перестройка давно уже усохла. Страна вкусила и свободы, и полуголодного бытия. Ловкачи-реформаторы стали замещаться (то ли сами превращаться) симпатичными бандюганами, обаятельными ловчилами, словом, более успешными игроками. Судьба снова привела меня в «Простоквашино». Дорога чуть подзабылась. Чтоб не плутать, подсадили попутно женщину, достаточно пожилых лет. Дорогу покажет, сама подъедет. «Куда с утра пораньше?» - «Не куда, а откуда… С почты…». «Ну и что за вести везете?» - «Да не везу я вестей, а работаю там. Уборщицей…». «Ишь ты! А что не дома, в колхозе, или как там теперь у вас?» - «Да какой колхоз! Я вон дояркой была. А теперь где коровы – нету их. Всех эти – чеченцы, или как там их – порезали…». «Что за ерунда? Это же Федорова хозяйство!» - «Ну уж чье – я не знаю. Знаю только, что как колхоза не стало, это черный, поставленный над коровами, сразу все и спустил…» Так-так-так, думаю я себе, был какой-то кавказец, поставленный Федоровым на хозяйство, снимки есть, так неужто… «А много на почте платят?» - «Не много – зато регулярно. А те, кто работает в хозяйстве уж и забыли, когда и деньги получали…» Вот ведь какой неблагодарный народ! Им же хотят, чтоб лучше – а они нос воротят!

А поселок ничего – смотрится! И внутри возведенных хором не бедно – зеленое сукно, бильярды. Европа, словом! Только эти иностранцы занюханные ничего не соображают – не едут во вновь открытые палестины… Не беда! Что у Федорова, глаза на затылке, чтоб только назад и

Скоро здесь потекут молочные реки и поднимутся кисельные берега.

Цифровые выкладки с точностью до десятых долей процента! Надо же память!

смотреть! Ну отобрала отделившаяся Украина плавучую глазную фабрику. Так что ж теперь – вешаться? В крупной игре не все только тебе выигрывать. Надо уметь и проигрывать. А главное, не зацикливаться на потерях… Время-то идет вперед. Только всегда ли в нужную нам строну? Федоров как настоящий артист работал широкими мазками. Важна общая картина. Детали не существенны. Пусть домысливаются теми, кому это надо. А детали любопытные бывают. Скажем, мы лечим глаза. Одним, действительно, нужно помочь уберечься от слепоты, вернуть ощущение комфортной жизни. Другим вовсе необязательно привычные очки выбрасывать, чтоб с помощью ножа вернуть остроту зрения. Конечно, чем больше пациентов, тем больше клиника заработает денег (хотя операции бесплатные). Так за счет чего же? За счет перераспределения бюджета. Снимем деньги с операций на почках, на сердце – там все равно с трудом их осваивают – пусть глаза люди лечат. Ладно. Маленький, но успешный капитализм – это хорошо. А почему, собственно, капитализм? Ведь институт-то государственный. Или нет? Казалось, какая тут разница? Так, мелочь. Работал бы только. Ан, нет! Если государственный – другой разговор. И спрос другой. Это вчера ты был богом. А сегодня-то выяснилось, что бога и нет. А кто же есть? Да никто, может быть, преступник. Над Федоровым стали сгущаться тучи. Начались проверки, выяснения, слухи… Происки завистников? А почему бы и нет? Жизнь превращалась в ад… И вот тот злополучный полет на вертолете. Случайность, диверсия, убийство, самоубийство? Слышал ужасающую подробность – тело Федорова нашли без головы. Оторвалась при крушении… Булгаковский Берлиоз. Люди не просто смертны. Они внезапно смертны…

Смерть зло. И смерть – добро. Она проводит грань между черным и белым – злом и добром. Да, Федоров был игрок – азартный, увлекающийся до бесшабашности, теряющий ощущение реальности, а может даже, и ответственности. И он был гений. Его хрусталик, его новые идеи вели к прозрению людей – и в прямом, практическом, и в переносном, философском смысле. Смерть уводит в небытие наши темные стороны, если светлые наши поступки достаточно ярки. Но мы-то все люди. И в наших оценках много полутонов, из которых человек и состоит. Как и из тех секунд – черных, серых и светлых…

Арманд ХАММЕР. 1991 год.

Арманд ХАММЕР

На первом этаже большого здания, похожего на спичечный коробок, поставленный на попа, - журнального корпуса издательства «Правда», находился общий гардероб. Пожилой человек в неброском, но хорошо пригнанном костюме, протянул номерок, получил свою шляпу и пальто. Без посторонней помощи оделся и стал поджидать оживленную компанию шумно и трогательно прощающихся людей. Еще бы! Что это были за люди! Прославленный Ростропович – великий музыкант и великий человек мира, его супруга – несравненный голос и характер - Галина Вишневская. Люди рангом поменьше, такие как Владимир Спиваков, в счет уже не шли… Много их… «Огонек» переживал пик своего взлета: двадцатиметровые очереди к каждому киоску в день выхода журнала, шумные «разоблачения» коммунистической клики. Что ни номер – сенсация! А внутри журнала, в самой редакции – бесконечные иностранные корреспонденты, телекамеры, интервью. Как это Вам, господин Коротич?.. И так далее… Словом, было от чего закружиться голове. Все было внове, все впервые… А старичок стоял, приминая шляпу руках, и мягкие черты лица его улыбались. О чем он думал? О суетности нашего мира? О самонадеянности, так называемых, первопроходцев? О неизменности человеческой натуры – тщеславной и лживой? Я нажал на кнопку своей фотокамеры: как-никак этот дряхлеющий дед все-таки Хаммер…

Впервые люди моего поколения услышали эту фамилию в середине 60-х. Некий щедрый дядя из-за бугра по имени Хаммер подарил нашему правительству, нашему государству, нашему народу два бесценных полотна Гойи. Достойных работ великого испанского мастера в наших музеях было мало. А тут такой щедрый дар! Разумеется, дар не остался неоплаченным. Министр культуры того времени Екатерина Фурцева отдарилась щедрой рукой полотном Казимира Малевича. Что ж, благородный обмен репликами! Для меня, явного ретрограда и невежды, кисть авангардиста и идола Малевича не стоила и одного пальца Гойи. Но не все так считали. Кто-то прикинул, мол, делец не проиграл, а руки нагрел на сделке. Гойя, мол, стоил не по миллиону долларов штука, а тысяч по шестьдесят. А уж Малевич тогда тянул на миллион. Говорить, правда об этом, стали много позднее… А тогда на редакционной летучке, посвященной обсуждения материала о даре, кто-то припомнил карандаши, на которых стояла марка «Хаммер». А кто-то вспомнил и давнюю историю: сам Владимир Ильич Ленин принимал американского буржуя, сочувствующего революции, в своем кабинете в 20-е

годы. С ума сойти! И это все один и тот же Хаммер – в 20-е, 60-е, в конце 80-х… Тот Хаммер, что стоит сейчас и перебирает в руках поля шляпы, с улыбкой глядя на возню молодых щенков, простите, - героев великой перестройки.

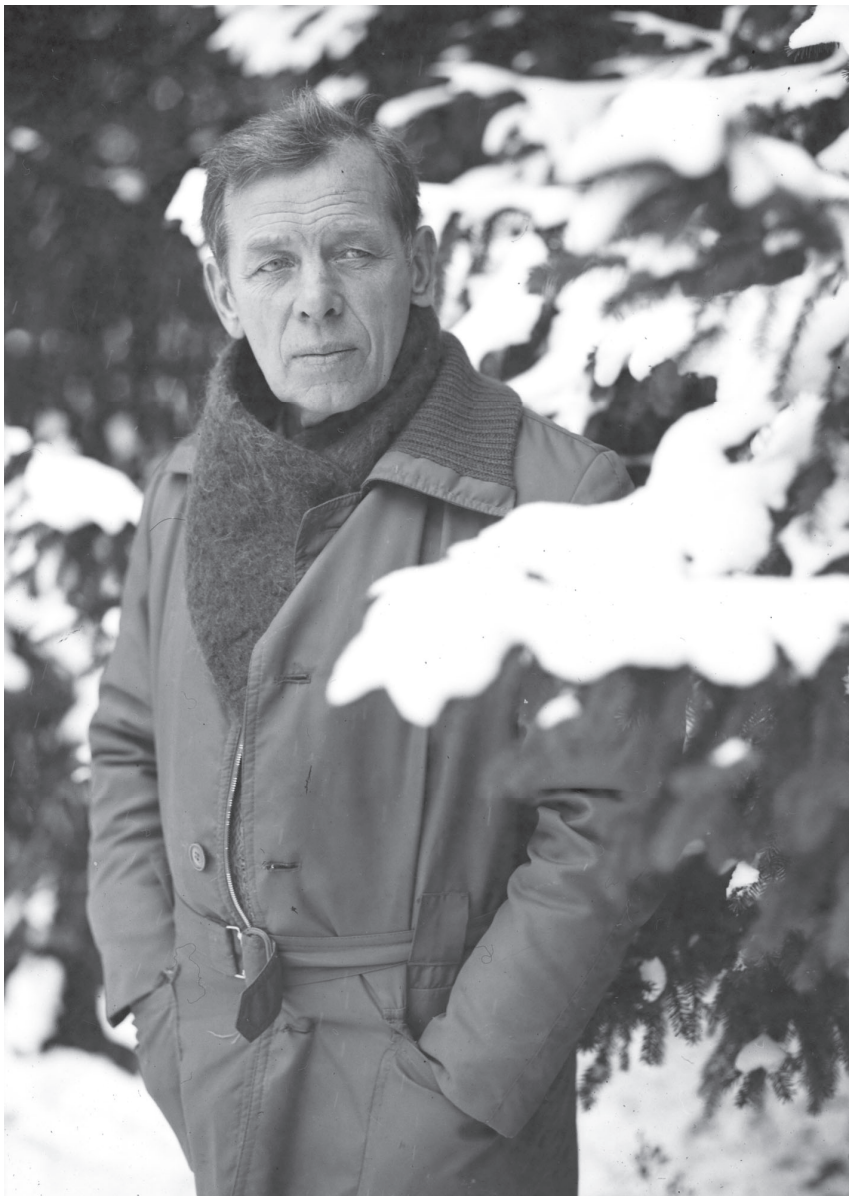
Арманд Хаммер – социалист и друг, капиталист и рвач, акула и сострадающий человек. Не мною придуманы эти определения. Что бы вы не стали читать о Хаммере, вы найдете столь разноречивые его характеристики, что впору схватиться за голову. Что же это был за человек? И не ошибетесь, ответив одним словом: бизнесмен. Деловой человек. Профессионал. Если человек не умеет извлечь выгоды из всех своих сделок, вряд ли стоит его именовать столь высоким титулом. Это всего лишь игрок. А у того уж как карта ляжет.

Смолоду Арманд, врач по образованию, понял и возвел в принцип: игра может стоить свеч лишь тогда, когда выходишь на первых людей – глав ли государств, главарей ли мафии, главнейших ли банковских или промышленных воротил, что, в сущности, все одно и то же. Второй принцип: чтоб что-то получить, надо что-то дать. Если твой дар неожидан и щедр – ты не прогадаешь. Будущий выигрыш сторицей окупит твои расходы. Третий принцип: спеши туда, где неспокойно – пузырится ли революция, кланы ли борются за власть, словом, туда, где вор у вора хочет дубинку украсть. Хаммер первый разглядел Россию, как будущий Клондайк. Сюда он и направил свои стопы. Шел 1921 год, у власти Ленин – тот самый Ленин, с которым познакомился еще его отец капиталист-социалист Юлий Хаммер. Он был одним из лидеров Социалистической рабочей партии Америки. В 1907 году, будучи делегатом съезда 2-го Интернационала в Штутгарте, он познакомился с Лениным. Зацепка, что б попасть к главе государства на прием, прямо скажем, невелика. Но была и еще одна. Владелец фармацевтической фирмы Юлий Хаммер снабжал молодое советское правительство медикаментами. И оно задолжало владельцу фирмы значительную сумму. И это не зацепка: кому же понравится появление человека, который может напомнить о твоих долгах? Арманд решил «напомнить» иным способом. На собственные деньги он накупил массу медицинского инструментария и вручил в качестве дара советам. Вскоре он был приглашен в поездку по России. Увидев одновременно ужасающую нищету, голод и баснословные россыпи драгоценных уральских камней, горы пушнины, он сделал истинно деловой вывод. Дать этим голодным дикарям немного жратвы в обмен на мало нужные им в данный момент предметы роскоши. Он отбил телеграмму брату в Америку с требованием закупить миллион пудов зерна, загрузить на первые попавшиеся суда, и отправить в безумствующую Россию.

Учел он и то, что в Соединенных штатах случился в том году невиданный урожай, и цены на хлеб были ничтожны… Разрешение на сделку – хлеб в обмен на драгоценности - подписал вождь пролетарской революции, о котором в то время ходили слухи, что он и сам недоедает. Вскоре юный бизнесмен был лично принят вождем… Многое получила Советская Россия из рук Хаммера-младшего: от автомобилей Форд до тех самых карандашей «Хаммер», превратившихся со временем в «Сакко и Ванцетти». Правительство расплачивалось художественными ценностями. Не то, чтоб впрямую. Картины и прочие произведения искусства Хаммер вывозил из России как коллекционер, затем распродавал их в престижных салонах. Разумеется, наше государство было тут ни при чем – не оно же продавало. А то, что закрывало глаза на незаконный вывоз из страны произведений мирового значения, так что с того, если получало в обмен и хлеб, и технику, и оснащенные технологиями производства. У кого суп жидок, у кого жемчуг мелок. «Каждому – свое», как сказал один из величайших циников двадцатого века…

Вспоминаю, где-то, когда-то прочел слова, относящиеся к кому-то из мировых магнатов. Да у него миллионы, миллиарды. Но в свой завтрак он вряд ли съест больше одного яйца, пары тостов и чашки кофе, словом, всего того, что почти любой из смертных может себе позволить. И спит он не под сорока пуховиками, а под одним одеялом и простынкой. И ехать он может только на одном автомобиле, пусть даже кавалькада других его сопровождает. И умирает он в свой положенный час, унося в могилу лишь бренную плоть, выпуская душу к небесам, на волю. Зачем же человек суетится, гребет под себя, душит и давит конкурентов, пятнает себя ложью и лицемерием? Чтоб иметь, где-то там обозначенную сумму прописью?

Говорили, что Хаммер баснословно богат, чудовищно. Всю жизнь успешен. Супермиллиардер. Миллиарды множит на миллионы. И процессу нет конца… А когда он умер, на счетах обнаружили лишь несколько десятков миллионов. Да он же нищий среди богачей!.. Вот уж чучело – а всю жизнь хлопотал… Вряд ли кто может заподозрить, что он не был достаточно искусным в сделках. Но и поверить в то, что его охватывали приступы филантропии – трудно. Человека вообще трудно понять со стороны, он и сам-то себя зачастую понимает с трудом…



Георгий ЖЖЕНОВ. 1979 год.

Георгий ЖЖЕНОВ

Мне позвонила Лидия Петровна, жена Георгия Степановича: «Лева, Жженов (а она любила назвать мужа по фамилии) просил снять его на заграничный паспорт. Ему через неделю ехать, а старый паспорт вышел.

Я был поражен – куда ехать, в круиз? Но ведь ему только вчера-позавчера провели полостную операцию. Незадолго до этого я сам прошел через подобное. Тебе вспарывают живот, потом четыре-пять часов перебирают внутренности, как механики забарахливший мотор твоего автомобиля, отсекают ненужное, соединяют одно с другим из того, что еще может служить, и при случае заменяют какую-нибудь запчасть. Прошло уже пару лет после моей операции, а я все еще по настоящему не отошел…

Лежал Жженов в блатном корпусе Боткинской больницы, куда попадали важные лица, не дотянувшие до Кремлевки по положению, или по серьезности ситуации. Палата была одноместная. Все просто, без излишеств – кровать, тумбочка, пара стульев, кажется, платяной шкаф, а может быть, только вешалка, но опрятно, уютно. На плечиках – парадный костюм.

Сними меня по сих…

-А, Лева, ну, давай,- Жженов меняет пижаму на сорочку, одевает галстук, пиджак, брюки не нужны, - сними меня по сих. Через неделю Жженов благополучно уплывает «в заграницы»…

Мне не приходилось встречать человека более волевого и более крепкого физически для его возраста. Фантастическая судьба, проведшая его по тюрьмам, лагерям и ссылкам, через унижения и побои, пятидесятиградусные колымские морозы, голод – до полного истощения, адский труд – в шахтах, на приисках, лесоповале. Для людей его поколения такая судьба не была исключительной. Но кости миллионов людей остались навечно в приполярной мерзлоте, в неизвестных захоронениях – братских могилах безвинно убиенных властью людей – разбросанных по всей стране. Вернулись единицы. Как правило – полуживые трупы.

Во мне живо юношеское воспоминание. В 1954 году мы с сестрой путешествовали на пароходе по маршруту от Уфы до Москвы и обратно. Незадолго до этого «дело врачей», поднятое Лидией Тимашук, покатилось обратно. Оболганные врачи – «врачи-убийцы» были выпущены из следственных камер. Один из них плыл (отдыхал) на этом пароходе. И хотя все дело проходило как антисемитское, среди

Георгий Степанович с женой Лидией Петровной и дочерью Юлей. 1979 год.

Дома, на даче и в моей берлоге, где знаменитый Касьян правит другой знаменитости позвоночник.

«врагов» звучали в основном еврейские фамилии, наш спутник был русский. Мне почему-то запомнилось, что его фамилия была Егоров, хотя, скорее всего я ошибаюсь… Худой, бледный до прозрачности, изможденный человек, к тому же с обезображенными пальцами (рвали ногти?) не только производил впечатление полутрупа, но и двигался так, словно его сносило ветром… А ведь он только год провел в застенках, а не жженовские семнадцать лет…

Возвращение Георгия Степановича в профессию киноактера – тоже фантастично. Вернувшись на свободу в возрасте 38 лет, он сумел подняться и не только реализовать себя, как артиста, но и стать любимым актером для многих зрителей разных поколений. Больше того, он начал писать, и первый же его документальный рассказ «Саночки», опубликованный почти в пятимиллионном перестроечном «Огоньке», дал сразу понять читателям, что в литературе появилось новое, серьезное имя.

Жженов был жаден до жизни. Его дача в поселке Испытатель, расположенном вблизи Икши, располагалась между дачами космонавта Леонова и небезызвестного врача-офтальмолога Святослава Федорова. Последний только обустраивался и бывало заглядывал в парилку, которая уже во-всю качегарила на жженовском участке. Случалось и мне оказаться в парной. В 65 лет Жженов обладал мускулистым телом хорошо развитого 35-летнего мужчины. Даром, что в молодости он был цирковым акробатом? Жженов любил машины, часто их менял, гонял как сумасшедший. Следовать за ним по всегда переполненному Ярославскому шоссе – сущее наказание.

Лагерные годы, а может небогатое детство, приучили его, если не к прижимистости, то уж к запасливости точно. На даче у него стояла бочка, а то и две, заполненные бензином. Бензин был левый, купленный по-дешевке у вороватых шоферюг. Запас, как известно…

В первые годы путинского президентства Жженова, вместе с другими весьма достойными людьми, награждали очередным орденом. Я присутствовал на событии, снимал вручение и пообещал завезти при случае карточки. Выбрался я в гости, наверное, через месяц. Я знал, что после вручения Жженов должен был вместе с Лидией Петровной уехать снова в заграничный круиз – подарок обожателя-бизнесмена. И вот оказывается Жженов в Москве, и никуда он не ездил… Почему?

- А ты не слышал? Ну конечно же, откуда… Возвращаюсь я из Кремля – в руках цветы, коробки, что-то нам надарили. А машину я поставил далеко, рядом не было места для парковки. Пройти мне нужно было через подземный переход. Иду, дороги под собой не вижу, за что-то зацепляюсь и падаю. Подарки все мои разлетаются по всему переходу, а сам я лежу в луже, соображаю: «Эй, люди, что это у вас народные артисты в грязи валяются?» Смех смехом, а я так навернулся – встать не могу…

- Ну а круиз?

- Тоже к чертям полетел. Но ребята хорошие. Сказали, не беспокойтесь, перенесем отъезд, отправитесь через месяц…

Фильм «Экипаж» - одна из последних крупных работ Жженова в кино.

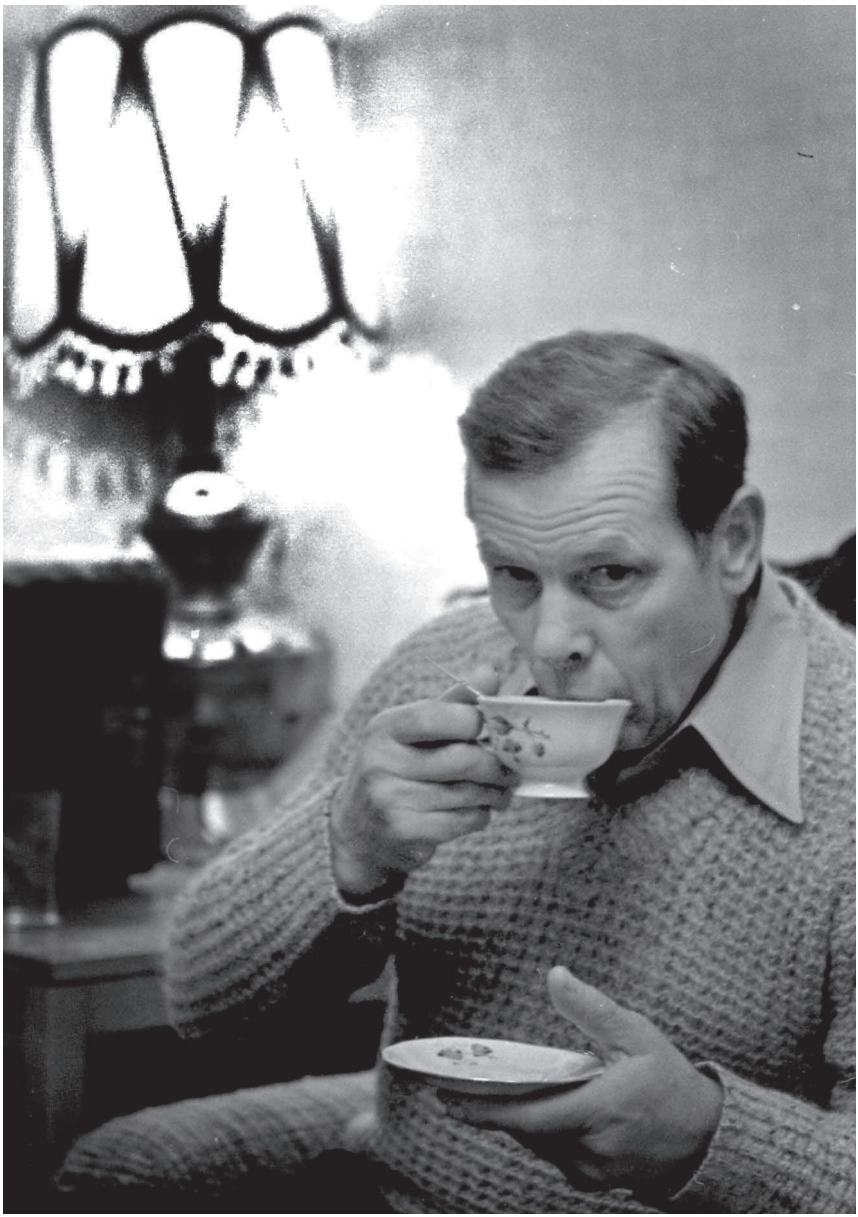
На левом снимке: Путин вручает «резиденту» Государственную награду. А справа,

Жженов с Тамарой Макаровой, давнишней, долагерной еще знакомой и своим педагогом.

Говорят, Жженов любил повторять одну восточную мудрость. Сам я этого никогда от него не слышал, но встречал в его записках.

«Деньги потерял – ничего не потерял, здоровье потерял – кое-что потерял, веру потерял – все потерял».

Едва ли это бывала вера в бога. Человек должен верить прежде всего в самого себя …



Николай Черкасов. 1960 год.

Николай ЧЕРКАСОВ

В моем детстве все знали и напевали песенку:

«Жил на свете капитан,
Он объездил много стран
И не раз он бороздил океан…»

Нелепый и смешной Паганель, оживший складной аршин, распевал эти незатейливые, а потому прилипчивые слова в фильме «Дети капитана Гранта». Это и был Николай Черкасов.

…Кино нашего детства. К счастью или нет, тогда же не было не только компьютера с его бесконечными стрелялками и развлекалками, но и телевидения. Актеры не мелькали до назойливости по поводу и без. Они сходили к нам с экрана, как боги. И было их наперечет – наиболее желанных, популярных – Михаил Жаров, Николай Крючков, Петр Алейников, ну еще Чирков, Андреев… Да, пожалуй, и все. И конечно же был Черкасов. Мне кажется, что наиболее любимыми становятся не те актеры, что играют безупречных героев, а те, что играют оболтусов, неудачников, людей нелепых, но таких понятных и своих. Не верите? Взгляните на Чаплина, или на нашего Никулина. А Петр Алейников? Алкаш из ближайшего скверика – вот архетип его героя. Но такой в доску свой...

Паганель – роль гротесковая. Но разве не с гротеска начинал длинноногий, длиннорукий парень, впервые вступивший на сцену. В молодости, будто бы, ему доводилось выходить на сцену с самим Федором Шаляпиным. Тот, разумеется, в заглавной роли, в заглавной партии. А этот складной аршин – «в подтанцовке», один из сотенной массовки. Обняв свою тощую фигуру длинными руками, так, что они сходятся за спиной, он настолько привлекает внимание зала, что после спектакля мэтр кричит: «Вон!» Нечего мешать настоящему искусству! А где оно настоящее? А вот уже самостоятельный эстрадный номер – «Пат, Паташон и Чарли Чаплин». Конечно, никакого настоящего Чаплина тут нет, но теперь знаменитую маску подхватили по всему миру тысячи клоунов… И снова Черкасов – складной аршин. Бывает, этот номер прокручивают и сейчас, и при всей его наивности, он заставляет улыбнуться…

Потом «Депутат Балтики», профессор Полежаев. 33-летний актер играет старика, вроде бы комикуя, наигрывая, а в результате – только таким и мог быть этот нелепый, наивный и доверчивый старик.

Я не знаю, кто в советском кинематографе сыграл роли более, казалось бы, несовместимые друг с другом. Паганель и Иван Грозный, Дон Кихот и царевич Алексей. Роль, которую я оцениваю, как лучшую из его ролей в кино. Но ведь был еще и театр. Бывший Александрийский, а потом какое-то время называвшийся драматическим театром имени Пушкина в Ленинграде. Руководил театром Л. Вивьен – известнейший по тем временам режиссер. И вот волею судеб (я в то время учился в институте и немножко снимал для «Ленинградской правды») я попадаю на юбилей, который отмечает режиссер в кругу своих театральных коллег.

Как мы бываем расточительны, небрежны. Не только в молодости. Попав в определенный круг, в который в жизни тебе, может быть, не суждено будет вступить, мы думаем, что все это неоднократно повторится впереди. Увы! Час, полтора, а то и вообще минуты, ты можешь видеть человека, а затем он отодвигается от тебя навечно в историю. Но почему ты поленился сделать лишний кадр, почему потом так жестко прополол архив?

Так появился этот снимок Черкасова – пусть не лучший. Но и это знак, память…

Одной из последних, как театральных, так и кинематографических ролей Николая Черкасова, суждено было стать роли профессора Дронова из пьесы С. Алешина «Все остается людям». Роль, которую считают многие вершиной творчества актера, стала не только последней, но пророческой и исповедальной. Интересный эпизод рассказал мне драматург, который присутствовал на репетициях, когда Вивьен ставил этот спектакль в своем театре. Николаю Константиновичу предстояло прочесть центральный монолог пьесы. «Все остается людям…» Это говорит умирающий профессор, как бы подводя итог своей жизни. В этом монологе вся идея, весь пафос спектакля. Пафос? Это может сыграть Черкасов… Уже набран воздух в легкие, уже произнесены первые слова. Режиссер вежливо прерывает. «Не могли бы вы, Николай Константинович, сесть на этот ящичек, начать снова?» - «Но на нем же неудобно…» Длинные колени Черкасова на уровне груди – так невозможно читать. Слова выходят с трудом, а монолог… становится раздумьем, откровением, открытием для самого говорящего… Все остается людям – вот оно что…

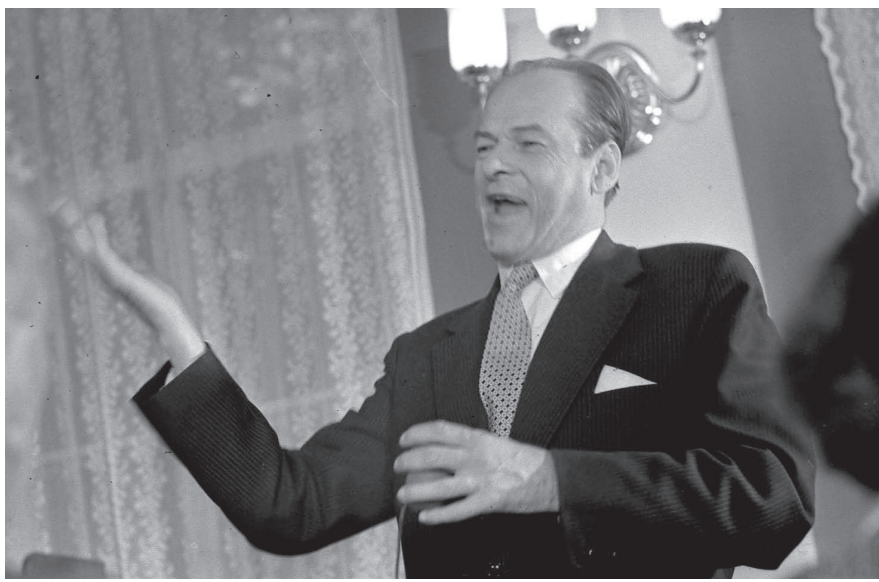
Теперь о последних годах актера… Народный артист СССР, Лауреат Ленинской и бесчисленных Сталинских (Государственных) премий. В течение пары десятков лет бессменный депутат то Верховного Совета РСФСР,

то СССР – человек, обласканный властью, и актер, почитаемый миллионами зрителей, приходит к концу, который так естественен и нелеп в обожаемой мной, безжалостной и расточительной стране Россия.

В театр пришел новый директор. В советское время это мог быть любой, так называемый, крепкий управленец – партийная номенклатура. До директорства в театре он мог бы быть каким-нибудь чином в КГБ или управляющим банно-прачечным трестом, секретарем или заведующим отдела в райкоме… В театр пришел, похоже один из таких. Как водится, новая метла… Словом он решил почистить театр, освободить его от «балласта». Была уволена супруга Черкасова, актриса. Великий актер не стерпел и бросил в сердцах: «Тогда уж увольняйте и меня...» - «Пишите заявление».

После этого актер прожил недолго, да и жизнь его была недлинна – 63 года. Умирал он, как и его последний герой, мучительно. Рак. Болезнь, которую во многом связывают с душевной усталостью, с кризисом, с отчаянием души.

…Есть полководческий орден – орден «Александра Невского». Князь в шлеме, изображенный на нем, - это Николай Черкасов из фильма «Александр Невский». Все остается людям. Да вот только люди-то не вечны...



Александр АБДУЛОВ. 1995 год.

Александр АБДУЛОВ

Вот и Новый год. Первая новость: умер Александр Абдулов. 54 года. Жить бы да жить, как говорится в подробных случаях. Но от судьбы не уйдешь. Рок. Рак. Оба слова страшны. Может потому и звучат так схоже. Не помогли ни массовые молитвы за здравие. Ни собственное мужество: «Я постараюсь…» Финиш…

Каким же он был – А.Г.? Александр Гаврилович?

Он рано поднялся к известности. В цветущие почти юношеские годы вкусил славу. Этот плод сладок, но ядовит. Как наркотик, требует новых и новых доз. И как водка, сделанная из ядовитого спирта, ослепляет. Александр Гаврилович (не смотря на немалую разницу в годах, я его, еще почти мальчишку, предпочитал чествовать полным именем) терпеть не мог журналистов (вероятно, не всех – только желтых). Воевал с ними, клял их (а может, имидж себе создавал?). «Представляешь! – говорил он своему дружку, - этот еще спрашивает: а кто собственно такой Абдулов?» Речь шла о каком-то кинофестивале, где в качестве одного из администраторов праздника был А.Г. «Ах, ты… Ты не знаешь, так вот теперь узнаешь! Вон с фестиваля!»

Был Абдулов горяч, вспыльчив? Несомненно. Если ты страстен как актер, чему ж тут удивляться? А если к тому же и креативен (хорошее словечко где-то заимствовали!), то есть, попросту говоря, у тебя в одном месте шило, у тебя все зудит, если ты занимаешься десятью делами одновременно: играешь на сцене, снимаешься параллельно в трех фильмах, четвертый ставишь сам, организуешь встречи, управляешь кафе, что-то сочиняешь, что планируешь, ругаешься, умасливаешь, отбиваешься от нахалов (а может, с ветряными мельницами воюешь?), чему ж удивляться, что жжешь свою свечу не с двух сторон, а целиком ее бросаешь в костер, в полымя… «Так я устроен, что весь негатив переживаю сам с собой…» Уж не осуждаю ли я его? Вот ведь как, мол, безжалостно и безрассудно тратил себя.

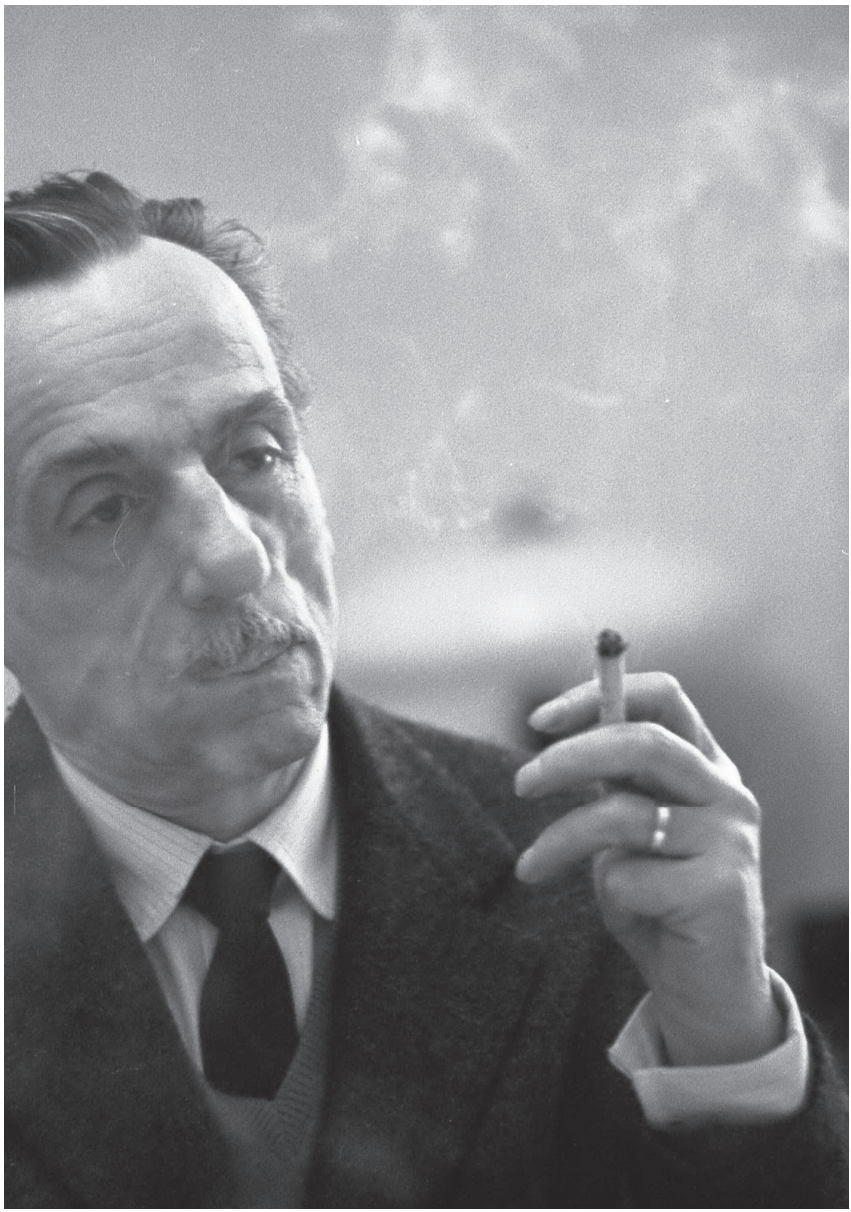
А кто художнику указ? Творец – высшая степень проявления индивидуализма. Артиста нельзя препарировать – отсекать одно, желать добавить другого. Подтеши его с одного боку, «улучши» - все пропадет. Не колись и не пей Высоцкий – ВЫСОЦКОГО бы не было. Не язви, не

страдай от бездарности окружения Фуфа, не знали бы мы такой Раневской. Если человек намерен рвать себя – что поделаешь, это его выбор. Хочешь отрезать ухо себе – отрезай. Про отрезанное ухо веками, может быть, будут напоминать оставленные тобой безумные полотна. А может, как раз про ухо-то и забудут. А страсть неукротимых красок, не погасят и годы. Не слишком ли большую плату отдает художник за право быть собой? А что, можно как-то иначе?..

История болезни. Снимал фильм. Режиссер, продюсер, актер – все в куче. Денег может быть много, но что толку, если они заперты в сундуке. А если брошены в дело? «Дело» не кормить каждый день нельзя – оно сдохнет. И ты не только в нулях, но и в долгах. Не грузи на воз без меры – лошадь надорвется. А если ты себя превратил в лошадь? А воз все растет и растет? Все болезни от нервов. Уж язва-то желудка – несомненно. Операция. Дополнительные обследования. Еще более ужасающе. Рак. «Я постараюсь…»

…Тоже было под Новый год. Лет пятнадцать, если не ошибаюсь, назад. Александр Гаврилович согласился сняться на новогоднюю обложку журнала. Пусть он будет Дедом Морозом. Но и Абдуловым пусть остается. Шапку накинем, бороду прислоним. «Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты! Ты подарки нам принес?.. Денег не хватило?» А.Г. закончил: «Так зачем же ты пришел, старое му….»

Это только для детей Дед Мороз добрый волшебник. Взрослые-то уж давно в нем рассмотрели переодетую костлявую старуху…



Эдуардо де ФИЛИППО. 1962 год.

ЭДУАРДО ДЕ ФИЛИППО

Эдуардо де Филиппо… Нет, каково? Как звучит?.. Итальянцем был дан свыше божественный язык – мелодичный, переливчатый, выразительный. А имена? Рафаэль. Микеланджело. Боттичелли. Пиранделло. Как тут не стать гением? Имя само по себе уже просится на мраморный постамент… У русских отношение к итальянцам странное (возможно, я ошибаюсь) – с одной стороны восторженное, по крайней мере по отношению к тамошним знаменитостям, с другой, к среднему итальянцу - как бы покровительственное отношение старшего к младшему. Небольшая страна. Особых неприятностей в политике (а политика – это войны) не приносила. Ну, что с того, что итальянцы построили Московский Кремль (да и не только кремль), что за дело, что уже почти полвека мы катаемся на итальянских «Жигулях» (FIAT – в переводе на итальянский)? Пустяки. Все-таки мы великая держава, а они – обыкновенная европейская страна… Они потомки древних римлян. Ну так что ж с того?

Заново узнавать эту страну мы начали вскоре после войны. И опять же через искусство. А искусство послевоенной Италии – это была сама

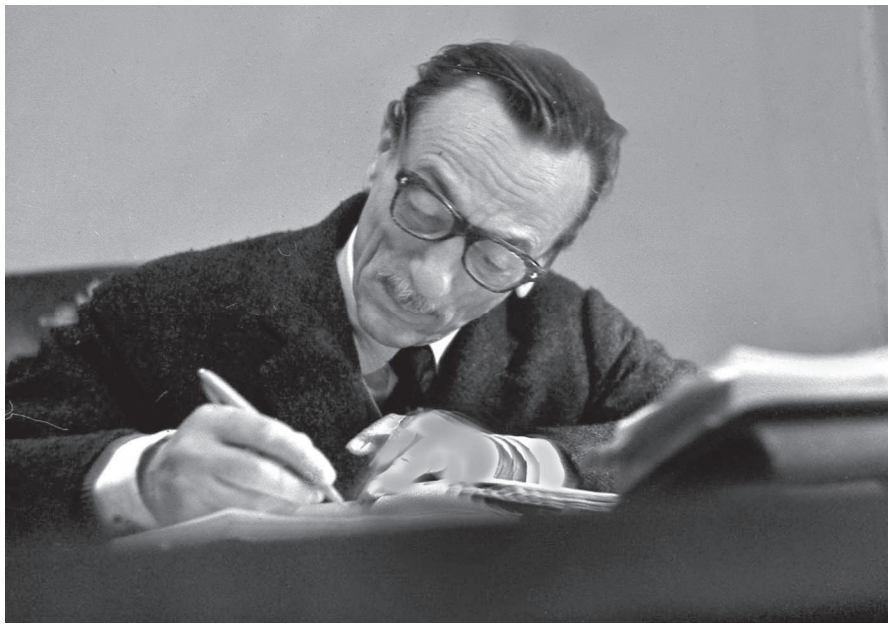
жизнь, пришедшая на сцену, на экран – с большими и маленькими человеческими радостями и неприятностями, страстями, отчаянием, надеждами. После помпезного тоталитарного искусства фашистской Италии рождение нового реализма – неореализма – сделало Италию одной из самых интересных кинематографических стран, а пьесы, рожденные на подмостках ее театров, начали шествие по миру, ставились они и в Москве. Это была пора хрущевской оттепели. Де Филиппо не был «неореалистом» в чистом виде. Но его пьесы были остроумны, живы и очень жизненны. Спектакли шли уже на многих сценах страны и, пожалуй, он стал наиболее почитаемым у нас в то время драматургом из иностранцев. Но Эдуардо (а именно так его называют в Италии) был к тому же и режиссером, имел собственный театр. В своих постановках он был и главным исполнителем, а еще он снимался в кино и сам ставил фильмы, как режиссер. Что тут говорить! Приезд его – событие.

В «Литературке», где я тогда работал, подобные визиты с обстоятельным интервью, освещал Наум Мар. Невысокий, но крайне подвижный и напористый человек (мне кажется, он немножко «играл» западного журналиста), поражал гостя тем, что сразу же заявлял, что представляет 10 (20) миллионов читателей. Нет, тираж «Литературной газеты», конечно, меньше. Но каждый ее экземпляр прочитывают человек 15-20…

Москва того времени сильно отличалась от нынешней. Ни кричащей рекламы, ни витрин, залитых светом, ни подсвеченных зданий. Правда, на праздники, город сверкал многоцветьем иллюминации. Но в будни даже центральные улицы выглядели золушками, по сравнению с любым из западных городов, не говоря уж о столицах. Хотелось бы знать, с какими чувствами эти знаменитости впервые ступали по Москве, смотрели на наши не слишком улыбчивые лица? Зато в более узком кругу мы могли проявить к гостю все радушие и гостеприимство. В качестве культурной программы Эдуардо был предложен цыганский театр «Ромэн». Я не очень искушенный зритель, и почему-то всегда цыганское искусство представлялось мне театральщиной. Может, к этому приучала литература, начиная с «нашего всего» и с графа Льва Николаевича? Но Эдуардо к спектаклю отнесся весьма благосклонно, пообщался с труппой, смотревшей на гостя с обожанием. Ведь все уже видели его фильм «Неаполь – город миллионеров», следили за перипетиями жизни влюбленной проститутки и заботливой матери Филумены Мортурано на сцене. А вскоре предстояло увидеть и экранное воплощение этой - комедии? драмы? мелодрамы? – «Брак по-итальянски» с блистательными Софии Лорен и Марчелло Мастроянни…

Живая легенда. Так смотрели в то время на любую западную знаменитость. А уж на Эдуардо и подавно.

Эдуардо де Филиппо что-то сам рассказывал, а что-то спрашивал. Выслушивая переводчика, он как-то странно клонил голову набок, напоминая птицу, и беспрерывно курил…

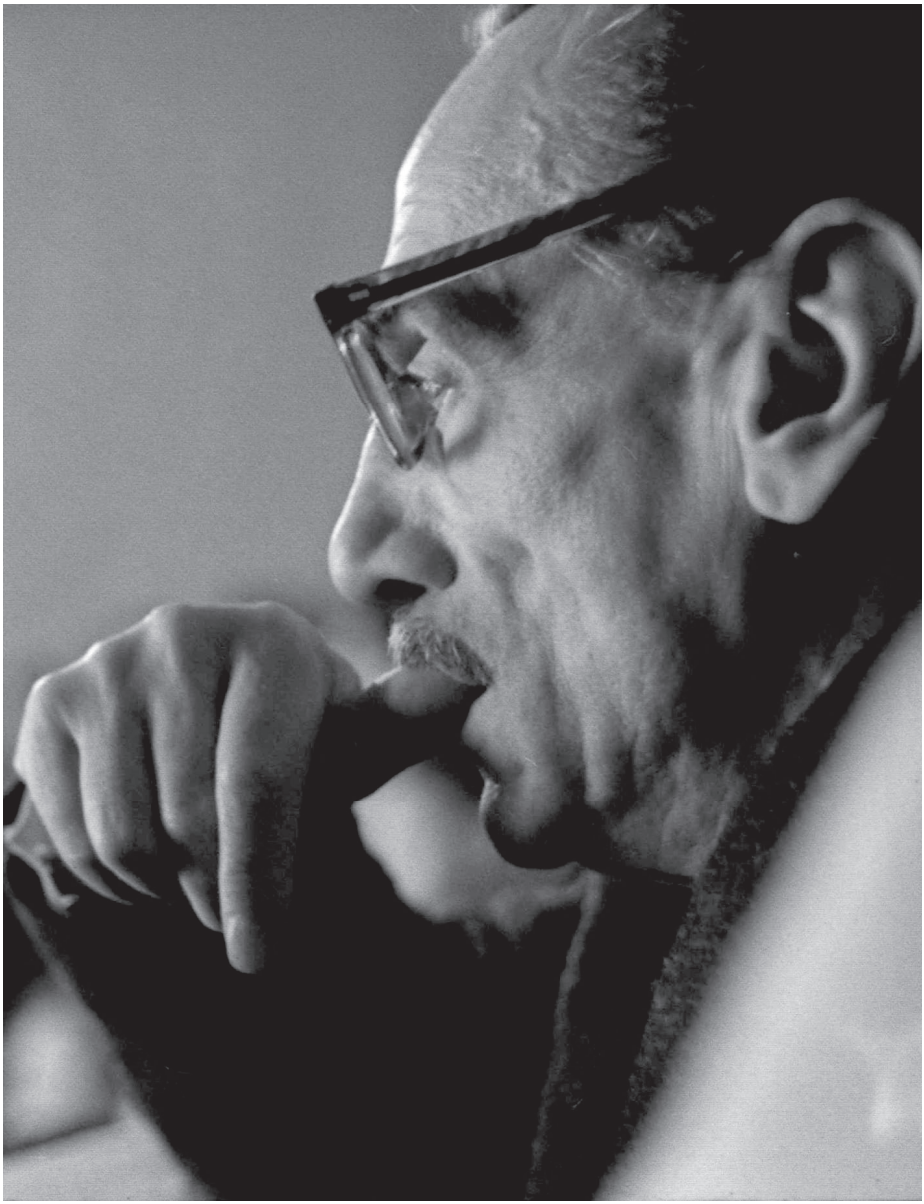


Нет, Эдуардо пишет не пьесу, а автограф для «Литературки». Наум Маар знает свое дело.

Мир открыл для себя искусство Эдуардо де Филиппо после окончания второй мировой войны. А за плечами актера и драматурга был долгий путь. Сын неаполитанского актера уже в четыре года выходит на сцену. В четырнадцать лет становится профессиональным артистом и зачисляется в труппу. Начинает писать. В двадцать с небольшим появляется его комедия «Человек и джентльмен», которая до сих пор остается в репертуаре театров разных стран. Его сестра Титина и брат Пеппино – тоже актеры. И тоже сочиняют скетчи и ставят их на сцене варьете. И все они мечтают о собственном театре, который и создают. Он просуществует 13 лет, после чего братья разойдутся и каждый возглавит собственный театр…

Путь к мировой славе долог, но мучителен ли он, если то, чем ты занимаешься, представляется для тебя единственной ценностью в этом бренном мире?

Эдуардо (псевдоним, настоящая фамилия Пассарелли), конечно же не Шекспир. Вероятно, он и не человек эпохи Возрождения. Но все-таки, все-таки… Лекала, по которым кроились эти люди, похоже, одни и те же…



Анатолий СОБЧАК. 1989 год.

Анатолий СОБЧАК

- Слышал, что сказал Собчак?
- Нет. А что?
- Убьют.

Мы находились на книжной ярмарке на ВДНХ, в самой гуще грохота и шума, несшегося из каких-то сумасшедших динамиков. Мы – это я и Николай Михайлович Амосов. Знаменитого кардиохирурга и борца за здоровый образ жизни пригласили из Киева: в серии издательства «Вагриус» «Мой 20 век» вышла его книга «Голоса времен», и теперь Амосов должен был участвовать в презентации. Пока Николай Михайлович дожидался своей очереди, мы увидели Собчака. Амосов и Собчак были знакомы. За десять лет до этого, я в какой-то мере способствовал этому знакомству: оба были героями моих съемок. Предшествующие встрече полтора-два года о Собчаке мало было слышно. Знали только, что он в Париже, то ли временно – лечится, а, может, и навсегда эмигрировал за границу. В России же приближались президентские выборы. Старые знакомые тепло поздоровались, перебросились парой фраз. И Амосов спросил, будет ли Собчак выдвигать свою кандидатуру в президенты. Анатолий Александрович наклонился к самому уху Амосова и что-то произнес. Сам я слов не расслышал, но я писал эту сценку на видео. Прокрутив дома пленку, удостоверился: Собчак ответил - убьют…

Эта наша встреча с Собчаком была последней. Через полгода его не станет.

Всюду – внимание, всюду – вопросы. Лишь в самолете можно чуть вздремнуть.

В конце 80-х годов, когда перестройка и ажиотаж вокруг нее достигли апогея, нас, слушателей и зрителей, «подсадили» на новости. Политикой интересовалась вся страна. Подробные телерепортажи с заседаний Верховного Совета, избранного уже по новым правилам, заменяли телесериалы, которые еще только начинали пробиваться на экран. В отличие от всех предыдущих выборов кандидатов на каждое место было по нескольку человек. И побеждали сильнейшие или, по крайней мере, самые красноречивые, а потому и запоминавшиеся, претенденты. Вот тогда, в начале 1989 года, впервые и услышали это имя. Никому дотоле неизвестный Собчак, заявил: «Хочу доказать, что скромный, никем не поддерживаемый профессор университета может на равных конкурировать со слесарем-судосборщиком…» В этой фразе был заключен определенный подтекст, понятный в то время каждому. До этих выборов все кандидатуры «выдвигались» строго по квоте: столько-то должно быть в будущем Совете рабочих, столько-то заслуженных доярок, сколько-то представителей интеллигенции… Последней, кстати, процент должен быть не велик по отношении к рабочему классу. Профессоров, как и генералов, у нас в стране всегда была рать. И в выборную квоту могли попасть только уж действительно крупные ученые, именитые писатели, актеры… А тут – вольница перестройки: любой коллектив может выдвигать своего кандидата. На фоне первых действительно демократических выборов и всплыл Собчак.

Блеск Собчака был настолько ярок, что слепил глаза многим. Начнем с внешности: высокий, спортивный, одет часто не в чиновничьи безликие костюмы, а в яркие пиджаки, иногда в клеточку, броских светлых тонов. Носил мягкое оранжевое демисезонное пальто, элегантную шляпу, удивительно шедшую ему. А мог надеть и простецкую «пластмассовую» куртку, ничуть не лучшую, чем у простого работяги или студента. Все ему шло. Но не это главное, да и заметить это мог лишь тот, кто наблюдал Собчака не только по телевизору. А на экране волшебного ящика все заметнее становился оратор, отличающийся четкой, предельно выверенной, точной артистической речью. Никаких аканий, меканий, сорных слов, ненужных пауз и междометий. Так до него никто и никогда не говорил. Ельцин, любитель задушевных бесед с народом, выглядел косноязычным со своими «понимаешшшь…» и иными «загогулинами» речи. Но и это не все. Собчак высказывал мысли, которые были свежими, аргументированными, доступные пониманию любого человека, не прислушаться к оратору было просто невозможно. Предлагаемые им меры преобразования жизни были убеди-

тельны, и в него, как в оратора, трудно было не влюбиться. Понятно, почему я загорелся сделать о нем фоторепортаж.

Поймав депутата в кулуарах в один из перерывов между заседаниями Верховного Совета, я изложил свою просьбу. «Огонек» был тогда на пике популярности, и Собчак легко согласился с моим предложением его поснимать.

-Но завтра я вылетаю в Ленинград.

- А что, если я с вами? Не возражаете?

- Буду рад.

И вот мы в самолете. Чтоб мой герой имел какое-то представление обо мне, я захватил несколько своих работ, которые считал удачными. Среди них было два снимка – Амосова и Ельцина. Амосов – человек без кожи, с сумасшедшими глазами, то ли в прострации, то ли в возбуждении - полная отключка от мира. Такие минуты возникают у хирурга, когда пациент уже прооперирован, но жизнь его все еще висит на волоске. И Ельцин – крупно, во весь кадр лицо с волчьим оскалом.

- Ого! Вас следует опасаться!

- Ни в коем случае! Я фиксирую только то, что передо мной, А хотите я вас познакомлю с Амосовым!

- С Амосовым? Еще бы!

Так и договорились.

Прилетели в Питер мы поздно, в первом часу ночи. Если из Москвы Собчака до аэропорта доставила разъездная машина гаража Верховного Совета, то в Питере его уже никто не встречал. Надо ловить такси. «Ничего, я сейчас». Он подошел к кому-то из шоферюг, которые «только в парк», и представился: «Я Собчак, депутат Верховного Совета…» - «А я султан Обстул-задом-бей…», - мог бы привычно ответить водила. Но нет, сработало: таксист его узнал. По телетрансляциям теперь уже вся страна знала энергичного профессора в лицо.

На следующее утро я поехал к Собчакам. Жил Собчак в то время на краю света, где-то на Гражданке, куда от метро нужно было еще долго добираться на трамвае. Дома красавица жена – Людмила Нарусова, дочка лет семи-восьми, и мелкие хозяйственные заботы – окна проклеить на зиму, что-то прибить, что-то привинтить. Крутится Ксюша, надевает какую-то корону на голову – теперь она царевна. А Людмила жарит-парит на кухне – готовит обед. Приезжают гости: Маша, дочь Собчака от первого брака, с сыном. Внук Глеб и младшая дочь профессора примерно одного возраста.

Не знаю, часто ли появлялась Маша, дочь Собчака от первого брака, и ее сын Глеб в новой семье отца. Но мне повезло, и я сделал «исторический» снимок. А внизу будущая светская львица Ксюша, пока лишь только сказочная принцесса.

Я всех снимаю «на память», благодарю за вкусный обед и обещаю: «В Москве за мной пельмени…»

Я сдержал свое слово. Решил в домашней обстановке свести Амосова и Собчака. Разумеется, они могли бы и сами познакомиться – оба были депутатами и сидели в одном зале. Но совсем иное дело соприкоснуться за домашним столом. От зала заседаний Верховного Совета, проходившего в Кремле, до гостиницы «Москва», где договорились встретиться, чтоб отправиться ко мне, минут двадцать ходу. Николай Михайлович давно уже вернулся с заседания в гостиницу, а Собчака все нет и нет. Расстояние, который обычный человек может пройти минут за десять, Собчак преодолевал чуть ли не час – депутаты и простые прохожие останавливали звезду, задавая вопросы. Наконец, появляется Собчак, все еще отбивающийся от очередного собеседника. Знакомая картина, то же самое я наблюдал и в Питере. Стоило Собчаку появиться на улице, через пять минут уже вокруг толпа… К компании Амосов – Собчак прибавился Василий Селюнин, в то время весьма яркий публицист. Когда все сели за стол, я достал черную коробочку. «Можно эту «музыку»?» - «Какую еще музыку?» - не понял Селюнин. «Это диктофон…» Никто не возразил, а у меня сохранился разговор, голоса давно уже ушедших людей и отпечаток страстей того времени…

На пленке в основном голос Собчака, да звон ножей и вилок. Остальные лишь слушатели.. Еще бы! Любознательному Амосову интересно разгадать феномен Собчака. Еще полгода назад никому неизвестного преподавателя сегодня принимают первые люди государств, да каких!

СОБЧАК: **- И тут президент стал говорить, как ему трудно работать с конгрессменами. Они вечно всем недовольны, только и знают, что ставить палки в колеса. «Господин президент!- сказал я, - Вы как раз и говорите с одним из таких конгрессменов…» Он, видимо, немного смутился, но тут же оправился, снял булавку со своего галстука и вручил ее мне на память. Так что я теперь обладатель булавки президента США с его факсимиле на обороте…**

Наша встреча проходила 12 декабря 1989 года. Через пару дней не станет Сахарова, через три месяца будет избран первый (и последний!) президент СССР. Как на фотобумаге в проявителе возникают черты изображенного, так и сквозь праздную застольную болтовню проступают «реалии» времени, словечко, откопанное лидером перестройки.

Ну, а как сам лидер?

СОБЧАК: **- Горбачев теряет популярность. Это очень плохо, поскольку с утерей популярности возрастает угроза переворота.**

Государственные дела – занятие, конечно, важное. Но домашние – конкретнее и неотложнее.А на нижнем кадре – прогулка втроем по пустынным аллеям. Снимок можно отнести к редким. Уже через три минуты вокруг оракула соберется толпа…

А я что говорил?.. И все ждут – Собчак явит чудо.

АМОСОВ: **- Горбачев представляет фигуру, способную к сложной игре?**

СОБЧАК: **- Он потерял зал и чувствует себя неуверенно.**

Кто-то из беседующих: **- Он никогда не раскрывается так, чтоб не зарезервировать себе площадки для отступления.**

СОБЧАК: **- Нельзя забывать, Горбачев из ставропольских казаков.**

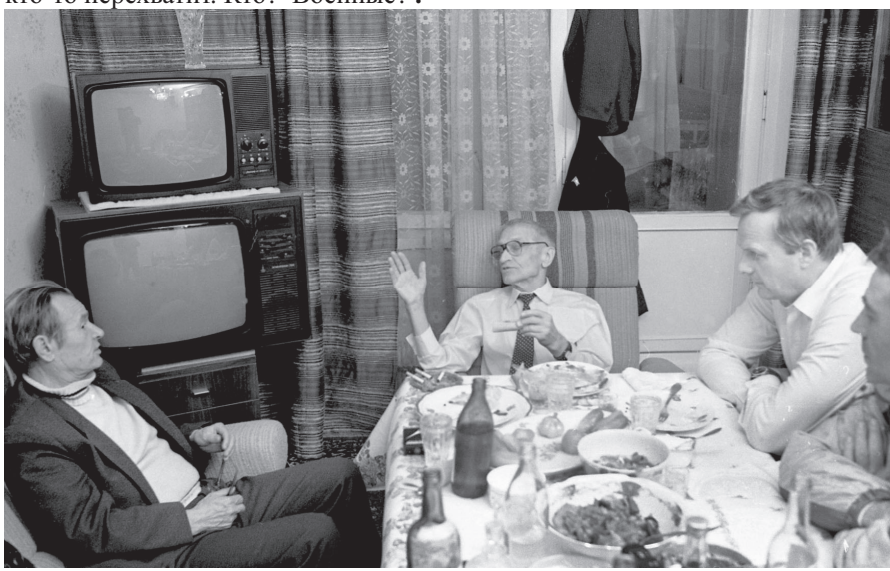
Кто-то: **- Хитрован?**

СОБЧАК: **- Характер у него упертый: если уж он что решил, то переубедить его очень трудно. Он ко всем относится с большим недоверием.**

Ну и к Горбачеву люди относятся уже не с таким доверием, как годом-другим раньше. Еще не возмущение, но смешки.

СЕЛЮНИН: **- Я был в ФРГ, спрашивал: чем вам нравится Горбачев? Вот если б он всех нас загнал за Можай или в Сибирь, они там бы и не пикнули. Но с ним они впервые почувствовали, что нет угрозы с Востока…**

Напрашивается вывод: власть у неуверенного Горбача неминуемо кто-то перехватит. Кто? Военные? **.**



Василий СЕЛЮНИН (слева) – публицист, был очень популярен в начале перестройки. Теперь это имя помнят лишь немногие.

СОБЧАК: **- Язов для Горбачева – идеальный министр обороны, он аморфен и неспособен ни на какие самостоятельные действия. Но есть генералы, которые рвутся к власти. Это Моисеев и Громов**

СЕЛЮНИН: **- Экономические расчеты показывают, что не позже лета должна быть группа, способная перенять власть.**

Тю, никак февралем 1917-го запахло…

СОБЧАК: **– Все правильно, Но для этого нужно иметь хотя бы два десятка людей, готовых выработать программу. Но таких людей нет. Нет даже лиц, готовых стать ядром этой группы. Последнее заседание межрегионалов отчетливо это показало. И Горбачев тоже почувствовал, что межрегиональная группа – аморфное образование, в котором ничего нет.**

Наверное, следует сделать небольшое пояснение. Межрегиональная депутатская группа, являлась по сути первой оппозиционной «колонной» в парламенте.

СОБЧАК: **- Сейчас там тон задают Ельцин, Гдлян, Куценко – это люди безответственные, большие болтуны. Признанного лидера нет. Ельцин – не лидер ни с каких точек зрения. Афанасьев – это**

Собчак на трибуне был уже предсказуем, но… опасен. Какую еще идею он обрушит на зал? Горбачев, став президентом, не взял Собчака в свою команду. А, может, и зря.

карбонарий, человек одних слов, но не дела. И ведет себя как истеричная баба… Самый умный из них Попов

Ну, а Сахаров-то? Забыли?!.

АМОСОВ: **- Выходит к микрофону Сахаров, а у зала на него уже идиосинкразия.**

Да, видели по ящику, как зал «затоптывает», захлопывает, засмеивает рвущегося к трибуне мятежного академика. Правда, тому, как с гуся вода.

СЕЛЮНИН: **- Зачем нужно все время рваться к микрофону? Не лучше было бы, если внутри межрегиональной группы договорились и дали высказаться кому-то одному – самому значащему, авторитетному. Вы бы, Анатолий Александрович, могли стать лидером.**

СОБЧАК: **- Я не лидер, поскольку НАЧИСТО ЛИШЕН ЧЕСТОЛЮБИЯ (**выделено мною.Л.Ш.**)**

Оп-па, как же мы не умеем видеть себя со стороны! Ничего, время покажет.

СОБЧАК: **- В идеале я – парламентский деятель. Я профессионал-юрист, заниматься законодательной деятельностью – это мое дело. Да, я могу все прекрасно сформулировать, обсудить, но брать на себя бремя власти – это не мое. Зачем мне это нужно?.. К тому же, я еще не утратил способности переживать, когда меня ругают… Да и опыт управления надо иметь.**

И все же делать что-то надо… Может, народ поднимать? Вон, где-то уже и шахтеры зашевелились.

СЕЛЮНИН: - **Рабочие оказались лучше, чем о них думали…**

СОБЧАК: **- Я все время встречаюсь с рабочими. У меня в округе Балтийский завод, Котлякова, Калинина… Рабочие все понимают.**

СЕЛЮНИН: **- Тогда вы теряете время…**

СОБЧАК: **- Ленинград бы я мог поднять, и легко. Ну, Москва еще… А страна? Что страна скажет, как она себя поведет?.. И поймите, я один… Да я уже сейчас потерял нормальную человеческую жизнь. А в Греции (откуда он только что вернулся. – Л.Ш.) после выступления по Голосу Америки, они сочли, что я соперник Горбачева. Такое устроили! Встречали меня с мотоциклистами, полицейскими машинами впереди и сзади. Сиренами. И 24 часа в сутки в номере и коридоре стояли агенты охраны. Я не мог войти в номер, пока передо мной не входил офицер, не заглядывал под кровать, в шкафы, в туалет – нет ли где кого, и только после этого входил я. Что это за жизнь!**

СЕЛЮНИН: **- А вот по рейтингам, что проводил «Вашингтон пост», вы являетесь преемником…**

СОБЧАК: **- Лучше я повеселю вас. Господин Папандреу (премьер тогдашней Греции. - Л.Ш.) женился на 35-летней даме. У нее самая высокая грудь в Греции. А Папандреу уже за 70. Вся Греция теперь об этом только и говорит, масса анекдотов. Вот один. «Андреус, - говорит Деметрия, - у нас будет ребенок». – «Успокойся, дорогая, я буду относиться к нему, как к своему».**

Пытаюсь и я вставить слово: «По логике вещей в любой аудитории возникает вопрос к вам: а в какой должности вы все-таки видите себя?»

Но Анатолий Александрович, кажется, и не уловил моего вопроса…

Время шло, а взлет Собчака стремительно продолжался. Нет, он не стал соперничать с Горбачевым за президентское кресло. Там достаточно претендовало иных весьма оригинальных личностей.

На той нашей декабрьской встрече Собчак рассказал забавный случай, который он отметил. Газета «Фигаро» напечатала два портрета кандидатов в президенты СССР. Под снимком Горбачева шла справка о его деятельности. Секретарь обкома, секретарь ЦК, Генеральный секретарь. А под портретом некоего Оболенского: член комитета профсоюза какой-то низовой организации. И внизу был крупно напечатан вопрос: «Разве можно иметь дело с такой страной, где подобные политические деятели могут вступать в соперничество?»

Очень скоро Собчак завоюет Ленсовет, станет председателем горисполкома. А некоторое время спустя он уже законно избранный мэр.

Ненадолго мне удалось увидеть Собчака весной 1991 года и добавить пару фотографий в хронику «звездной» жизни. Кабинет его находился в здании Ленгорисполкома, стоящего напротив Исаакиевского собора. Собчак меня еще не забыл, и я провел рядом с ним почти целый день. Анатолий Александрович был почти такой же, как прежде, лишь более сосредоточенный, чуточку раздраженный. То ли помощники его в чем-то были нерасторопны, то ли «достали» эти «бестолковые депутаты городского собрания». Мне показалось, что удалось сделать снимок, передающий то его состояние - единственный, который и нужен был мне для характеристики нового Собчака. Вот он стремительно шагает с набыченной головой, а перед ним все рассыпаются мелким бесом. Сила. Сила солому ломит. Потом уже, годы спустя, среди вороха отснятых в тот день негативов я отыскал – батюшки! – Путина, тогда помощника босса, или его заместителя. Время шло к обеду. В недрах здания находился белый зал – столовая. Здесь Собчак принимал

Прошло лишь полтора года со времени моего визита в дом Собчаков, а как все изменилось. Собчак – «наиглавнейший» в городе, а Ксюша… Кто бы мог тогда сказать, что об ее отце будут вспоминать через двадцать лет, лишь как о штришке биографии сверхпопулярной гламурной дамы.

Птенцы «гнезда Собчакова» скоро высоко взлетят. Их с достатком хватит на все верховное руководство России. Справа – Путин. Узнаете?

гостей. Нет, нет, не меня, конечно. Это была какая-то делегация заморских величин. Анатолий Александрович был, как всегда, великолепен: радушен, красноречив, элегантен и чуточку загадочен. Гости забывали есть и сидели, слушая, с чуть приоткрытыми ртами. Собчак ценил подобное внимание. Ему нравилось коллекционировать мировых знаменитостей: министров, звезд из мира искусств, а возможно, принцев и королей. В сущности, это были все славные ребята. И похоже, они понимали заботы и трудности Собчака - как согласно они кивали головами! Чтоб и свои депутаты так его понимали! Куда там… А те, в свою очередь, никак не могли взять в толк, откуда у вчерашнего столь очевидного демократа появились имперские замашки, непоколебимая уверенность, что только его мнение и есть единственно верное. А некоторые, особо зарвавшиеся, вообще говорили, что что-то уж слишком озаботился народный любимец обустройством своих жилищ. Знакомый журналист Чернов, работавший с Собчаком над книгой «Хождение во власть», говорил: «Сейчас Собчаки живут на Халтурина, но это пока не готова их квартира на Мойке». На Халтурина, бывшей Миллионной, на которой стоит Эрмитаж? Не хило для начала для борца с привилегиями, которыми пользовалась предыдущая власть. Потом неугомонный в то время автор популярной скандальной передачи «600 секунд» Невзоров грохнул: новая-то квартирка А.А. измеряется не десятками, а сотнями метров. Да и стоит не на таком уж отшибе – на Мойке. «Нашли о чем говорить, - сетовала Нарусова в ответ. – По вашему, большая квартира – это радость? А знаете, сколько нужно ее убирать?..» Чуточку наивно? Ну уж, что есть, то есть.

А город продолжал ветшать. Повсюду – грязь, черный снег, разбитые, с пустыми глазницами дома буквально в шаге от Невского. Ощущение неухоженности и мрачности. Особенно это бросалось в глаза на фоне расцветающей Москвы. Как-то так совпало, что Москва рухнула в помойку сразу с приходом умницы Гавриила Попова в мэры. Тот прекрасно знал, как управлять городом, на какие кнопки давить, чтоб все цвело и благоухало. Теоретически… Но сев за пульт управления он никак не мог найти этих кнопок, а давя случайно на клавиши, выдавливал не божественные фуги, а что-то вроде скрипа железа по стеклу. Город стал практически неуправляемым и каким-то загаженным… Даже в самом центре столицы не оставалось клочка места, не превращенного в барахолку. «Ужас из железа выжал стон, по большевикам прошло рыданье», как говорил когда-то большой советский поэт, правда, по другому поводу. И без большевиков не обошлось. К управлению был призван коммунистический хозяйственник Лужков,

бывший у Попова замом. Простоватый на вид, он обладал, по-видимому, и крепким умом, и практической сметкой. Мой приятель Леша Плешаков журналист, на волне народной вакханалии был избран депутатом горсовета, и сидел рядом с Лужковым. «А знаешь, - говорил он, - очень умный и башковитый мужик». – «Да ладно!» - возражал я с недоверием.

Москва стала прихорашиваться, Чуть не втрое расширили МКАД, зазеленели газоны, и выяснилось, что на них могут расти цветы. Стал заново возводиться Храм Христа Спасителя. Стали расти дома – весьма приличные на вид. «Конечно, - говорили скептики, - в Москве же все деньги!» Но ведь и на долю Питера, наверное, что-то да перепадало. А в Ленинград уже стало страшно ездить. Не потому, что Северная Столица получила прочное название Бандитский Петербург (и говорят, не без основания). Город на глазах проседал, чуть только не рушился, Смотреть на такой город было неприятно. Это, видимо, ощущал и сам мэр. Теперь он в городе старался бывать поменьше, а посещать с визитами более благодатные города.

«В ту пору между словом и делом, - подметил один журналист, - еще ставили знак равенства, и для того, чтоб оправдать связанные с тобой надежды, довольно было лишь правильно выступать».

Анекдот тех лет. «Вчера мер Санкт-Петербурга Анатолий Собчак посетил северную столицу проездом из Токио в Париж».

А враги, конечно, не дремали. Чего только не стали «навешивать» на Собчака. И что все указы его незаконны, противоречат то ли конституции, или юридически некорректны. И что местные братки что-то уж слишком близко обступили мэра. Несомненно, было много наговоров, выдумки. Но, может, депутатам хотелось не крови, а ясных ответов. Чувство собственного достоинства у Собчака было уязвлено. Теперь, говорят, мэр в приватных беседах депутатов иначе как «шушерой» и «вредителями», постоянно ставящим палки в колеса, не называл. Сам же я этому не был свидетелем, ничего не утверждаю. Но сильно подозреваю, что теперь Собчак бы булавки президента США в дар не получил: они бы поняли друг друга и без булавки. Мэр терял популярность, как и некогда Горбачев. А опоры не находил. В следующие выборы мэра в 1996 году Собчак с треском пролетел.

Тут Собчаку стало совсем худо: то ли в боку закололо, то ли сердце прижало. Если б сердце, набрал бы номер телефона Амосова, а уж он бы обеспечил старому знакомому лучших лекарей - хоть наших, хоть заграничных. Амосов-то их знал не только как специалист, но и как пациент. Но Собчак не стал здесь искать совета. На каком-то таинственном самолете, будто бы зафрахтованном у финнов, Собчак, минуя таможню, улетает в некую знаменитую зарубежную клинику, где, поговаривают, он так и не обна-

руживается. А потом на полтора года оседает в Париже. Так поступали все прогрессивные люди во все времена: и Ленин, и до Ленина, и после него. Троцкий ли, Березовский, Собчак – забугорье как-то надежнее.

И вот Москва, 1999-й, книжная выставка.

- Убьют…

Был в свое время анекдот про неуловимого Джо. «А почему он неуловим?» - «А на хрен он кому нужен!»

Собчаку оставалось жить полгода. Потом Людмила Нарусова где-то скажет: «Убили!» Кому же понадобился неуловимый Джо? Политически он уже давно был трупом. А все вопросы к нему были уведены в тень. Говорят, не обошлось без влияния властей. Птенцы гнезда Собчакова уже высоко взлетели. Злые языки пускали слухи, что в последний вечер его видали с какой-то молодой дамой. Это ладно бы. Но будто бы и старший брат его обмолвился: «Что ж вы хотите? Толя был видным мужчиной…»

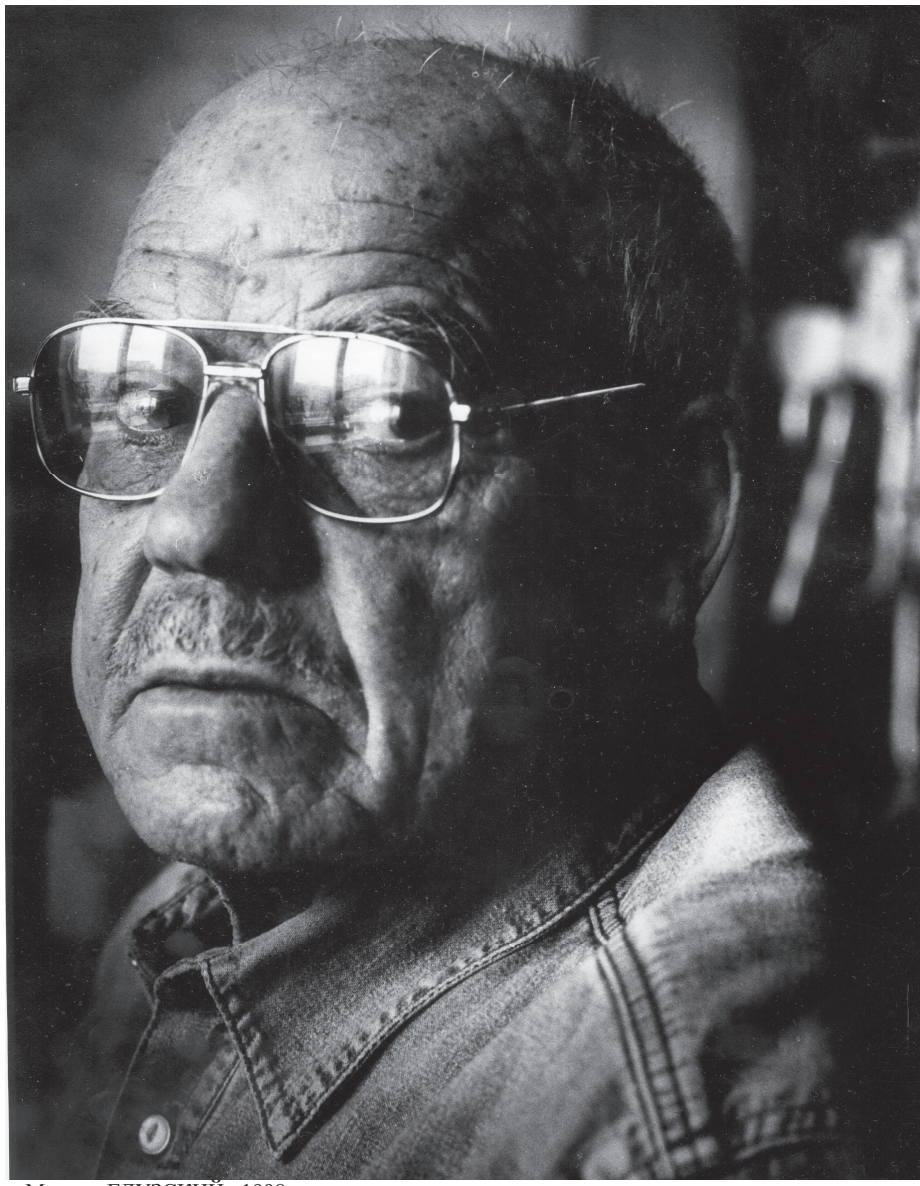
Чего только не наговорят на человека!

Скажу красиво: Собчак промчался по нашему горизонту яркой звездой. Но самые яркие звезды – это звезды падающие.

Когда-то у Насреддина спросили: «Куда деваются падающие звезды?» - «Вы разве не знаете, - удивился Насреддин. – Разбиваясь о землю, они превращаются в мелкие серебряные монеты…»

Пойти, что ли, поискать?..

P.S.На одном из кладбищ ныне уже Санкт-Петербурга, возле самого входа две могилки. Собчак и Старовойтова, И две загадки. Из множества других неразрешимых загадок вольного времени, времени криминализации России…



Михаил ГЛУЗСКИЙ. 1998 год

Михаил ГЛУЗСКИЙ

…Скорбная подковка рта, уголки вниз. Сосредоточенный до хмурости взгляд. Смуглость. Дикарь. Азиат какой-то…. Еще характерная черточка – усики – небольшие, коротко подстриженные и… нагловатые. Их он, кажется, не сбривал даже ради самой желанной из своих ролей. «О, в молодости я был пижон» - вот уж во что нельзя было поверить, глядя на него в зрелом возрасте. Но… усики и плутоватость во взгляде, которою он мог подпустить, когда хотел…

«Подпустить» он мог все что угодно: стать гадким шпионом, совсем нас не уважающем, контриком, беляком… Так кем же он сам-то был? По сути? Да черт его знает… Родился под Киевом, крестьянин вроде. Незадолго до революции отец его переехал из Петербурга на Украину, прикупил там немножко земли, дом. Значит какие-никакие монеты звенели в кармане… Числился его отец как крестьянский поэт, журналист. Журналист – ладно, а насчет «размахнись рука, раззудись плечо…» - это как-то…

Снимался фильм «Миссия в Кабуле», в котором Глузский играл одну из ролей – нашего человека, шпиона-возчика Гади. «Я оказался так похож на афганца, что, когда выезжал на своей арбе, местные жители принимали меня за своего. Съемки вызывали большое скопление народа. Тогда я по договору с режиссером просил, чтоб камеру прятали, и разъезжал со своей арбой, совершенно сливаясь с толпой. Никто на меня не обращал внимания, я просто махал рукой, и съемка начиналась».

В облике актера было нечто, превращавшего его при смене костюма и легкого прикосновения гримера в какой угодно национальный тип. Надел бухарский халат – вот уже узбек. Японец? Пожалуйста, и переодеваться не нужно – только растянуть рот пошире. Обул лапти, подпоясался кушаком – пошехонец. Тот, который у Салтыкова-Щедрина говорил: «И моя копейка не щербата – дай загляну в дырочку», - это когда его приятель нажимал курок ружья. Кавказец – ну, тут и стараться не надо: курчавая шапка волос, легкая двухдневная небритость и «мой папаша имел возможность купить козу, но не имел желания…»

Михаил Андреевич и Андрей Михайлович (сын). Дед его был тоже Андреем Михайловичем. Других имен они, кажется, не признавали. Этому обстоятельству искренне радуется Сережа Безруков. 1998 год.

«Михаил Андреич Глузский –
Замечательный мужик.
И хоть с внешностью не русской,
Все же русский – не таджик…» - приложит его стишком. кто-то из приятелей. «Много неясного с происхождением нашего дедушки Андрея Михайловича Гмырева (отец носил фамилию матери), – говорили, что он из деревенских. Крестьянский поэт Гмырев! Но на единственной уцелевшей фотографии внешность его совсем не крестьянская! И дом под Киевом, построенный в районе Каравевых дач, - с каких сбережений? Дед считался профессиональным революционером. А произошедшая революция все перемешала… Дед помер от тифа в 1922 году. Предоставленные сами себе папа и его старшая сестра Людмила, оба, тем не менее, получили высшее образование. Оба оставляли впечатление истинных интеллигентов. С чего бы это? Гены?» - вспоминал сын Глузского Андрей, тезка дедушки…

Да и насчет просмоленности, кучерявости Миши – не цыган ли случаем проскакал мимо крыльца его матери?.. Родители Михаила перебрались на Украину в середине 1917 года. Немецкая оккупация, Рада, большевики, Петлюра, поляки, бандиты, анархисты… Все эти запахи и ароматы впитывал не рожденный еще Миша, объявившийся только в ноябре 1918 года. А может, не ароматы ветром занесло, а сами гены!? А что? Угнездилось же в нем как-то разнообразие рас и народов. Или его «многонациональность» только кажущаяся, а на самом деле - все это результат его актерских усилий?.. Не будем гадать, главное, что это пошло на пользу его будущему ремеслу…

В молодости Миша любил компании, любил погулять и выпить. «Многих людей водочка-то сгубила. И нашего брата актера. Но мне повезло – не пристрастился…» - это скажет уже старик, глядя на старую групповую фотографию, грустно скажет: «Сколько их осталось – четверо, нет трое… Все ушли. И мне скоро уходить…»

Судьба молодого актера кино, как и у большинства его коллег, складывалась не просто. Снимали его мало, да и то лишь в микроскопических эпизодах. Да все больше в ролях негодяев. От этих ролей другие актеры отказывались, а Глузский смиренно соглашался. Маска мерзавца хорошо приросла. Стоило мелькнуть Глузскому на экране, мы уже знали – вот нехороший человек. К концу жизни список картин, в которых снимался актер, если писать их в столбец, займет несколько страниц: то ли сто пятьдесят лент, то ли все двести. А Михаил Андреевич грустно скажет: «У меня никогда не было работы с избытком, я всегда ждал ролей с нетерпением и соглашался на то, что давали». Нестыковка? Нет. В главной роли актер постоянно в кадре, у него пятьдесят съемочных дней, семьдесят. А у Глузского, если оказывалось три съемочных дней в картине – уже событие. Но в минуты твоего пребывания на экране должно быть изложено все – история, предыстория и даже судьба твоего персонажа. Как известно, короля играет свита. У мощных режиссеров, таких как Довженко, Эйзенштейн, секундный план, возникшее на мгновенье лицо, врезается в память, как гравюра. Экран потух, а эти лица возникают перед тобой даже через десятилетия. Режиссеры поняли: снять Глузского, все равно, что ввести в кадр настоящие предметы изображаемой эпохи – бабушкин веер, канделябр, старинное кресло. Конечно, кино – это искусство обмана. Но так хочется, чтоб среди фанерного хлама декораций, изображающего королевские покои, пробежала настоящая кошка. Вот Глузский и был той кошкой, которая естеством своим заставляла нас верить, что раскрашенная фанера – это мрамор.

Впервые актера «распознал» Сергей Герасимов, пригласив Глузского на небольшую роль есаула Калмыкова в «Тихом Доне». Есаул, непримиримый враг революции, перед расстрелом восклицает: «Вы не партия, вы банда гнусных подонков общества! Вами руководит немецкий генеральный штаб!..»

- Но я играл его, ощущая, что и у этих людей была своя правда.

Отметим, фильм снимали в 1956 году. Время не репрессивное, но сочувствующих белогвардейщине надо было сильно поискать. Есаул Калмыков заставил режиссеров взглянуть и на актера иными глазами. Глузского «открыли». Теперь, беря актера даже на эпизод, режиссеры знали, что бьют в десятку. У меня не выходит из памяти сцена из фильма Алова и Наумова «Бег». Гробовщику заказывают три гроба. «А где же покойники?» - «Покойники будут…» А это те трое, что и стоят перед гробовщиком – белые офицеры. Сейчас они покончат с собой. Стреляет в себя командир полка. Очередь за персонажем Глузского, а последним стрелять будет молоденький адъютант. Но тут герой Глузского поворачивается на каблуках и уходит. Нет, он так не покончит с собой – это глупо. И мы так воспринимаем: это не трусость – куда страшнее остаться жить, да тем более, нарушив слово. Это протест против бессмысленности поступка. Но пуля, пущенная романтиком адъютантом, в нарушившего клятву, драматически завершает эпизод: погибает человек воли…

У актера и режиссера всегда не простые отношения. Актер «видит» роль не всегда так, как хочется ее «видеть» режиссеру. Отсюда, нередко конфликты. На вопрос, как актеру работалось с режиссерами, Михаил Андреевич отвечал:

«У меня принцип: если утверждают на роль, то нравится тебе режиссер или нет, ты работаешь у него и выполняешь то, что он хочет. Режиссер делает картину и отвечает за произведение в целом. Именно он, а не каждый актер в отдельности. Если я бывал с чем-то несогласен, говорил об этом режиссеру. Бывало, тот не хотел

совета, и я отходил. Пусть режиссер делает так, как считает нужным».

Женившись, бывший гуляка становится тем семьянином, для которого дом – это все. Нет, он не стал затворником. Посещение консерватории, музыкальных вечеров, оперы – это входило в привычную жизнь

«Родители читали всю литературу, которая была тогда под запретом, они знали и понимали больше других…» - говорил сын Андрей. Но и жизнь, текущая за окнами дома, была не менее интересна, чем чтение недозволенных книг. Особенно, если та жизнь начинала «бурлить». Помню одну встречу с Глузским. Это было в августе 1991, после путча. Хоронили молодых ребят, погибших во время путча. У Белого дома шел митинг. Только что был «освобожден» Горбачев из форосского плена. Он тоже присутствовал, но далеко там, на трибуне. Кто-то обратился к Глузскому: «Здравствуйте, Михаил Сергеевич!» Глузский поднял глаза и ответил: «Я – Андреевич! Сергеич – это тот…» Что было в этом жестком ответе? Неодобрение давшего слабину президента, упрек? Скорбь по утраченным бессмысленно молодым жизням? Или просто обстановка заставляла искать подтекста в любом оброненном слове?

Как-то, уже будучи знакомым с Глузским, я рассказал историю, которую услышал от своего приятеля, который должен был на полсекунды появиться в кадре вместе с Глузским. Я описал сцену. «Кажется, это был «Монолог», - сказал я, не видевший этого фильма. «Нет, это был...» - Михаил Андреевич назвал какой-то фильм. А потом, с сожалением, как мне показалось, спросил: «А вы не видели «Монолога»?..»

Несколько ролей Глузского были отмечены теми или иными наградами, но роль русского интеллигента профессора Сретенского из фильма режиссера Ильи Авербаха, поставленного по сценарию Евгения Габриловича, актер ценил особо. Может быть, потому что это была едва ли не единственная его главная роль?

В середине девяностых в театре «Школа современной пьесы» решают поставить спектакль-дуэт «Уходил старик от старухи». Спектакль под конкретную актрису – Марию Миронову (теперь можно добавить – старшую, бабушку нынешней). «Я был лет на семь моложе Марии Владимировны, но принадлежал к тому же поколению», - говорил актер. Несколько лет спектакль-прощание шел, и всегда с успехом. Грустно, и щемящее трогательно, когда на грани своей жизни, старики на сцене показывают в сущности самих себя. Так прощались мхатовские старики «В соло для часов с боем», Любовь Орлова и Вера Марецкая в «Странной миссис Сэвидж», Георгий Жженов в спектакле «На Золотом озере»…

Но Глузский не собирался прощаться. Он исполнит еще не одну роль на сцене, и даже поездит по стране.

«Однажды мы приехали на гастроли в Томск. Местные олигархи зазвали нас на супервечер. Оказалось – это банальный стриптиз. Все сделали вид, что интересно. И Михаил Андреевич сидит, весь – внимание. Одна стриптизерша, совсем юная, воодушевившись, улеглась к нему на стол. Михаил Андреевич наклоняется к ее ушку, и совершенно серьезно, внятно спрашивает: «А мама знает, чем ты тут занимаешься?» Вообще, из скорбной подковки рта Глузского вылетали иногда довольно колючие шпильки. Все полегли от хохота, а фраза с тех пор стала у нас в театре расхожей», - вспоминал И. Райхельгауз, режиссер театра современной пьесы, в котором отыграет свои последние роли Михаил Андреевич.

Когда я готовил репортаж о Глузском, пришел вместе с ним в театр. Актеры смешком спросили: «Новый актер, что ли?» - «Актер, конечно, - говорю, - и не новый. Я Глузского в кино озвучиваю». – «Тайну двух океанов» видели? - подхватил Михаил Андреевич. – Так вот шум подводной лодки – это он».

Актеры любили Глузского, и как патриарха, и просто как человека. Близился 80-летний юбилей актера, и я предложил: «Давайте сядем все и снимемся на память». В центре Глузский на инвалидной коляске (коляска по роли). Вокруг – Татьяна Васильева, Лев Дуров, Райхельгауз – человек десять. Я всем напечатал снимки и на следующий день принес. «Меню карточку на автограф» - на снимке была оставлена белая полоска. На нее легли подписи, и кто-то добавил: 1998 год, окт. Чайка. Репетировали «Чайку» Бориса Акунина. Для Глузского этот спектакль оказался последним…

В один из тех же осенних дней я пришел в дом на улице Черняховского, дом, в котором жил Глузский. На меня произвел впечатление

старинный диван. Кресло с прямой деревянной спинкой, и подлокотниками, увитыми резьбой. Массивный и тоже резной письменный стол с вместительными ножками-тумбами призывал к усидчивой литературной работе. Такой бы стол и Толстому не помешал…

- Нет, мемуаров я не пишу.

- Время не приспело, или вспоминать не хочется?

- Слишком многие сейчас пишут. Помолчали б лучше…

Я снимал, болтая как всегда, что на язык придет. Зашел разговор об Амосове. Старики-то все его знали. Неугомонный пропагандист физкультуры, Амосов, только что прошел мимо смерти – перенес сложнейшую операцию на сердце в свои 85 лет. И пришел к выводу – помирать не страшно.

- Вы тоже так считаете, Михаил Андреевич?

Он поднял на меня глаза, и, помедлив секунду, сказал:

- Страшно…

За несколько лет до этого произошел нелепый случай. На эскалаторе в метро оступилась женщина, да так, что покатилась по ступеням. Глузский бросился ей помочь, но не сумел удержать. И в результате – перелом ноги… Со временем для ходьбы уже потребовалась трость. «Ничего не предвещало беды (сколько раз в подобных случаях звучала эта фраза), - говорил сын актера. - В апреле 2001 года родители съездили к друзьям в США. А в июне мы собирались с папой поехать на «Кинотавр» в Сочи. Но в мае начались непонятные скачки температуры. Папа лег на обследование. 12 мая температура поднялась под сорок, а 13-го он должен был играть в «Чайке».

Спектакль в театре собирались отменить: Льва Дурова, который в очередь с Глузским играл Сорина, в это время не было в Москве.

«Утром прихожу проведать отца, зная, что спектакль отменяется. И вдруг папа говорит: «Я, пожалуй, сыграю вечером. Воскресенье, придут люди, настроенные на встречу с конкретными артистами, а останутся с испорченным настроением?»

А оказалось, что еще накануне, поздно ночью, Глузский позвонил Райхельгаузу: «Не отменяй спектакль. Я приеду. Сыграю».

Врачи категорически запрещали актеру покидать больницу, но он сбежал…

«Как он играл в тот вечер, благодаря каким силам – не знаю. Потом аплодисменты, цветы, поздравления коллег. Затем снова в машину и в больницу…»

На следующий день была операция – ампутировали ногу. Но отказали легкие: немолодой организм плохо боролся за жизнь. Михаила Андреевича подключили к аппарату искусственного дыхания. Долгое время он

находился между жизнью и смертью. Но не выдержало сердце. Глузского не стало…

У Народного артиста кроме любви зрителей, были, разумеется, и награды. Упомяну лишь две из них. Это две «Ники». Они точно передают сущность актера: «За лучшую роль второго плана» - одна, «За честь и достоинство» - другая. Нет, ребята, подтверждал своим творчеством скромный актер, не бывает маленьких ролей…

Екатерина Павловна пережила мужа лишь года на полтора. Ее тоже похоронили на Ваганьковском кладбище, рядом с мужем, поставив общий памятный камень… Полвека совместной земной жизни и вечная за той, за жизненной чертой… Остались дети, внуки. Но это уже другая история.

Готовя материал, я набрал памятный номер квартиры на Черняховской. Незнакомый голос ответил: «Нет-нет, здесь давно живут другие люди…»

“Sic transit Gloria mundi” – «Так проходит слава земная»…

Нет, жив человек, пока жива память о нем…

Лидия СМИРНОВА. 1980 год.

Лидия СМИРНОВА

«Я вся покрылась паутиной лжи, я изощрялась, я так врала!» - воскликнет актриса, подводя итоги своей жизни. А та была такой долгой, что включила в себя всю «советскую власть», кусочек «царского режима», да ломоть горбачево-ельцинского беспредела, который так и застрял у нее в горле непрожеванным куском.

Вся ее жизнь была «закавычена» словами «Моя любовь». Так назывался первый, еще довоенный фильм, превративший «просто красавицу» в объект вздыханий и молодых парней, и убеленных сединами волков. «Моя любовь» - так она назвала свою книгу, написанную на закате дней, написанную настолько открыто и беспощадно к себе, что многими ее коллегами это было воспринято как необычайный цинизм… Она влюбляла в себя, она влюблялась. Но бацилла любви отравляла жизнь всем…

Родилась она в 1915 году, в деревне, недалеко от Казани. Но в детской памяти сохранился лишь Тобольск. Как образом она оказалась в Сибири, об этом Лида узнала много позже. «Ты уже большая и должна знать. Ты не наша дочь. И зови нас дядя Петя и тетя Маруся…» - сказали те, кого она привыкла считать мамой и папой. Узнала, что настоящую мать звали Татьяной, она была сельской учительницей. Вскоре, после рождения Лиды, родился мальчик. Тому было 9 месяцев, когда мать по неловкости выронила его из рук, и мальчик от ушиба головы умер. Молодая женщина не перенесла потрясения, разум ее помутился. «Я была совсем маленькой, но припоминаю маму в белой смирительной рубашке с завязанными рукавами, она бьется о спинку кровати и кричит… Вскоре она умерла. Возможно, от побоев. В безумии революции кому были нужны несчастные сумасшедшие?..»

Родственники, жившие в Тобольске, тогда и приютили Лиду. Шла Гражданская война, отец был на фронте. Лишь много позже, став взрослой,

Лидия Николаевна узнает под большим секретом: отец – царский офицер, белогвардеец… Отыщется и пара снимков – высокой, стройный, с холеными усиками - ее отец Николай Герасимович Смирнов. Колчаковец, чьи следы затерялись где-то в Харбине…

«Питание было плохое. Я заболела туберкулезом. На лето меня отправляли в село, где мы с хозяйкой и ее детьми ходили косить. Я научилась жать рожь и овес и до сих пор знаю, как надо связать сноп, как его поставить… Развилась я рано, тело мое было упругим и наливным, словно яблочко, а глаза горели. В 17 вышла замуж…»

Девочке всегда хотелось, чтоб ее замечали. А кто может быть «заметнее» актрисы? Лида без труда прошла по конкурсу и в Вахтанговское училище, и в Щепкинское, и во ВГИК, и в школу Камерного театра под руководством Таирова. Исходя из территориального принципа – ближе к дому – решила остановиться на Камерном. Предчувствие не обмануло ее: известность и славу она снискала себе быстро, а потом снималась в кино более 60 лет, и долго оставалась «наливным яблочком». «Мне безумно, нестерпимо хотелось появиться на экране. Я ездила на кинопробы, но меня не утверждали. Безо всякой надежды я стала пробоваться на главную роль в фильме «Моя любовь». Претенденток было 18. Не надеясь на удачу, я отправилась с мужем в байдарочный поход на Урал. И вот в одном городке получаю телеграмму: «Утверждены на главную роль. Приезжайте срочно».

Так появилась Шурочка в фильме «Моя любовь» - обольстительный, почти голливудский образ, светящийся свежестью, чистотой и наивностью… В фильме героиня Лидии Смирновой Шурочка усыновляет маленького ребенка, осиротевшего племянника. Как это напоминало ей свою собственную судьбу.

Мне лишь раз довелось «поработать» с Лидией Николаевной Смирновой. Я должен был сделать ее портрет. Актриса долго оттягивала эту неприятную процедуру. Видимо, решала – а надо ли это ей? Наконец, сказала – приезжайте. Я поднялся на 13-й этаж высотки на Котельнической. Лидия Николаевна ждала фотографа во всеоружии. Она была причесана, ухожена, одета. Женщина, по-видимому, ее гример и парикмахер (тогда еще не было понятия – визажист), наносила последние штрихи. Такое у меня было впервые. Актеры-мужчины вообще не думали ни о костюме, ни о выскочивших прыщах. Женщины, конечно, были поаккуратнее, но чтоб так серьезно подходить к фотосъемке?!. Похоже, я не разочаровал Лидию Николаевну.

И в молодости, и в преклонные годы Лидия Николаевна всегда становилась центром внимания. Тенденция, однако…

Огромный штатив, крупноформатная камера, произведенная в начале века, еще до рождения актрисы, софиты… Она поняла, насколько серьезны мои намерения, и оценила. Как профессионал профессионала… Она меняла костюмы, была терпелива и покладиста. Я лишний раз убедился: у большого актера не бывает маленьких ролей. И тот трон, на который я возвел актрису в своем молочном детстве, стал еще блистательней и выше.

«Я всегда любила красиво одеваться и даже в булочную не могла выйти, не приведя себя в порядок, и не взглянув в зеркало… Спину держать, спину держать прямо!» - приказывала она себе всегда, даже в очень почтенном возрасте, когда появлялась на людях. Впрочем, что значит почтенный возраст. Скажем, семьдесят пять: это возраст? А что, если старушка, на встрече со зрителями, своими обожателями, на сцене делает кульбит?.. «Прыгнуть не так сложно, хотя можно было и пукнуть в это время, сложнее – устоять на ногах, подняться…» Такая вот Шапокляк – хулиганистая старушка-девчонка…

В картине Ренаты Литвиновой «Нет смерти для меня» Смирнова в числе других звезд недавнего времени – Мордюковой, Самойловой, говорила: жизнь прожить – не поле перейти… Актриса приходила домой, отпирала дверь. Пусто… Редела и записная книжка с телефонами друзей и знакомых…

Что же она сделала в жизни не так? Почему же все оборачивалось пустотой? Сколько в жизни было возлюбленных, мужей? А теперь одна. Это что – удел старости? Или была допущена в жизни ошибка? Одна, но фатальная. Она заплатила цену, тогда, казалось бы, небольшую, за билет к звездам. Чтобы не упустить роль в «Моей любви» она пожертвовала ребенком. Да, нерожденным. Как-то судьба привела ее к прорицательнице. И та предрекла – жить тебе еще одиннадцать лет. Вот так все и произошло. С той встречи она прожила ровно 11, до лета 2007 года, перешагнув свою 92-ю годовщину. Видно так гадалка «запрограммировала» ее…

Как прошли ее последние дни, кто был рядом? В общем-то, случайные, а то и вовсе чужие люди.

Когда-то Исаак Дунаевский, солнечный композитор сталинских лет и один из поклонников актрисы, подарил ей томик стихов Ахматовой. Там были строки, которые она, вероятно, пробежала в молодости, да потом забыла. А может быть, и они сохранились где-нибудь в тумане образов прошлого:

Память о солнце в сердце слабеет,

Что это? Тьма?

Может быть! За ночь прийти успеет

Зима.

Мустай КАРИМ. 1973 год.

Мустай КАРИМ

Не припомню, когда он произнес эту замечательную фразу. Кажется, когда мы сидели в мастерской именитого местного художника. Я снимал фотоальбом с кокетливым названием «Башкирская сюита», который должен был выйти в издательстве «Планета». Договорился с Народным поэтом Башкирии, Героем Социалистического труда Мустафой Сафичем Каримовым о съемке его персоны. Решили, что он подъедет в мастерскую художника, где я сниму и того, и другого. По законам гостеприимства или богемы среди выдавленных тюбиков краски и перемазанных кистей, видавшая виды клеенка превратилась в скатерть-самобранку. Налили поровну из бутылки и готовы были уже «вздрогнуть». И тут народный любимец сказал: «Вы, молодые, пейте, я не пью». Зная, что это не совсем так, я спросил, возможно, с подколом: «Что, не любитель?» - «В том-то и дело, что любитель. Но когда я понял, что перехожу в профессионалы, я завязал».

А может, это было сказано несколькими годами позже, когда, во время перестройки, я брал у Мустая Карима интервью. Теперь мы сидели уже за его столом. Хозяйка подносила что-то соблазнительно пахнущее из блюд башкирской кухни. Может, это был чак-чак – воздушные, вываренные в меду шарики из теста, которые, застывая превращаются в золотую гору фантастической формы. Может, беляши – открытые пирожки с мясом, выжаренные в масле, может, что-то иное, или даже все это вместе.

Я вызвался поговорить с поэтом и драматургом о нынешнем житье-бытье, об отношении человека к истории, наследию, идущего от предков, дальних и близких, о моральных ориентирах, которые не следует терять, для новорожденного журнала «Наше наследие». Забегая вперед, скажу: интервью так и не было напечатано. Возможно, я не достарался, а скорее всего, мудрец что-то говорил «не в кассу». Тогда было принято ругать, да что там – громить колхозы. А Карим говорил: «Нет, колхозы сыграли большую роль, объединили людей, возникло чувство локтя». Он не мог не видеть истиной картины. В 1929 году деревенскому Мустафе было 10 лет, как раз тот возраст, когда все запоминается на всю жизнь, и без искажений.

В этот раз Карим предостерегал: начинают подниматься националистические настроения – это может привести к большой беде. Башкир, с крестьянским лицом грубой лепки, родившийся в селе вблизи Чишмов (Деньги

есть – Уфа гуляем, денег нет – Чишма сидим) с гордостью написал в одном из стихотворений фразу, ставшею символом для многих народов России: «Не русский я, но россиянин».

- Национализм всегда вызывает либо чувство превосходства, либо ущемленности. Это не одна из сторон, а источник национализма - претензии нации на то, чем она не обладала. У нас все лучше. Если у нас построена общественная уборная в центре города, то это самая лучшая уборная на всем Урале, самая большая. Мелкое бахвальство переходит в крупное. Мне пришлось разорвать отношения с редакцией многотомной «Истории Башкирии». Читаю первый том: в 11 веке процветала башкирская литература, в 12 формировался башкирский литературный язык. Как же так, если сама нация-то сформировалась буквально пару сотен лет назад? А все очень просто. Если грузины насчитывают тысячелетия своей истории, то почему бы и нам не иметь хотя бы тысчонку лет? Достоверность не обязательна – просто хочу, мол, чтоб так было… Сейчас мне шлют оскорбительные письма, обвиняя в национальном нигилизме. Пишут: «Дутый ты пузырь, а никакой не писатель».

Писатель говорил и о вещизме, алчности, которая и в самом деле охватила страну через пару-тройку лет.

Карим был коммунистом и остался им. Он не предал идеалов, в которые верил, которыми жил, за которые воевал.

На фронте осколок прошел в паре сантиметров от сердца, но поразил легкое, которое со временем пришлось удалить. «Ему удалили и восемь ребер, - говорил мой знакомый, мать которого воевала вместе с Каримом, а отец выхаживал его, как пациента.

«Не русский я, но россиянин!» - слова, крестьянина с головой мыслителя. Человека, который видел в черной земле не грязь, но почву - суть самой жизни.

В Уфе находится Центр мусульман России и европейских стран СНГ. Мустай Карим на одном из съездов муфтиев. К его воззрениям прислушивались и в этой среде.

Олег ЯНКОВСКИЙ. 1996 год.

Олег ЯНКОВСКИЙ

Начальству клюнула идея: вот сейчас, срочно, с двух до трех, а лучше – вчера, снять Янковского на обложку журнала. Актеру исполнялось 50 лет. Обложка завтра же должна уйти в печать, лучше до обеда, но можно дотерпеть и до вечера. Крайний срок сдачи – послезавтра, но это уже с некоторыми убытками для редакции. Естественно, что доступного телефона Янковского нет, как и, естественно, то, что после того как тебе «спустили» задание, всем до лампочки как ты будешь выкручиваться. Стал дозваниваться в Ленком. Как в большинстве случаев, там отвечают: ничего не знаем, наша хата с краю. «Э-э, - думаю, - дай-ка позвоню Абдулову!» Он только что прошел у нас на обложке, снимал я. Скажу, что теперь для той же самой цели нужен Янковский, помоги. «У нас не принято давать телефоны актеров, - ответила звезда, с привкусом в голосе чего-то презрительного. «Но я же, вы знаете… обложка! Срочно!» - извивался я у ног супер-супера. Да хрен тебе, а не коврижка – так и звучало в тоне его разговора. И я уже собирался обратиться за помощью к самому Захарову. Как-никак знаменитый режиссер был членом какого-то общественного совета редакции, а может, даже писался как член редколлегии. Тогда было модно вписывать знаменитостей в выходные данные журнала. Но звонить Захарову мне не пришлось, личный телефон Янковского отыскали в редакции, в чьей-то записной книжке. И вот я уже договариваюсь с актером. Олега к юбилею наградили

Янковские в коно – целая династия, а, можно сказать, и клан. Олег Иванович не самый старший, но самый известный.

орденом (в 90-е денег было мало, а орденов много). Сгоряча я допустил промах. Если хочешь досадить актеру, сравни его с другим, да хоть с самим Чаплиным. Все, теперь ты его враг. А я ляпнул: хочу снять, мол, вас просто, в торжественном костюме и с орденом, как когда-то снимали для открытки Николая Черкасова. А Олег Иванович не обиделся, не вспылил, а лишь усмехнулся: «Тираж чтоб увеличить?» - «Не без этого», - откликнулся я. «Хорошо, приезжайте завтра утром ко мне на дачу». И я записал адрес.

Свеженький загородный дом актера стоял в районе Рублевки. Вокруг, по обе стороны забора, пустырь, ничем пока не обсаженный. Но в доме уже был полный порядок. Я осматривался, отыскивая подходящий уголок для съемки, а Янковский бросил:

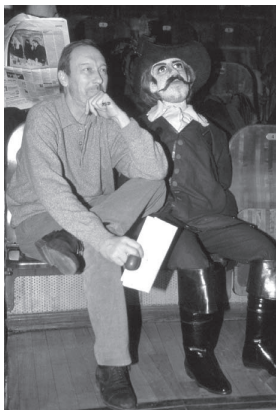
- Обычно снимают здесь…

Я обратил внимание, наконец, на огромную картину, изображающую Мюнхаузена. Явно, роль Мюнхаузена стала коньком у Олега Ивановича. Конечно, он не вытаскивал себя за волосы из болота, и на ядре не летал.

Олег Янковский и Никита Михалков, «вкалывают», возделывая сад, на фестивале «Черешневая весна». Звезды одеты в выданную им униформу. Если делать, то по большому.

Но зато все время посасывал трубку, слегка пижоня, а мог закурить и обычные сигареты. За легким трепом прошла съемка, сделал я и снимок «на память» - Янковского с женой Людмилой. Тогда я еще не знал, что и Людмила тоже актриса. И были годы, когда Янковского лишь как мужа известной в Саратове примы Зориной. Моей консервативной душе понравилось, что он остался супруге верен, и не стал с изменением своего статуса менять и семейную среду. У актеров буйное воображение и многим из них, вкусившим славу, кажется, что они ухватили бога за бороду. А держат в руках на самом деле поросячий хвостик. Сели за стол, который украсила бутылка коньячка. Я рассказал хозяевам как добывал их телефон, не забыв съязвить, напомнив определение театра, как дружеского террариума. Олег Иванович довольно хмыкнул, то ли от моих слов, то ли от коньяка.

Потом вышел журнал, я притащил в театр кучу экземпляров, чтоб передали Янковскому. А полгода спустя я его увидел в цирке Никулина.



К 75-летию Юрия Никулина в цирке готовился спектакль-поздравление, над которым работал Валентин Гнеушев, в то время режиссер никулинского цирка. А принять участвование в этом праздновании должны были чуть ли не все звезды Москвы. На нижнем снимке ленкомовцы Абдулов, Янковский, Соколов, далее – Гнеушев, спиной – Калягин.

Готовился 75- летний юбилей клоуна, и ленкомовцы должны были участвовать в спектакле-поздравлении «Олег Иванович, - обратился я, - страсть как хочу сделать о вас фотоочерк». – «Как-нибудь потом, сейчас не до того», - вежливо ответил он.

«Не того» было и еще некоторое время спустя, изредка я позванивал. Но в других журналах я видел свежие снимки Янковского. Похоже, чем-то я ему не угодил. Был напечатан метровый портрет, который я считал лучшим из всей съемки, а редакция вручила его моему герою по какому-то случаю. При очередной встрече, а происходила она в «Ауди», где в пышной обстановке презентовалась новая модель машины. Я подошел к Янковскому, напомнил, кто я – прошло-то уже несколько лет после памятной съемки – сказав: «Вам вручали громадный портрет, который сейчас наверняка, где-нибудь у вас на чердаке… Так вот я…» - «Да-да, помню, звоните». И снова, не сейчас, как-нибудь потом. Последний раз я звонил с просьбой порыться в его домашнем архиве, чтоб дать в одном из дамских глянцевых журналов «Семейный фотоальбом». Это была успешная и популярная рубрика.

Готовится празднование годовщины выхода на экраны «Барона Мюнхаузена». В «тайной вечере» участвуют Янковский, Рудинштейн, Горин и Захаров.

Олег Иванович не слишком любил тусовки. Но принимал участие в фестивалях, церемониях вручения «Ники».

«Знаете, - ответил Олег Иванович. – Журналов много, и надо себя как-то поберечь, не слишком мелькать». Мне, вроде, стоило бы обидеться, но я, напротив, еще сильнее зауважал актера: знает себе цену, не гонит волну. И произнес отказ он так убедительно, но мягко, что не понять его мог только идиот.

А буквально на другой день от своего приятеля я узнал. Янковский сильно болен, у него обнаружили рак. Говорят, что не совсем безнадежно. Эту форму рака можно лечить. Американский актер Патрик Суэйзи болен уже несколько лет, и успешно держится.

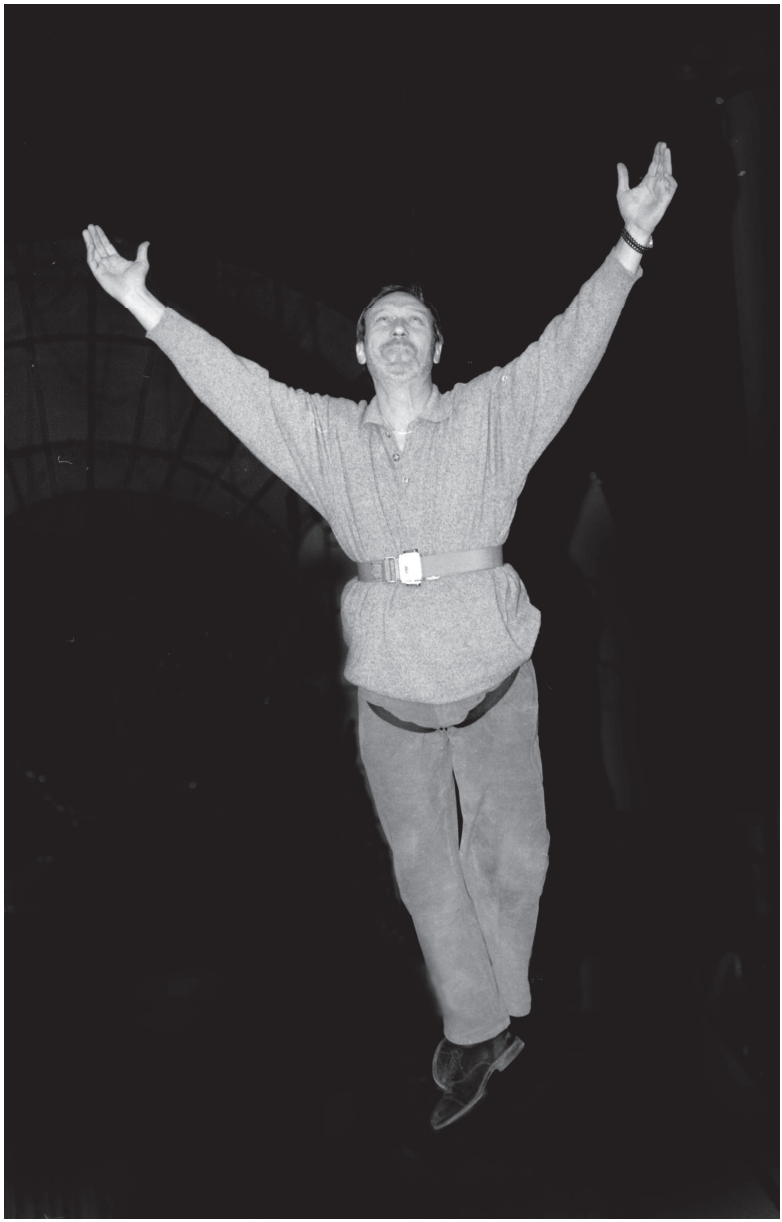
Олега не стало месяцев через восемь. Умер и Суэйзи. Человек предполагает…

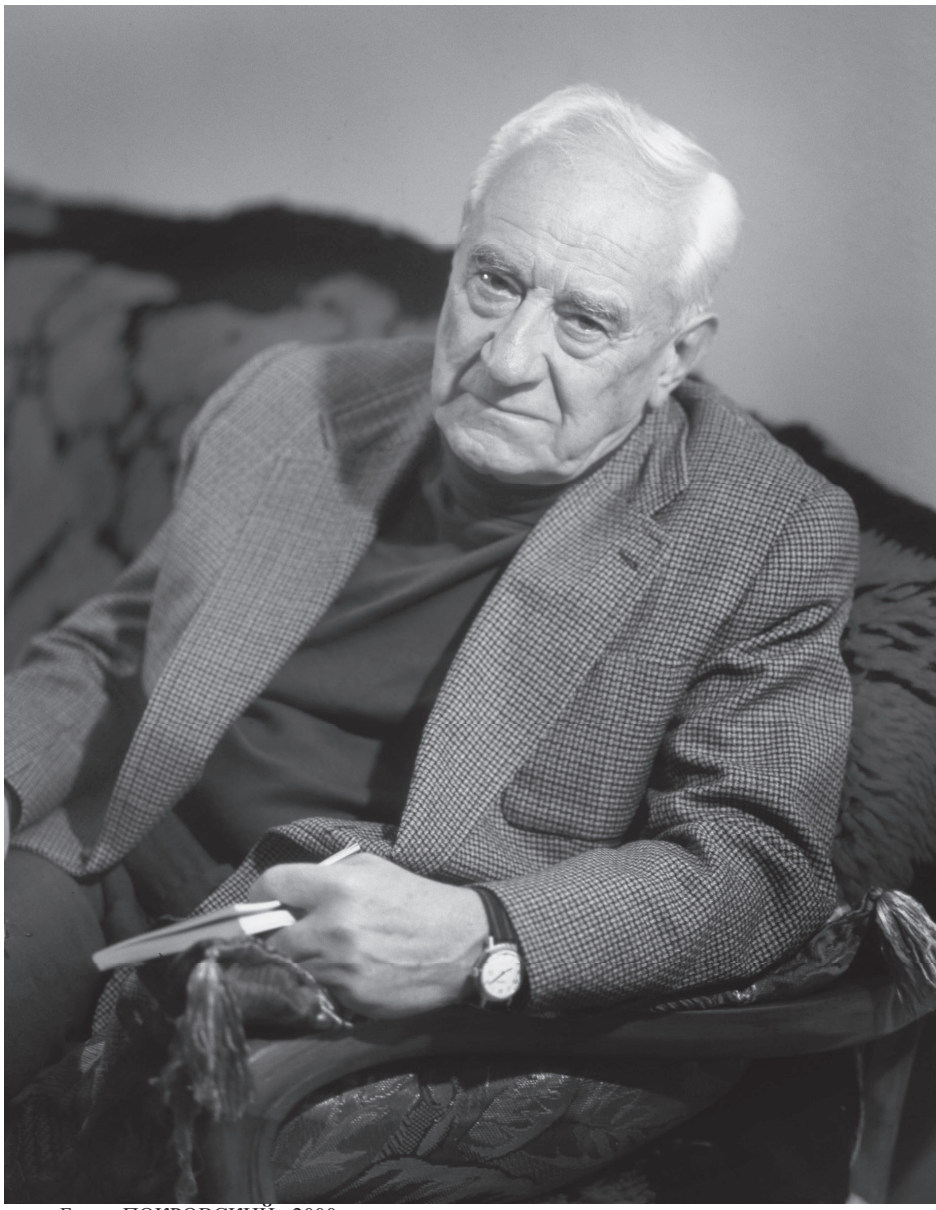
Национальное достояние – мысленно оценивал я Янковского.

Он вышел последний раз на сцену Ленкома буквально за несколько дней до смерти. Это ужасно, когда в комедии появляется умирающий актер и продолжает смешить. Кажется, у одного Никулина хватало мудрости понимать, что клоун не должен быть ни старым, ни седым – это вызывает не смех, а жалость. А умирающий на глазах...

«Господа, - говорил Янковский-Мюнхаузен. – Серьезное выражение лица вовсе не признак ума. Самые глупые вещи говорятся с этим выражением. Так улыбайтесь же, господа, улыбайтесь!»

А другая героиня экрана и совсем по другому поводу восклицала: «Он улетел, но непременно вернется!»





Борис ПОКРОВСКИЙ. 2000 год

Борис ПОКРОВСКИЙ

В середине 70-х прошлого века я, неожиданно для себя, стал завсегдатаем театра. Именно так, в единственном числе – театра. А конкретнее – Большого. Надо сказать, с самого детства я не был поклонником сцены. Другое дело кино. Там все «настоящее» - река, дерево, гора и само солнце. Наивный. Я и не догадывался, что в кино нас еще больше, чем в театре, дурят. Только изощреннее.

Попав же в театр, я сразу превращался в Станиславского, и мне хотелось кричать: «Не верю!» Мне не нравились мумифицированные пластмассовые деревья и кусты с ядовитой химией их листьев, меня раздражали голоса, «подаваемые» в зал. Слова, которые по сути происходящего, нашептывались на ушко, должна была услышать и галерка. Галерка еще должна была увидеть и мимику актера. Отсюда чудовищный «по выразительности» грим, и усиленное «хлопотание» лицом. Станиславский в моей душе вставал на самый хвост, и мне хотелось топать ногами. Со временем, с театром я смирился, но ходил туда только по нужде, когда нужно было снимать спектакль. Нужно, так нужно. При. необходимости и в морге могу снимать, хотя никогда туда не войду без крайней нужды.

Композитор Кирилл Молчанов служил директором Большого театра. Борис Покровский – главным режиссером. Но в данном случае они просто соавторы. Ставится опера «А зори здесь тихие» композитора Молчанова по популярной в те годы повести Бориса Васильева, рассказывающей о жестокой судьбе девушек-солдат на войне.

Но вернемся к нашим баранам. Издательство «Планета» решило выпустить большой альбом-двухтомник, посвященный Большому театру. Один том – балет, другой – опера. Весь груз съемки сцены был водружен на плечи Николая Рахманова – фотографа бешеной энергии и упорства. Начать с того, что всю съемку нужно было вести на «крупный формат», на слайды 9х12 и даже 13х18 сантиметров. Куда ни шло, снимать оперу. Там артисты хоть не так бешено скачут по сцене. А балет? Прикрутить бы, как говорил Райкин, динамомашину к ноге балерины, может, не стала бы она так мельтешить. Чувствительность у пленки не высока, оптика не так уж светосильна, а каждый щелчок – нет, не пятачок, а не один полновесный рубль. Да и сам диапозитивный материал – чуть не стратегический. В лавке его свободно не купишь. Но Николая Николаевича подобными трудностями не смутить. Он отважно, нагрузившись двумя-тремя десятками килограммов кофров, штативов, металлических кассет, каждой из которых можно

Судя по тому, как идет репетиция «Зорь», не скажешь, что материал трагичен. Покровский не был ханжой. Улыбка и шутка, бывает, вполне уживаются с отчаянием и бедой.

убить быка, ежевечерне входил в зал, устраивался в конце центрального прохода и начинал долбить кадр за кадром. И ведь додолбил! Кадры спектаклей вышли на загляденье.

Мне же поручено было снимать то, что не видимо из зала, неосязаемо, а временами и весьма эфемерно. Ну, например, партучебу. Невыспавшиеся знаменитости то таращили глаза, чтоб они не захлопнулись, то, сдавшись, негромко посвистывали носами, сморенные дремотой. Так уж получилось, что ни один мой кадр для альбома не понадобился. Зато чуть не на два года мне был выписан служебный пропуск в режимное заведение. А там я мог возникать и на колосниках, и среди подсценной машинерии, и даже в суфлерской будке в время спектаклей, не говоря уж о репетициях.

Я не сразу разобрался, кто есть кто, и какие у этих «кто» функции. Меня забавлял один долговязый носатый старик. Породистый нос его был, по-видимому, предметом гордости. Он его шумно продувал, чтобы потом «трубить», как делает это олень во время гона. Старик вел себя крайне забавно. Он на цыпочках пробегал по сцене, изображая то ли маленькую

«Эта сцена должна смотреться динамичнее. Пройдем еще раз».

девочку, то ли птичку. Издавал какие-то междометия, отчасти, напоминающие музыкальные звуки, но в большей степени скрип несмазанных дверных петель. Размахивал руками, и в такт с этими движениями вздымалась и опускалась его седая грива. А часто он сидел просто на стуле, погрузив подбородок в фунтик ладошки, умиляясь устроенным им бардаком.

«А это что за…?» Я чуть было не сказал «чучело», обратившись к соседке, вяжущей, пока не занята на сцене, чулок. «Это? Да это же Покровский, наш режиссер!»

«Вот те на! А он-то зачем?» - подумал я, отдавая долг своему невежеству. Ну, ладно бы дирижер, Тот должен все время размахивать палкой, грозя оркестру. Хотя ноты написаны, и чтобы вовремя дунуть в трубу или ударить в барабан, оркестрантам достаточно просто следить за мелодией, и не надо им ничем грозить. Есть же оркестры, где никто ни на кого не машет, а заслушаешься. А режиссер? Одно дело режиссер в кино, на худой конец в драматическом театре. Там все идет от него: и какими голосами актерам говорить, и какие стулья поставить, и когда музыке «вжарить», и как оператору ручку своей камеры крутить. Словом, все компоненты будущего блюда, в его руках. И за конечный вкус каши отвечает единственный он.

Партитура. Сухой прогон. Пока без оркестра.

Неужели и в опере так? Что опера, это, прежде всего музыка – кто бы отрицал. И что театр это зрелище, тоже никто спорить не будет. Поэтому рядом с именем режиссера ставятся имена дирижера и художника. Иногда дирижер – фигура, стоящая надо всем сооружением, чаще же вровень с режиссером. но с ухом, направленным не только на оркестр, но и на режиссера. А в повседневной практике все-таки режиссер всему голова. Для меня это было ошеломительно. И нелепый старик стал расти в моих глазах.

Мальчик Боря познакомился с музыкой в весьма нежном возрасте. «Первое на пианино стал играть я одним пальцем, потом кулаком, потом ладонью. Это так надо было, это кто-то велел. А мои родители – очень мудрые, они знали, это кто-то велел и мешать не надо».

Потом мальчик учился в музыкальной школе сестер Гнесиных. Тоже вам не фунт изюма. Борис Покровский до войны закончил ГИТИС – театральный институт – вместе с Гогой Товстноговым. Георгий Александрович не столько с завистью, сколько с уважением говорил. «Покровский пришел на режиссерский факультет уже имея музыкальное образование. И когда мы выбирали для самостоятельных работ отрывки из пьес Шекспира и Чехова,

он уже ставил «Пиковую даму» Чайковского». Делить друзьям, ставшими впоследствии великими режиссерами, было нечего. А дружба их все время подпитывалась восхищением работами друг друга. Нет, тут не было ничего ни от кукушки, ни от петуха, оба были талантливы, и безмерно. Оба были трудоголиками и перфектционистами. Но, наверное, даже не замечали этих своих сторон, поскольку работали, как дышали. А кто же замечает свое дыхание, когда его не спирает в груди.

Думаю, Борис Покровский был широко известной личностью в довольно узких кругах – кругу музыкантов, театралов, истинных интеллигентов – тех интеллигентов по складу ума и души, которых во все времена не густо. Внук его Михаил Ефремов, сын Олега Ефремова, сын Аллы Покровской – дочери Бориса Александровича, стотысячекратно известнее деда. Остается, чтоб кто-нибудь когда-нибудь сказал о нем, как говаривал о его предке известнейший дирижер Евгений Светланов: «Предлагаю занести имя Бориса Покровского в книгу рекордов Гиннеса ЗА:

Безмерное трудолюбие,
Великий талант,
Верность искусству.»

За шутливым пафосом этих слов стоит действительно невероятный труд.

В течении своей творческой жизни Покровский поставил 180 опер! Вы можете такое представить? Попробуйте сами, даже сильно задумавшись, написать «из головы» тридцать названий опер. Обращаюсь только к любителям этого жанра. Больше сорока спектаклей Покровский воплотил на сцене Большого театра. А ведь там спектакль шел не один сезон, а десятилетиями! Но и этого было Борису Александровичу мало. Он решил организовать Камерный театр, чтобы там иметь возможность ставить оперы по тем или иным причинам, не попавшие на большие сцены, или попросту забытые. И в 1972 году он этот замысел осуществил. Театр поначалу ютился в небольшом подвале возле «Сокола». Я бывал там, снимал. Слушал «Коляску» по Гоголю, что-то еще. Мне не хватало духовной энергии, чтобы по достоинству оценить происходящее. А стоило бы чуть поднапрячься. Покровский находит русскую праоперу – древнейшую русскую оперу 17 века «Ростовское действо» и дает ей новую жизнь. Потом отыскивает одну из первых итальянских опер, того же, 17-го века «Эвредику» Яколо Пери. «Ну вот, - воскликнет кто-то, - занялся гробокопательством!» Отнюдь! Он, как пишут в газетах, находился «на самом перередке». Покровский один из немногих, кто «откапывал» Альфреда Шнитке – куда уж современнее. Поставил его «Жизнь с идиотом».

Прошло время, театр переехал в достойное помещение, в самый центр. К своему 25-летию получил статус Академического, Не знаю, что дает этот статус, но звучит приятно. А после кончины патриарха и основателя стал носить его имя.

Борис Александрович Покровский прожил очень долгую и славную жизнь, длиною чуть ли не в век. Он играл одним пальцем, потом кулаком, потом ладонью. Кто-то ему велел, мешать было не надо… Да, собственно, не так уж и мешали…

Виктор АМБАРЦУМЯН. 1963 год.

Виктор АМБАРЦУМЯН

Вы часто смотрите на звезды? А давно видели их?

Последний раз я заметил их, кажется, прошлым летом, в деревне. Августовские ночи черны, и если нет ни облаков, ни луны, если тебе не лень запрокинуть голову, и если ты чуть отстранился от земной сумятицы, тогда…

Ах, сколько условий – если да если. Да и кому нужны эти звезды?

Оказывается, есть три категории людей, которым звезды нужны.

Первые – праздные наблюдатели, которые, как Иванушка «звезды на небе считают, да горбушку уплетают». Занятие совершенно не практичное. Много иванушек пыталось сосчитать количество звезд, но так и не пришли ни к какой конкретной цифре. Даже приблизительной.

Вторая категория – астрономы. Много веков они смотрели в небесную лупу – телескоп на небо, пытаясь зафиксировать их расположение и перемещение, если таковое обнаружится.

Третья категория – астрофизики. Эти хотят докопаться, из чего же звезды сделаны, откуда они черпают энергию, как рождаются, как умирают. Да и вообще, рождаются ли они и умирают, или остаются во все времена неизменными, такими, какими приколотили их к небесному своду.

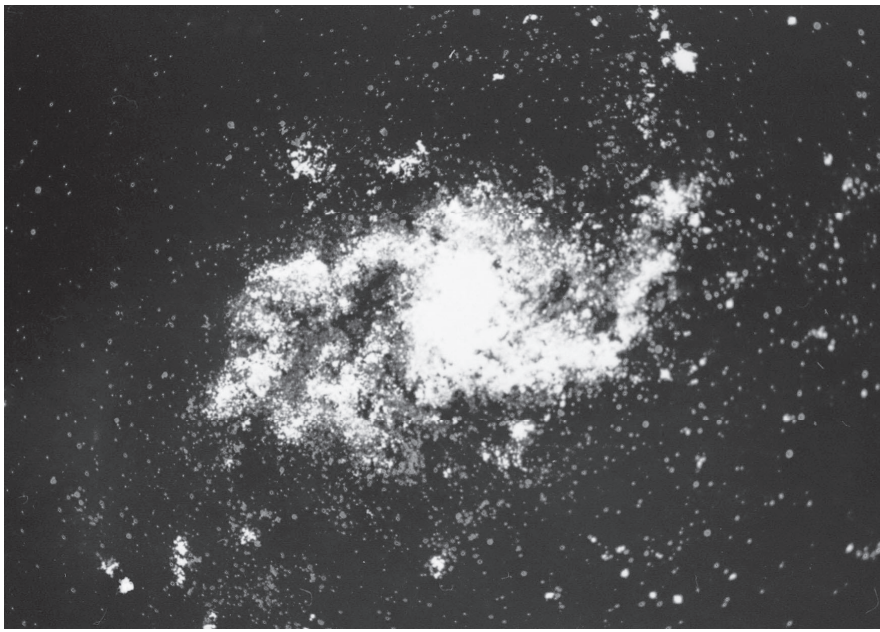
Тут пора познакомиться с нашим героем – Виктором Амазасповичем Амбарцумяном, известным «звездочетом» недавнего времени, академиком, дважды Героем Социалистического труда – все, как положено, и весьма известной фигурой в мировой науке.

Телескоп – земное око, направлен не столько на звезды небесные, сколько на древнейшую историю вселенной.

Наверное, следовало бы начать так: деревенский мальчик, с большим воображением, смотрел широко раскрытыми глазами на ночное небо Армении, а звезды южной ночью огромные, глазастые…

Но будем держаться ближе к истине. А она в том, что отец мальчика был не пастухом и не землепашцем, а весьма образованным человеком – филологом и писателем. Он закончил Императорский Петербургский университет, был широко образован, переводил Гомера на армянский язык… Говорят, его называли даже армянским Ломоносовым. Сын Виктор не сидел с горбушкой под звездами. У него был другой мир увлечений – мир формул. Он любил математику так, как иные в. его возрасте любят привязывать консервные банки к хвостам кошек или собак. Однажды, лет в 11-12 ему в руки попалась книжка «Небесные светила», в которой рассказывалось об устройстве Вселенной, новейшими о ней представлениями.

А те представления постоянно менялись по мере того, как рождались яркие, пытливые умы, да и подкапливались наблюдения и знания об окружающем небесном мироздании. Птоломей вращал весь видимый



Одна из туманностей, а может, галактик. А сколько звезд в ней – одному богу известно.

небесный мир вокруг земли. Николай Коперник стал все вращать вокруг солнца… Дальше в лес, больше дров. Ученые мужи как-то договорились между собой, что вокруг чего вращается. А что это «что»? Из чего сделано? Можно ли определить состав и возраст звезд, отстоящих от нас на миллионы световых лет? И (!) – с математической точностью описать происходящие там процессы?

Астрофизика та наука, где и звездный мир можно изучить и математику не бросать. Амбарцумян поступает на физико-математический факультет Ленинградского университета, а вскоре после его окончания, в начале 30-х, создает в Пулково первую в стране кафедру астрофизики. Неплохо для начала… Ему же не было еще 25-ти.

Я не намерен подробно излагать весь путь ученого, но несколько характеристик, данных молодому гению великими зарубежными умами, приведу.

«Амбарцумян доказал, что образование звезд продолжается и в нашу эпоху…»

«Его работы отличаются редким сочетанием физической интуиции и математической элегантности».

«Амбарцумян изменил представление о Галактике: она оказалась в тысячу раз моложе, чем думали раньше».

Ну а нам-то что за дело? Что, от этого будет масло дешевле?

Амбарцумян исследовал методы определения скоростей звезд. Не будем вдаваться, каких и для чего. Важно - как? Для решения задачи нужно выстроить сложные математические схемы – модели движения. Напрямую, фотографируя через определенные интервалы времени кусочек неба, можно получить какие-то данные сразу. Остальные - путем математических вычислений. Молодой ученый написал статью, отправил в научный журнал. И все, слава богу, об этом забыли. А спустя сорок лет был изобретен англичанином-инженером и американцем-математиком томограф. Да, тот самый, с помощью которого можно заглядывать в глубины нашего тела, не рассекая его. Ученые за это открытие получили Нобелевскую премию в 1979 году. «Тем не менее, - писал Амбарцумян, - математическая модель,

Эта лысина на переднем плане слева – знаменитая лысина, максутовская. А сам Д.Д.Максутов громоздится на левом снимке. Звездочеты любят поговорить. А что, в самом деле, времени-то у них уйма – миллионы лет, помноженные на миллиарды…

которую они применили для создания томографа, полностью совпадает с той, которую я применил в астрофизике…»

Что нам дают звезды?

На солнце обнаружили неизвестный элемент, названный гелием. «Кто мог предсказать то колоссальное будущее, которое ожидало этот «подсказанный» Солнцем элемент в развитии науки и техники?»

Обратный случай. В периодической таблице Менделеева была «дырка». Вроде бы, тут должен стоять элемент, а никто его не видел и не знает, где искать. Позже его научились получать в лабораториях при ядерных реакциях, правда, в очень небольших количествах. А астрофизики обнаружили его на некоторых звездах… Фундаментальная наука дает часто побочные всходы на полях практических нужд.

«Я перестал удивляться тому, как одна за другой подтверждаются все гипотезы Амбарцумяна, которые он пророчески выдвинул много лет назад» - говорил один из его коллег-астрофизиков.

Ну а как рождаются и умирают звезды? Примерно так, объяснял Амбарцумян: существуют туманности некоего межзвездного вещества, которое начинает сгущаться в определенной точке, образуется газовый шар, он все уплотняется, пока не возникает тело звезды. Звезда, как и ребенок, растет, крепчает, расцветает, благоденствует, а затем стареет, превращается в карлика – белого, желтого, красного. Растет плотность вещества, а размер звезды тает, наконец, все горючее выгорает, сначала водород, потом гелий. Звезда, лишенная энергии, чернеет, тухнет, а ее гравитационное поле становится таким чудовищным, что притягивает все, что она находит вокруг себя, даже световые лучи. И называется это чудище страшно – Черная Дыра. Пока эту дыру в реальности никто не встретил, но черт знает, чего там напредрекал Амбарцумян.

Говорят, Демокрит на досуге рассуждал: «Из ничего ничего произойти не может, ничто существующее не может быть уничтожено, и всякое изменение состоит лишь в соединении и разъединении».

С Амбарцумяном мы «соединились» в 1963 году лишь на один вечер в Бюракане. В этой бывшей деревушке вскоре после войны Амбарцумян выстроил обсерваторию, возглавил ее, создал научную школу, завоевавшую место в ученом мире. Звезды над той деревушкой, говорят, всегда были с кулак. Не звезды, а голубые дыры в небе. Среди выгоревших холмов стояли здания и башенки из розового туфа, молодая осень все еще лила несусветную жару. Небольшой курчавый человек сидел за своим рабочим столом и правил рукопись беседы, проведенной с ним, чтобы выловить «блох», напущенных в текст журналистами.

«Мне кажется, не следует начинать материал с местоимения Я. Это как-то режет слух и выглядит нескромно».

Потом академик проводил совещание, на котором особо слышался голос лысого дядьки, довольно солидного возраста. Оказалось, это Д. Максутов, оптик из Ленинграда. «Так вот он каков!» - подумал я. Кто же из фотографов тех лет не знал объективов Максутова - МТО-500 и МТО-1000? Он догадался, как в относительно небольшой коробочке с помощью оптических зеркал уложить длинный фокус. У меня тоже был такой объектив (жив объектив и сейчас) за номером 00026.

«Что эти объективы – чушь!.. Вот то, что мы делаем…» Вероятно, он хотел сказать для военных, но замолчал.

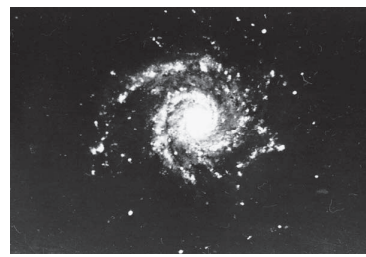
Амбарцумян очень ценил помощь ЛОМО – Ленинградского оптико-механического объединения, где трудился Максутов, за обеспечение обсерватории «зоркими» инструментами.

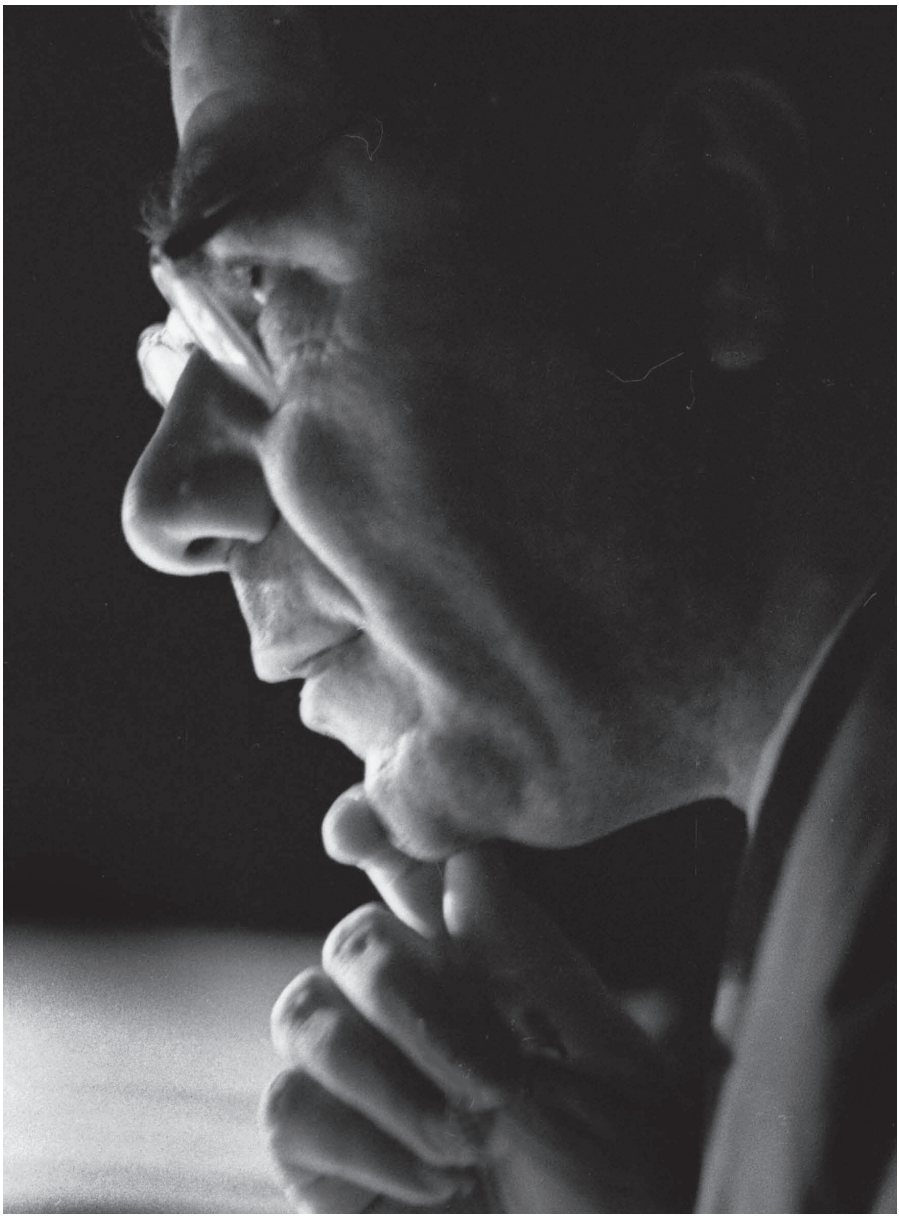
Вот, собственно, и все. Чисто деловая и непродолжительная встреча… Чуть-чуть воспоминаний, да фотокадры.

Прожил Виктор Амазаспович долгую и достойную жизнь, его не стало в 88 лет. Изредка я видел его мельком на заседаниях Академии наук СССР, но основное время он проводил в любимом им Бюракане, Не думаю, что он сам смотрел в телескоп. Он говорил: «Порой на ряде производств есть работы, которые требуют терпения. Они монотонны, и поэтому утомительны. И их люди стараются избегать. Каким же надо обладать терпением и убежденностью в необходимости своего дела, чтоб день за днем, год за годом, целые десятилетия наблюдать, фотографировать, один и тот же участок неба, чтоб заметить хоть малейшие изменения в нем. А это есть факт первостепенной научной важности…»

Похоронили патриарха отечественной астрофизики здесь же, в Бюракане, возле башни главного телескопа.

Ничто существующее не может быть уничтожено… Глубоко копали, однако, эти древние греки…





Николай КАСЬЯН. 1987 год

Николай КАСЬЯН

Кто видел старый-престарый фильм «Праздник святого Йоргена» с участием актеров Игоря Ильинского и Анатолия Кторова, игравших двух жуликов, тот наверняка помнит эпизод, где совершается божественное чудо: калека бросает костыли, неуверенно топает отвыкшей от ходьбы ногой, а затем устремляется в пляс. Чудо! Господь явил чудо! Конечно, жало сатиры было направлено на то, что подобных чудес не бывает, дурят нас бедных, дурят! Однако, нашелся человек, который не согласился с такой установкой – сначала подверг ее сомнению, а потом и сам научился творить чудеса. К нему вносили четверо мужиков неспособного двинуть ни рукой, ни ногой человека, а через минуту, он уходил почти сам. Нет, он висел на плечах своих товарищей, но ноги уже как-то шевелились, да и руки переставали быть плетьми. А и всех дел-то было, Касьян несколько раз коснулся рукой больного и – о чудо! – недуг ушел. Вот и верь после этого, что чудес на свете не бывает.

Говорят, самое великое чудо на свете – это человек. Нет, я говорю об этом не в каком-то возвышенном, поэтическом смысле, я не обоготворяю человека, а говорю о нем скорее как о машине так сложно задуманной и сработанной и такой универсальной и совершенной, что подобия подыскать невозможно. Но суперсложные системы можно, пусть схематически, для понимания основ и принципов ее существования, упростить. При таком огрубленном упрощении человек – это конструкция из несущих и опорных балок - костей, трубопроводов - сосудов и прочих «трубок», и электрических цепей - нервов, по которым передаются команды из штаба, головного мозга, в действующие воинские подразделения. Балки способны со временем разрушаться, смещаться, конструкция оседает, что приводит к сдавливанию «трубопроводов» и «электропроводки», сигналы или боепитание перестают поступать в войска, наступает анархия. Тот или иной орган бунтует, человек становится инвалидом. А всех и дел-то – где-то в единственном месте пережат нужный для правильной работы сосуд или нерв. Не то, чтоб совсем пережат, жить еще можно, но становится очень скучно.

«Позвоночные столбы зашагали в Кобеляки…» Одно из писем, мешками приходивших к целителю, заканчивались стихами «подопечного» Касьяна. Из тех «подопечных», что толпами, в любую погоду осаждали его дом .

Не думаю, что Касьян был единственным, который понял причину многих недомоганий. Но профессиональные врачи консервативны. Это с одной стороны хорошо: мы не всякий раз превращаемся в подопытных кроликов. Но с другой стороны, если утвердился, скажем, обычай все решать с помощью скальпеля, операции, то специалиста почти невозможно убедить, что есть и иные способы излечения, более щадящие, мануальные. Мануальные, значит, поводил где-то руками, слегка надавил или пристукнул, глядь, и заработало. Примерно так мы ремонтировали старый приемник или телевизор. Шипит, скрипит – хлопни по нему, авось, и заработает. Но в случае с человеком надеяться на авось слишком опасно: не ровен час, тот помрет или парализует окончательно беднягу. Одна из многих наших неприятностей – смещение диска между позвонками. Диск – это такая хрящевая прослойка, которая обеспечивает гибкость и подвижность позвоночника. Бывает, рванув непосильную тяжесть, мы «выбиваем» диск с его места, а смещаясь, он зажимает нерв или сосуд. Мы говорим: «Ой! В спину вступило…» И не согнуться, ни разогнуться. Приехали! Может, само пройдет, а может, так навсегда тебя и скрючит– уж как карта ляжет.

Хирург говорит: «Мы сейчас чик-чик ножичком, где надо подрежем – и побежишь, как новенький». А Касьян: «Зачем кровь пускать? Мы так попробуем все наладить, ручками, ручками…» Одним из феноменальных качеств Касьяна была способность этими самыми «ручками» за пару секунд устанавливать причину недомогания (диагноз) без всяких анализов, рентгеновских снимков и томограмм. Он пробегал пальцами по хребту, как музыкант по клавиатуре, мгновенно определял, что там не так, делал вывод, несколькими ударами кулаком через свою ладонь ставил позвонок или хрящ на место, затем обхватывал больного руками и встряхивал его. На все про все 13 секунд. Не верите? Сам замерял. За два часа приема он принимал больных 200-300. Невозможно? Видел сам. Ну, конечно же, он нарушал все возможные правила врачебного приема, не вел записи пациентов, не записывал истории болезней, не делал ничего рутинного, что и поглощает львиную долю времени врача. Официальная медицина «доставала» его, как только могла. А как по настоящему «достать», если все тузы, и местные и союзные, и сами, и с женами, и с домочадцами – все к нему, ежели что… Он часто приезжал в Москву. Большие начальники вызывали (просили),

Пресса защищала Касьяна, К середине перестройки ему стало доступно телевидение. Теперь о нем уже знала вся страна. Самые уважаемые и почетные люди страны считали не зазорным поддерживать с ним знакомство и вести беседы. Касьян приобретал вес в общественном движении. Но он придерживался «неправильных» для того времени взглядов: не хотел разваливать Советский Союз и не пытался добить «проклятых коммуняк», от которых в свое время и сам натерпелся. Он хотел лишь свободно лечить людей. Может быть, создать фонд, который бы помог страждущим скорее получать помощь. А эти страждущие боготворили его, и очередь к нему не иссякала ни днем, ни ночью.

селили в гостиницах полузакрытых, но премилых. В Кобеляках, полтавском селе, где проживал Касьян, всегда было народу, что в твоем цыганском таборе, а вернее на ярмарке. Может сотни, может, тысячи людей. Приезжих. К Касьяну. Ночью, часов с двух-трех он принимал две-три сотни, как я уже говорил, да днем еще, да потом. Вся страна съезжалась к нему. Но такое же столпотворение происходило и в Москве. Никто не сообщал официально о приезде волшебника. Но сарафанное радио покруче интернета. И тут толпы, и тут сотни больных у гостиницы. А Касьян все хлопает и трясет. У меня уже вышел очерк о целителе в «Огоньке». Касьян не мог отказать в просьбе показаться в редакции. Как только он появился в издательском доме, тут же выстроилась змееобразная очередь к нему на прием, хотя приезжал он вовсе не для излечения страждущих. Оказалось, что проблемы с хребтом, испытывает девять из десяти людей. Остеохандроз. «А бывают люди, не страдающие им?» - «Бывают, - ответил Касьян, - косцы…» Те, из сказок, с косами. Вертят все время позвоночником, вот все и гнется и ничего не зажимается. «Дай-ка я тебя посмотрю», - предложил Касьян. Он пробежал по позвоночнику, пощупал ступни и определил: «Бурсит?» - «Точно, есть». «С кишечником есть проблемы?» - «Вроде нет». То, что они были, я узнал через пару лет. Хорошо, что оказалось еще не поздно. «Так, шейный остеохандроз». Он помял шею, встряхнул. Легкость, которую я почувствовал после этого, описать затрудняюсь. Но от этой легкости я буквально парил над землей, а ведь я вовсе не жаловался на свою шею. Потом предупредил: «К шее никого не допускай, одно неверное движение – ты труп!» Пережатые сосуды, нервы – это еще более-менее ясно, его профиль. Но как этот дьявол прочел мои уже существующие и «будущие» недуги? Вопрос, что называется, на засыпку.

Был ли Касьян корыстен? Как смотреть. При такой-то известности, славе, востребованности он мог бы быть первым олигархом страны. Правда, за чужими прибылями тогда следили строго, был бы повод, могли б и посадить. У Касьяна была скромная зарплата врача какого-то местного медицинского учреждения. Жил он в достатке, но не более того. Он не устанавливал никакой платы, не смотрел входящему в руку – что принес. Однако, если кто-то что-то приносил, он не возражал. Денег шуршащих я никогда не видел, но красивые бутылки, фрукты, жареные куры громоздились в его гостинице. За порог гостиницы редкой курице или бутылке удавалось выбраться: все сметалось тут же в номере самыми близкими «друзьями», всегда охочими разделить с Касьяном компанию. Нет, Касьян не был корыстен. Он был скорее рабом своей идеи – по возможности никогда не отказывать страждущим. Сколько он принимал ежедневно больных? Триста, пятьсот, тысячу? И это изо дня в день, из сезона в сезон, из года в год. Ему некуда

было скрыться, да он и не пытался скрыться ни в командировке, ни на курорте. Всюду толпы – помоги, спаси. Некоторые больные были привязаны к нему десятилетиями. Почему? Лечение Касьяна не было радикальным. Вправленный на место диск или позвонок со временем мог сползти обратно, снова пережать сосуд или нерв, и снова: Касьян, помоги. По хорошему, каждому бы больному следовало пройти длительный курс лечения, да и дальше внимательно оберегать себя от случайностей, укреплять, тренировать мышцы. Словом, думать о возможных последствиях. Куда там! Зажило – и вперед! А потому поток страждущих не грозил никогда иссякнуть. А силы человека, даже такого как Касьян, имеют предел. Нельзя десятилетиями спать по 2-3 часа в сутки, нельзя поднимать бесконечное количество тяжестей (встряхни-ка больного, которому центнер). Нельзя было работать до полного изнеможения изо дня в день, нельзя было плотно есть и выпивать в меру, которую определяла душа, раскрытая для любой собравшейся компании. Нельзя, нельзя – а зачем тогда жить? С Николаем Андреевичем мы были почти ровесниками, а вот уж несколько лет, как его нет в живых. Чем измеряется жизнь? Наверное, самой жаждой жизни. А жажда эта у Касьяна была безумной. Удовлетворяя свою жажду, он давал глоток надежды людям. Слишком высокопарно сказано? Согласен. Согласятся ли с этим те, кто вновь получил право на достойную жизнь. А таковых – великое войско…

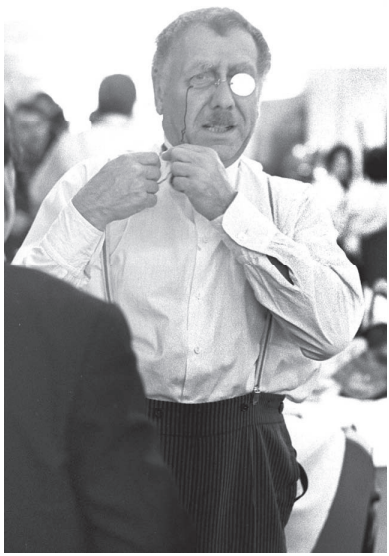
Анатолий ПАПАНОВ 1980 год.

Анатолий ПАПАНОВ

В воскресенье ранним утром по телевизору показывали фильм «Холодное лето пятьдесят третьего года». Смотреть его я не хотел. Единственный раз видел, когда он вышел, четверть века назад, помнил чуть не каждый кадр. Но все-таки ткнул на кнопку канала, да так и застрял до конца…

Саднящий фильм, страшный. Не хочу пересказывать его содержание. А ужас в том, что каждым сюжетным поворотом он тыкал в твою душу: ты бы смог выдержать, не предал бы, не превратился бы в ничтожество, в мразь? Я не пришел к положительному ответу… Не дай бог оказаться в подобной беде. Фильм сгреб твою душу когтистой лапой, рванул ее. Значит, все было сделано так, что зацепило… Главную роль сыграл Валерий Приемыхов, человек невероятного таланта. Он и сам ставил фильмы, и сценарии писал, и снимался у других, когда предлагали роль. Достоверность его игры превосходила исполнение даже тех актеров, которых я возводил на самые высшие ступени актерского мастерства.

Справа на снимке Марк Захаров. Знаменитого режиссера тогда мало знали в лицо.



Вторую по значимости роль играл Анатолий Папанов. Герой его, бывший политический зек, теперь поселенец, в фильме погибает. Незадолго до своей гибели, жуя последнюю в жизни горбушку хлеба, произносит слова; «Об одном только жалею – годы. Так хочется пожить и поработать…» Этот был последний кадр, в котором снимался артист, это были последние слова – значимые и произнесенные прилюдно, слова – эпитафия. Папанов умрет, спустя несколько дней, вернувшись в Москву, в прожаренную летним зноем, пустую квартиру – дачная пора. Говорят, в это время была отключена горячая вода. Папанов решил под душем ополоснуться той, которая была. Организм не выдержал скачка температур, сердце сдало… Он немного не дожил до 65-летия. Как говорят в подобных случаях, жить бы ему да жить.

Папанов был и остается для меня загадкой. Я даже не знаю, к какой категории его отнести: великий или средний, «венценосный», гордый или стеснительный. Любой, читающий эти строки, может спросить: а кто тебе дал право судить? Ты завсегдатай театра, критик, знаток? Нет, я просто человек, со стороны смотрящий, мало знающий актера, но имеющий какое-то о нем мнение, как имеет мнение кошка о любом из членов семьи, в которой живет. Я не раз здесь говорил, и в очередной раз повторяю: заметки мои субъективны, однобоки, допускаю, что мои взгляды могут не совпадать с мнением большинства, и даже возбуждать бурное несогласие. Это лишь штрих к портрету героя. И даже если он положен неверно, он мало повлияет на общую картину.

Папанов долго шел к известности. В театре перебивался от одной незначительной роли к другой, кино его в упор не видело. Уже далеко за тридцать стал едва пробиваться росток удачи. А для судьбы и для характера актера это плохо. Мне кажется, ощущение «никто не любит, никому я не нужен» породило чувство неполноценности, или, по крайней мере неуверенности, а свое ли место я занимаю, когда «карта пошла». Отсюда даже его тон, напоминающий крадущуюся походку кошки – извинительно мягкий, предупредительный, какой-то немужской даже. Да трахни ты хоть разок кулаком по столу, пусть все вздрогнут, вытаращат глаза. Как это умел делать Ульянов! Ты мужик или нет? Так и крался Папанов от одной серой роли к другой, полусерой. Так бы и сгинул в киношной безвестности. Сколько таких актеров было. А могло бы и не быть – никто б не умер от сожаления.

Взорвал все режиссер Столпер, предложив Папанову в фильме «Живые и мертвые» роль генерала Серпилина. Таких генералов на экране еще не было – интеллигентных, сомневающихся, страдающих и бесконечно

порядочных. Это был человек, внутренний мир которого совпал с миром актера. И тогда, как из пушки, выстрелилось имя Папанова.

А вскоре актеру пришла оглушительная слава совсем с другого бока. Он сыграл роль обормота и жулика Лелика в бессмертной гайдаевской «Бриллиантовой руке». И что было ошеломительно – Папановский голос. Раскатистый на всю клавиатуру аккордеона, настолько богатый модуляциями, насколько это можно представить. Папанов сыграл эту роль раскованно, почти дурачась, не купаясь даже, а плещась в ней, как ребенок в лохани с водой. Тут уж на Папанова хлынула такая народная любовь, что актер перепугался и стал при каждом удобном случае говорить: глупости, мол, все это, и роль не его, и играть не хотел, и кажется, даже начал стыдиться своего Лелика. Что ж, актеры люди не от мира сего. Даже самому процветающему клоуну в душе хочется сыграть Гамлета, на худой случай Отелло. Разумеется, я со своими низменными вкусами тоже заболел Папановым, и стали страшно чесаться руки, чтоб поснимать его, сделать о нем фотоочерк для журнала. Подступиться к актеру мне помог мой приятель тот же Плешаков, который неоднократно уже выныривал в моих заметках. Журналист Плешаков должен был мелькнуть в качестве артиста-мебели в эпизоде фильма, в котором засвечивался и Папанов. Во время часовых ожиданий – «поставят свет», «зарядят пленку», артисты «дуреют» в курилке, травя байки, анекдоты, слушают всякую чепуху, которая помогает скоротать время. А надо заметить, полуторацентнерный Леша, он же Леонид Петрович, умел травить байки так, как не умели даже актеры. Голова его напоминала сегодняшний интернет (тогда всемирная паутина еще не существовала). В этой голове было складировано столько информации, и так она была разложена по полочкам, и так она была подперчена чуть грубоватым его юморком, что я вполне допускаю, актеры смотрели ему просто в рот. Но как не слушать человека, который был в кругосветном плавании, запомнил каждый порт, каждый шаг по суше, а о каждой упоминаемой личности мог рассказать столько, что можно было подумать, он с ним распил не одну бочку рома. Вероятно, в какой-то из моментов обостренного внимания, Плешаков и забросил ему мысль, мол, его знакомый фотокорреспондент хочет поснимать Лелика, а он, Лешка, напишет текст.

И вот я договариваюсь с актером. Он – приезжай в Останкино. Там в это время доснимались «12 стульев». Папанов изображал Кису. Они сидели вместе с Андреем Мироновым перед общим зеркалом, отдавшись гримерам. Папанов кокетничал со мной: «А что это вы меня надумали снимать? Поснимали бы Андрюшу лучше». Я что-то нечленораздельное буркнул в

ответ, мол, ладно и Андрюшу поснимаю. Наконец, одевшись, и налепив на себя лица героев, актеры направились в павильон. Проходя мимо, Папанов потрепал меня по брюху – не робей, мол. А Папанов, между тем, «сыграл» уже «главную» из своих ролей – Волка из бесконечного «Ну, погоди!» Этот мультимарофон был конец света. Его смотрели все, смотрели по тысячу раз, смотрели в Союзе и в Болгарии, и рык волчье-папановский «Ну, заяц, погоди!» стал уже настолько знакомо-навязчив, как в наши дни стали Пугачева и Галкин. Мы же в своей темноте и наивности не знали, что в мире уже полвека существуют уолтдиснеевские Том и Джерри… И что все хорошее новое наше – это давно забытое отличное тамошнее. Но мы чуточку отвлеклись… В павильоне ничем особо разжиться не удалось. Съемки собственно фильма были закончены, а теперь доснимался план главных героев, сидящих на стульях и вращающих головами и глазами. Довольно глупо и бессмысленно. Но потом на этот план были наложены титры, и все стало на свои места… Телефильм, вышедший на экраны, я воспринял без энтузиазма. Замечательны были мелодии и шлягерные песни, но «картон» театральной условности меня «колдобил». Миронов и Папанов не стали для меня ни Бендером, ни Кисой. Во мне уже прочно сидели гайдаевские Остап и Киса, то бишь, Гомиашвили и Филиппов, и никак не пускали на свои места новых претендентов.

Второй и последний раз я встретился с Папановым, когда мне нужно было снять его для открытки. Фотографировал я его в театре. Он подошел тихий, скромный, вежливо-обтекаемый. Говорил, что не хочет больше в кино сниматься. Сойдет скоро с этой стези. А ему еще не было 60-ти. «Буду жить на даче, огурцы растить», - пугал он меня. И снова не мог я понять: это он всерьез или кокетничает.

Я не видел Папанова на сцене, говорят, он был очень хорош, особенно в паре с Мироновым. Но видел, как и миллионы телезрителей капустники, в которых участвовал Анатолий Дмитриевич. Участие в капустниках меня ужасало. Особенно, один номер, где актер, парадируя изображает то ли Льва Толстого, то ли какого-то босяка. На его ноги одеты огромные бутафорские босые ступни. А под ними я с болью ощущал его собственные ноги. Во время войны будущий артист был ранен в ногу, ее не отрезали, но удалили часть ступни – то ли часть пятки, то ли пальцы. Больших усилий стоило актеру научиться ходить не хромая. А еще актер что-то пел. И мне казалось, что актер «вымаливает» улыбку зала. Скоморошество плохо шло Папанову. Правда, эти потуги «рассмешить», судя по дрянному качеству изображения относились к давним годам, может, годам полной неуверенности Папанова в своих актерских силах.

А в какого замечательного Водяного «вызреет» Папанов с годами! Голос Папанова в мультфильмах – это чудо из чудес, бриллиант, явление! В мультфильмах, спрятавшись за своего рисованного героя, Папанов разворачивался широко, не стесняясь, никого не изображая, а цветя и благоухая.

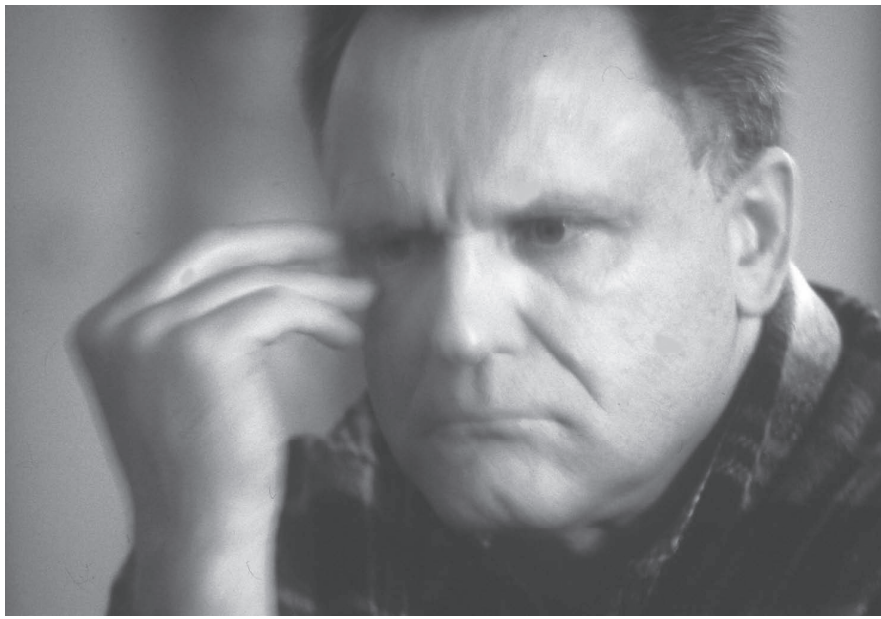
Конечно, я не прав, конечно, я ошибаюсь, конечно, я утрирую, впадаю чуть не в карикатуру. Но я любил и люблю этого актера. А любящие всегда жестоки, они хотят с объекта своего воздыхания сдуть каждую пылинку, стереть каждое пятнышко. Но вместо этого наносят ему только новые ссадины…

Николай ЕРЕМЕНКО-Младший. 1999 год.

Николай ЕРЕМЕНКО-Младший

Они непременно должны были встретиться. Но время еще не пришло. Один был фантом – плод воображения писателя. Другой реальный, из плоти… Встретиться и слиться. Словно, существует какое-то то зеркало, у которого встречаются твое Я и твой прообраз. Николай Еременко-младший и Жюльен Сорель. Слегка загадочный, самовлюбленный. Сердцеед, обольститель. Наделенный красотой. Но не той мужской, чуть грубоватой. Казалось, это «**молоденькая переодетая девушка**… (здесь и далее выделенные шрифтом цитаты из Стендаля, «Красное и черное». – Л.Ш.)». Тем не менее, женщины немедленно падали, сраженные его обликом. Они и падали, и слали мешками письма, некоторые даже грозились покончить с собой, если их любовь останется безутешной…

Он был почти точной копией своего отца. Только у отца, пережившего войну, плен, угрозу расстрела, страх преследований со стороны «органов», полуголодное существование начинающего артиста, «смазливость» ушла, оставив глубокую мужскую красоту… А сын с детства должен был утверждать, что не хуже других пацанов – расхристанных оболтусов со двора, введенных **«в полнейшее заблуждение нежным цветом лица, большими черными глазами и его красивыми кудрями**». Однажды с ним произошел такой случай: мальчишка провалился в выгребную яму – по уши нырнул в дерьмо. Спасибо, приятель спас, вытянул. Случай, конечно, глупейший и «аварийный» - каждый может оказаться в подобной ситуации по воле случая. А вдруг это не случай, а стремление «отмыться»? **«Кто бы мог подумать, что это юное девическое личико, такое бледненькое и кроткое, таило непоколебимую решимость вытерпеть, если**



Еременко разный? Возможно, но при виде фотокамеры слегка «наигрывает».

понадобится, любую пытку, лишь бы пробить себе дорогу» - откреститься от своего ангельского образа и заодно от неприятного дворового прозвища Артист?

В Витебске, городе, еще до рождения мальчишки пережившем войну, можно было нарыть и побитых, но годных к употреблению стволов, и патронов, и проржавевших гранат и мин. Парню, как некоторым из его наиболее неудачливых приятелей, не оторвало головы, не выжгло глаз, не побило лица, даже все пальцы остались на месте… Младший Еременко был баловнем судьбы. А Старший, тоже Еременко и тоже Николай, вчинял в приступах справедливого гнева солдатским ремнем «науку выживать» в наиболее подходящее для этой науки место – пятую точку отрока. Впрочем, если верить словам матери героя, отец был только добрым и ласковым увещевателем, разве, что лишь единожды погрозившим пальцем сыну…

Кроме желания слегка маскироваться под кого-то, можно отметить и рано проявившееся женолюбие. **«С самого раннего детства с ним не раз случалось, что его вдруг охватывало страстное воодушевление. Он погружался в восторженные мечты о том, как его будут представлять парижским красавицам…»** Не каждый из мужчин может отнести свою первую влюбленность… к детсадовскому возрасту. «На лето наш садик выезжал на дачу. Я так там влюбился в свою воспитательницу, что дико ревновал к ухажеру, который приезжал ее навещать. Помню, я настолько рьяно оказывал ей знаки внимания, что она даже стеснялась этого моего чувства, не зная, как на него реагировать…»

Артистом младший Николай быть не обирался. Но заканчивая школу, надумал все-таки податься во ВГИК – институт кинематографии. Он уже понял, что белая пыльная тряпка, висящая на стене, – это таинственная золотая дверца, ведущая к известности. Популярности, а, возможно, и славе.

Первый заход Николая-младшего в святилище успеха не принес. Курс в тот год набирал Борис Бабочкин. Еременко пришлось вернуться домой в Минск. Год мыл колбы в каком-то институте, работая лаборантом. А через год нужно было брать реванш. Теперь набирали Сергей Герасимов и Тамара Макарова, которые уже знали Еременко-старшего и благосклонно отнеслись к его сыну. Коля был принят «в актеры», а в дальнейшем ему предстояло стать любимцем старого киноволка Герасимова, который «откован» половину актерских кадров советского кинематографа. Жизнь удалась… «**Я вижу в вас некую искру, которой не следует пренебрегать**» - мог бы вслед за аббатом, воспитывавшем Жюльена, произнести и Герасимов.

Вероятно, как и тот аббат, мог добавить: **«Тяжкая тебе предстоит жизнь… Зависть и клевета всюду будут преследовать тебя…»** Красавец был влюбчив, Герасимову импонировала и эта сторона ученика. Учитель и сам не отличался скромностью по части общения с дамами. А своим ученикам мог задавать шаловливые вопросы. «Вы и в самом деле знаете Пушкина? А знаете ли, что он вел «Кавалерский список», в который было занесено 422 дамы? А сколько осталось не занесенных?»

«На примере Герасимова я понял, что грешники – лучшие учителя». Учитель не был ханжой, понимал, любой опыт, даже скабрезный, все в копилку будущих образов. Из ученических спектаклей вырастали фильмы. Так было с «Молодой гвардией», так случилось и с «Красным и черным» по Стендалю. Еременко был воплощением Жюльена Сореля. И может потому Герасимов принял решение снимать фильм, что как и аббат Пирар, мог признаться: «**Да, да, дитя мое, я привязался к тебе, Господь видит, что случилось помимо моей воли…»** Успех фильма был огромен. А вероломный обольститель свел с ума и половину женщин советского пространства. Письма, адресованные Еременко, завалили его с головой.

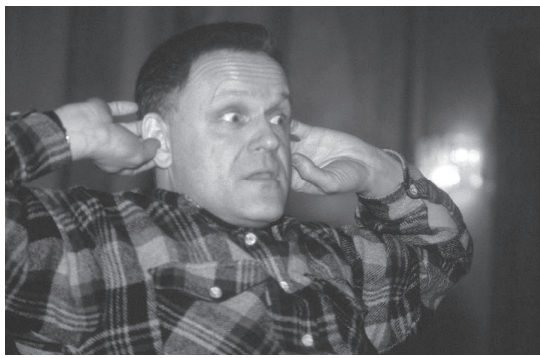
«Я хорошо почувствовал этого француза Сореля – он безумно честолюбив. А в нашей актерской профессии честолюбие, как бензин для машины, без него не поедешь», - говорил актер.

Потом был ошеломительтный успех «Пиратов 20-го века», где Еременко сыграл супермена советского разлива. И снова слава до небес.

Актер Владимир Гостюхин, бывший однокурсник Еременко, вспоминал: «Колина известность в то время достигала зенита, с ним просто невозможно было ходить: его мгновенно окружали поклонники. И когда я однажды услышал от Николая: «Володя, а я тебе завидую», то просто опешил. «О чем ты говоришь, Микола? Меня никто не узнает, а к тебе выстраивается очередь!» - «Ты сыграл Рыбака у Ларисы Шепитько в «Восхождении». А такое актеру дано раз в жизни…» Он страдал от своей типажности. Часто говорил мне: «Вот, Вовка, ты попадаешь со своей внешностью в разные образы, а я – нет…»

А годы шли, теперь и типажность молодого красавца уходила. **«…Семинарская душонка может чувствовать себя неудовлетворенной только от отсутствия денег и жизненных благ. У него было совсем другое: он ни за что в мире не позволит, чтобы его презирали…»**

Кинематограф 90-х неуклонно загибался, актеры бедствовали без работы, без востребованности. Со смертью Герасимова ушло то мощное плечо, на которое Николай мог всегда опереться. Отдалялись и друзья по курсу, кто спился, кто был даже убит.



У Еременко шла репетиция, в которой участвовали Илзе Лиепа и Игорь Шкляр. Но Николай Николаевич. знал, что пришел-то фотограф ради него. Он хмурил лицо, таращил глаза, наигрывал и переигрывал, видимо полагая, что я приму все за чистую монету.

Я встречался с Николаем Еременко накануне его пятидесятилетия – готовил снимки для журнала. Предполагал встретить холодного и самовлюбленного гордеца, а я неожиданно увидел приветливого, радушного парня. Он охотно принимал мои предложения по съемке, позировал. Мы перешучивались. Не зная его семейных отношений, я посетовал, что он не уговорил жену и дочку принять участие в съемке. «Женщины! Вы же знаете, какие они!..» На прощанье мы даже выпили по паре рюмочек из бутылки фирменной водки «Еременко». Мне бы следовало знать, что он давно уже не живет со своей первой семьей, хотя формальные отношения не порваны. И вторая его любовь, увенчавшаяся гражданским браком и новой дочерью, тоже дотлевает… «Лось, - подумалось мне, уходя, – Здоров и молод!» И без комплексов.

Правильно говорили о нем приятели: «Кольку надо знать! В своей компании он же душа: поет, играет, хохмит…»

А вскоре пришло сообщение: Минск схоронил Еременко-старшего. Актера, которому уже немного перевалило за 70, любили и уважали. Он не делал гадостей, играл мужественных людей и сам был таковым… А через 11 месяцев не стало и Младшего…

На съемках фильма «Сын за отца», который младший Николай стал снимать как режиссер ради своего отца, к грузнеющему актеру пришла новая любовь. Она работала в его киногруппе, но не была актрисой. После смерти отца Николай решил наконец развязать узел первого брака, формально просуществовавшего 25 лет, и в очередной раз начать жизнь заново. Может и у него еще родиться сын. И будет, конечно, актером. И тоже Николай Николаевичем. Третьим. Чем черт не шутит!

…Актер почувствовал себя плохо в конце мая 2001 года. Рядом была Люся, его последняя любовь – преданная и послушная. Николай запретил вызывать врача или «Скорую помощь». Она не смела перечить. Через два дня, когда врачи все-таки были вызваны к больному, оказалось, что время упущено… Инсульт сделал свое дело.

«Я не прагматик и не романтик, я – реалист. Романтиком я бы не выжил 30 лет в кино, - сказал он в одном из последних своих интервью. – Это достаточно жесткий мир, где, как сказал один великий артист, романтики со смазливой мордочкой плохо заканчивают…»

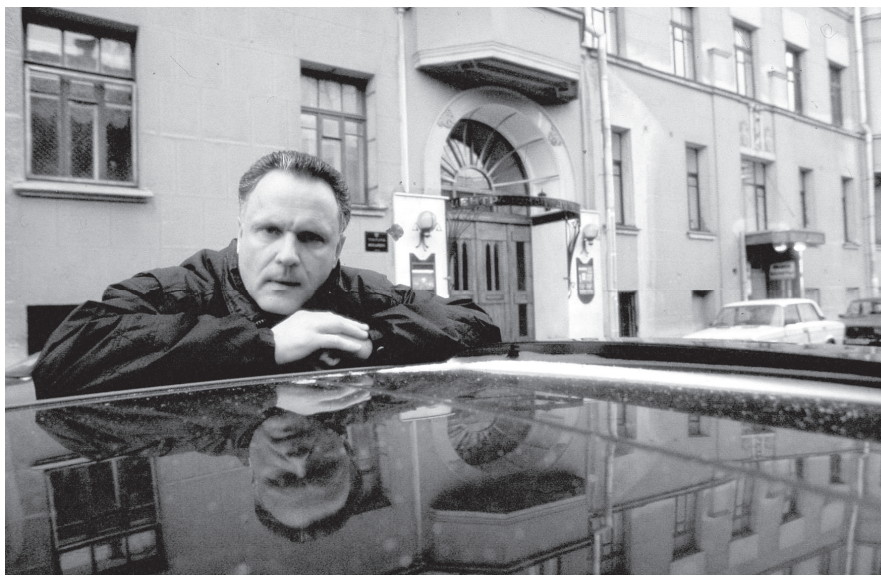
«Неужели я просто злой человек?» Этот вопрос очень мало занимал, когда он был честолюбцем: не добиться успеха – вот единственное, что считалось тогда постыдным в его глазах… Две женщины любили Сореля. Он играл страстями обеих, не видя той боли, которую приносил им своей игрой. Любил ли он сам? Временами ему казалось, что он обезумевает от страсти, временами он презирал эту страсть…»

За гробом реального Сореля – Еременко шли три женщины, подарившие ему свою любовь – ему, «одинокому волку», как любил о себе говорить не «прагматик и не романтик, а реалист».

Нет, реалиста он только играл. А оставался мальчишкой, который вопреки представлениям своего зеркального двойника, верил в сказку – волшебный, но не существующий мир, готовый с радостью принять тебя в свои объятья…

«Если говорить о самом ярком впечатлении детства, это – мгновения, когда после холодной осени, зимы и весны бабушка в первый раз выпускала меня на улицу погулять босиком… Это было просто фантастическое ощущение: сначала бежишь по холодному полу и ступенькам подъезда

вниз, потом вылетаешь на улицу, и падаешь ногами на теплую землю. И потом уже и не бежишь – паришь над этой землей… Ну просто дикий восторг! Я это не только помню, но ощущаю, будто происходило все буквально вчера!..»



Игорь ДМИТРИЕВ. 1980 год.

Игорь ДМИТРИЕВ

Его лицо на экране бросалось в глаза сразу. Это было самое белогвардейское лицо нашего советского кинематографа. Тонкие губы, светлые «холодные» глаза, иногда прячущиеся под стеклами пенсне, мясистый «породистый» нос… Таких лиц наши герои не носили. Чуждый элемент… Иная порода.

«Белых, сыгранных мною в кино, так много, что, наверное, хватило бы, чтобы сформировать целый офицерский батальон», - говорил актер. И это не шутка. Длинная вереница людей голубых кровей, началась, пожалуй, с роли Евгения Листницкого в замечательном фильме Сергея Герасимова «Тихий Дон» - в эпоху больших кинематографических свершений второй половины пятидесятых…

Аристократ. Не просто, а лощеный… Только этого не хватало нам, выросшим в бараках и коммунальных квартирах…

Лет 15 назад, приехав в Санкт-Петербург (Ленинград исчез годами раньше), я поехал на Черную речку. Да-да, то памятное место, где Пушкин и Дантес… В 19-м веке это была далекая окраина. В возках, в кибитках по белому пушистому снегу мчались дуэлянты в кромешную даль, подальше от надзирающих глаз. Где этот снег? Серая, черная грязь под ногами. Речка никак не угомонится, не спрячется под лед. Поезд метро пронырнул расстояние от Невского до места дуэли за считанные минуты. Прощай далекий девятнадцатый век… Я ехал к Игорю Борисовичу Дмитриеву. Хотелось поговорить о цикле его передач по телевидению – «…у Игоря Д.» На телеэкране один петербургский интеллигент беседовал с другими, со своими друзьями – писателем, композитором, актером. Имена их были у всех на слуху, а «беседовать» с ними как-то не доводилось. Передача была умна, ненавязчива, согрета теплотой общения близких по духу людей – сильных творческих личностей. Но разговор с Игорем Борисовичем от передачи перешел к беседе о жизни, о судьбе, о предназначении каждого из нас чему-то… У меня возникло странное чувство погружения в то далекое сказочное прошлое, когда дамы в кринолинах кружились по навощенному паркету при блеске тысяч свечей. Когда, пусть хотя бы в высшем свете, даже мысленно не произносились слова «морда», «ублюдок». «хам», а в случае ссоры к ногам обидчика бросалась перчатка… Говорил современник, а виделись эполеты на его плечах, либо черный плащ-накидка, цилиндр… Галантность.

Между этим снимком и предыдущим минуло 15 лет.

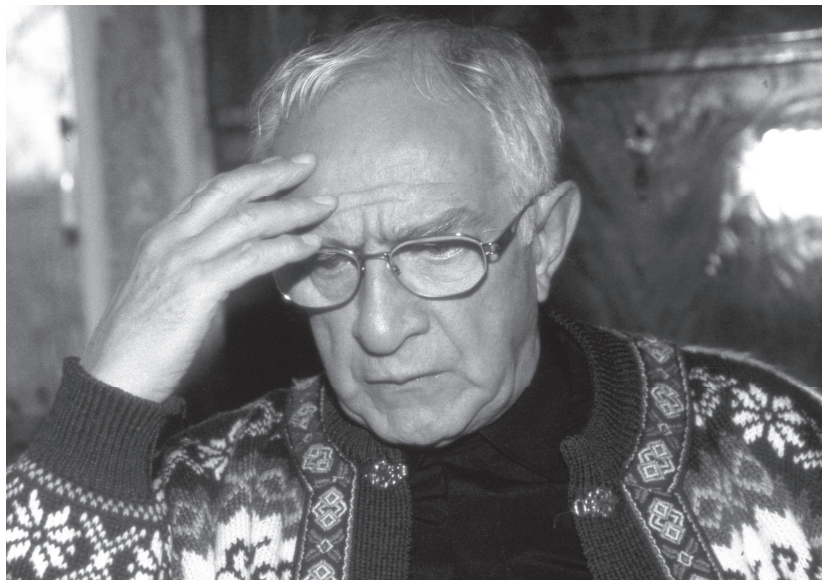
Что означает и вежливость, и учтивость к собеседнику, и одновременно – чувство собственного достоинства.

К моему счастью, в отвалах журналистского хлама я отыскал пару кассет с записью разговора. И решил, пусть актер сам рассказывает о себе, а я временами буду вносить в повествование то, что не возникло при разговоре тогда.

- Вы помните первые сцены романа «Война и мир»? Да-да, салон Анны Павловны Шерер, фрейлины императрицы Марии Федоровны?.. Так вот, моя бабушка была урожденная Шерер. Конечно, не Анна Павловна, а ее правнучка. Как-то летом в родовом имении Шерер произошла судьбоносная встреча Адама Христиановича, сына Анны Павловны, и дворовой девушки Авдотьи. История умалчивает, где это именно случилось: в поле средь ромашек, в скирде сена под луной или у речки – на эту тему можно лишь фантазировать, но через положенное время родился мальчик. Дворовая девка получила вольную с одним условием: родившийся в грехе младенец останется в семье барыни… Таким образом мои корни и уходят в салон Анны Шерер…

- Во мне намешано много кровей: и англо-саксы, и русские, и евреи… В бабушке очень явно выражена была тевтонская кровь, я удивительно на нее похож. Дед Петр Артамонович Дмитриев до революции служил в кавалерии. Он рассказывал, как однажды они с бабушкой и моим отцом, тогда еще ребенком, прогуливаясь по Летнему саду, увидели, как навстречу идет сам государь. Дедушка отдал ему честь, а царь раскланялся в ответ…

- Дед обладал отличной кавалерийской выправкой. На Инженерной улице, где раньше размещались конюшни, он впервые посадил меня, пятилетнего, на лошадь. Однажды, помню, привел на кладбище царских лошадей и собак на Каменном острове. Он помнил кличку каждой из них! С тех пор я люблю этих удивительно красивых животных… Я рассматривал гранитные и мраморные надгробья, на которых было выбито: «Жеребец двора Его Императорского Величества такой-то…» Или – «Сука двора Его Императорского Величества такая-то…» Теперь этого кладбища нет. Нет и надгробий – их разворовали… Дед никак не комментировал наши посещения с политической точки зрения, не стеснял мое детское сознание. Но сам факт, что царская фамилия хоронила даже лошадей и собак, сохранился в моей памяти надолго…



Передача «В гостях у Игоря Д.» только о друзьях, только о людях, которые дороги…

Перелистнем наскоро несколько страниц биографии артиста – одних радостных, других грустных: увлечение театром, репрессии, которые коснулись семью слегка, война, эвакуация в глухой поселок на Урале.

Артистическая жилка все время пульсировавшая под кожей подростка, привела его в школу-студию МХАТ. И снова свела с людьми неординарного творческого духа.

- Преподавателем у нас была Нина Николаевна Литовцева. У нее болели ноги, она хромала, поэтому в гололед мы репетировали у нее дома. А замужем она была за Качаловым. Сам Василий Иванович заходил к нам на урок! Признаюсь, порой я заглядывал в щелку, наблюдая, что он делает в своем кабинете. Однажды я задержался на репетиции дольше других. Выйдя в прихожую, я потянулся к вешалке за своим пальто. Вдруг мне, 18-летнему студенту, подает пальто сам Василий Иванович! «Что вы, не надо!» - запротестовал я. «Дорогой мой, дело не в возрасте, ведь вы – мой гость». Слова эти я запомнил на всю жизнь.

- Я всегда дружил с актерами, которые были старше меня. Мне интересно было их слушать. Таковы были мои университеты.

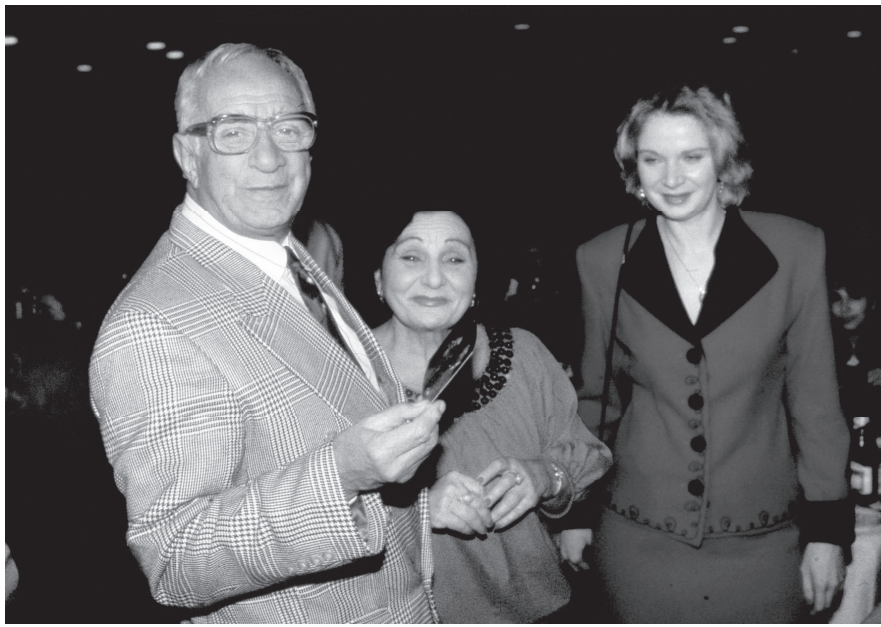
Вот откуда у актера аристократический лоск и умение достойно носить фрак и военный мундир. К Дмитриеву приклеивается клеймо тонкой косточки, аристократа, словом, белогвардейца. И тут поступает предложение от великого магистра кино. Сергей Герасимов начинает съемку «Тихого Дона», Дмитриев приглашен на роль Листницкого младшего…

-Это был выигрыш в 10 тысяч рублей по трамвайному билету! У Герасимова я прошел еще одну школу – чудесную школу мастерства.

В квартире на Черной речке я побывал дважды, с промежутком лет в 15-17. Первый раз в доме присутствовала женщина, его жена, Лариса Павловна. Она работала редактором на Ленфильме. И у нее было хобби – мастерить абажуры. Надо заметить, у нее это весьма ловко получалось. Был еще сын Алеша, которого я так ни разу и не видел.

- Алеша закончил отделение восточных языков Ленинградского университета, овладел хинди, английским и французским. Его всегда интересовали дальние страны, ледниковые вершины, кратеры потухших вулканов. Он катался на доске в океане, прорубался через непроходимые джунгли Вьетнама. Но здесь оказался не нужен. Он уехал в Америку, в Вашингтоне закончил школу стал работать в американской технической компании в Нью-Йорке. Дела пошли успешно. У него родились двойняшки – Дора и Полина. Лариса Павловна поехала в Нью-Йорк нянчить внучек. Там она и умерла.

Театр Комедии – на сцене и за сценой. Решили сфотографироваться «на память» под сенью своего кумира Николая Павловича Акимова, основателя театра. Пусть порадуется, что дух театра все еще живет.



Игорь Борисович любил бывать «в обществе». Редко какая-нибудь высокосветская тусовка обходилась без него.

Жизнь начинала показывать свою изнанку. Теперь в квартире артиста ощущалось отсутствие женской руки. Но присутствовал какой-то мальчик, вернее, молодой человек. На глаза он мне не попался, с чем-то возился на кухне. «Это помощник мой», - прокомментировал И.Б., ответив на мой немой вопрос.

- Семнадцать лет я проработал в театре Комиссаржевской, и семнадцать лет я был вне театра. Я только снимался. Но тяга к театру была невыносимой.

Новый приют Дмитриев нашел в театре Комедии, основанном когда-то великим озорником Акимовым. Теперь здесь «озорничали», как и во всех других театрах тогдашней России, другие нравы. Народным, знаменитым артистам платили меньше, чем разнорабочим, а уж тем более частной прислуге. Да и те копейки наивные «аристократы» не всегда могли удержать.

- Иду по Петроградской, прохожу площадь Льва Толстого. Возле меня останавливается машина. В ней люди прилично одетые, не наши –

арабы видно. А уже вечер - темно. Один спрашивает на сильно ломанном русском, как подъехать к какому-нибудь банку, к обменному пункту. Они только с самолета, у них доллары, их нужно поменять на рубли. А они не знают даже, как рубли эти выглядят. Не покажу ли им я русские деньги? А я в тот день как раз получил зарплату. Деньги не велики, но знаете ли… Они взяли одну бумажку, потом другую, вернули, потом покрутили всю пачку – несколько купюр – и вернули их мне. Я пришел домой, полез потом в бумажник! Надо же! Там не оказалось ни рубля! А ведь такие приличные «иностранцы»…

- Недавно я неспешно прошелся по Большому проспекту Петроградской стороны, местам, где я родился. Я ощутил себя человеком, не вписывающимся в этот ритм жизни. Я останавливался у богатых витрин магазинов – меня поражали цены. Ладно, мне ничего этого и не нужно. Но как больно смотреть на пенсионера, стоящего перед продуктовым прилавком и долго прикидывающего, хватит ли у него денег, чтобы купить пакетик кефира и булочку к ужину. Глядя на эту роскошь, на богачей, бросающих деньги налево и направо, не могу не видеть, что культура для этих людей не является чем-то необходимым. Но культура не сдается, борется…

Боролся и Дмитриев. Он создал моноспектакль: стихи и музыка. На сцене Дмитриев и стул. И так все полтора-два часа. И публика слушала: «Две черные розы – эмблемы печали…» Звучали стихи Серебряного века, звучали строки, казалось бы, забытые, но на самом деле, просто отложенные до времени где-то в глубинах сердца. Потом возник этот телецикл «В гостях у Игоря Д.» Он вел беседу-репортаж из Комарово и из Америки, там жил его друг Миша Шемякин. «Вы знаете, откуда появились тулуп и знаменитый картуз Миши? Когда он уезжал, ему буквально не во что было одеться. Мы подыскали и договорились, что б ему подыскали что-нибудь из театрального гардероба…» Чуден мир и забавен в своих шутках-метаморфозах..

Дмитриев в середине 90-х служил в театре Комедии, что на Невском, на задах Елисеевского магазина.. Там тоже мне удалось побывать на одном из спектаклей с участием Дмитриева. Стариков к тому времени в театре оставалось немного, а молодежи хватало. Значит, ребята верили, что настанут еще времена, когда звание артиста не будет ассоциироваться с понятием нищий. А пока каждый выживал как мог. Часто помогало «поддержать штаны» съемка в рекламе. Снимался и млад, и стар, лишь бы повезло, лишь бы тебя выбрали..

Мне запомнился ролик, в котором снялся актер голубых кровей. Рекламировался винпоцетин – средство от маразма, для укрепления памяти.

Говорят, чтоб поверили в рекламу, нужно было найти такого интеллигента, какого… Словом, без Дмитриева – никуда. Единственный на весь Питер…

Единственный чудак, единственный аристократ, единственный и последний из могикан....

Умер Игорь Борисович 25 января 2008 года в 23 часа 55 минут, завершив 8 десятков лет земной жизни… Умер от тех болячек, с которыми винпоцетин и боролся. Ирония судьбы.

«Истинный аристократ и настоящий петербуржец, - написали коллеги в некрологе, - неподражаемый артист и прекрасный благороднейший человек…»

Я подошел к столу, отыскал подаренную мне артистом кассету «Игорь Дмитриев .Мелодекломация». Нажал на пульт. Комнату наполнили звуки рояля, перебор гитары. И возник голос. Он словно обволакивал туманом грез. Завораживал. Влек. Снова мнился дразнящий блеск свечей, молочная белизна оголенных плеч, веера… Сентиментальный девятнадцатый век.

«Я послал тебе черную розу в бокале

Золотого, как небо, аи…»

Потом мелодия затихла, остался лишь голос.

«Свернувшись в калачик, жмется и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ. Мне холодно, я зябну, и все они умерли… умерли…» В наступившей тишине нестерпимо громко стучат часы – это сердце, перекачивающее время.

«Как хороши, как свежи были розы…»

Чингиз АЙТМАТОВ. 1985 год.

Чингиз АЙТМАТОВ

Все-таки я азиат. Иначе, чем бы объяснить, что меня тянуло в Киргизию. В конце 1961 года я приехал в Москву, направился в редакцию «Известий», газету, которая изредка печатала меня и даже выдала свое удостоверение.

«А может, мне в командировку слетать куда-нибудь от вас?». – «Что ж, давай, а куда ты хочешь?» Куда хочешь? Побежал к карте. Вижу, темно-коричневые горы с белыми разводами на них – снега! Во – туда! Хотите на Памир, хотите в Киргизию. Я готов, у меня уже вырастают крылья, скорей выписывать командировку, а мне: «Стоп, стоп, стоп! Давай на Вятку, в Кировскую область. Мы туда корреспондента посылаем, а снимать некому…» Так и отпала Киргизия на этот раз.

Следующий набег я решил совершить через несколько лет, работая уже в «Огоньке». Во Фрунзе была бригада звероловов, которые своими пленниками обеспечивали зоопарки. Стоял декабрь, в Москве прохладно, а там, на юге, поди, по улицам налегке ходят. Выхожу из самолета – мороз градусов за двадцать, ветер, пробирающий до костей. Еще те юга!..

А спустя еще пару десятков лет, мне довелось увидеть Киргизию во всю ее ширь. Я снимал по республике громадный альбом для фотоиздательства «Планета». Раза три уже объехал Иссык-Куль – голубой глаз Киргизии, забирался в самые высокие горы, где выживают только мохнатые яки, наслаждался пловом в Чуйской долине – сельскохозяйственном оазисе республики, а изредка даже пил кумыс, вызревший из молока полудиких кобылиц. Романтика, экзотика…

Чингиз Айтматов часто прилетал в Москву, проживая в доме отдыха кинематографистов.

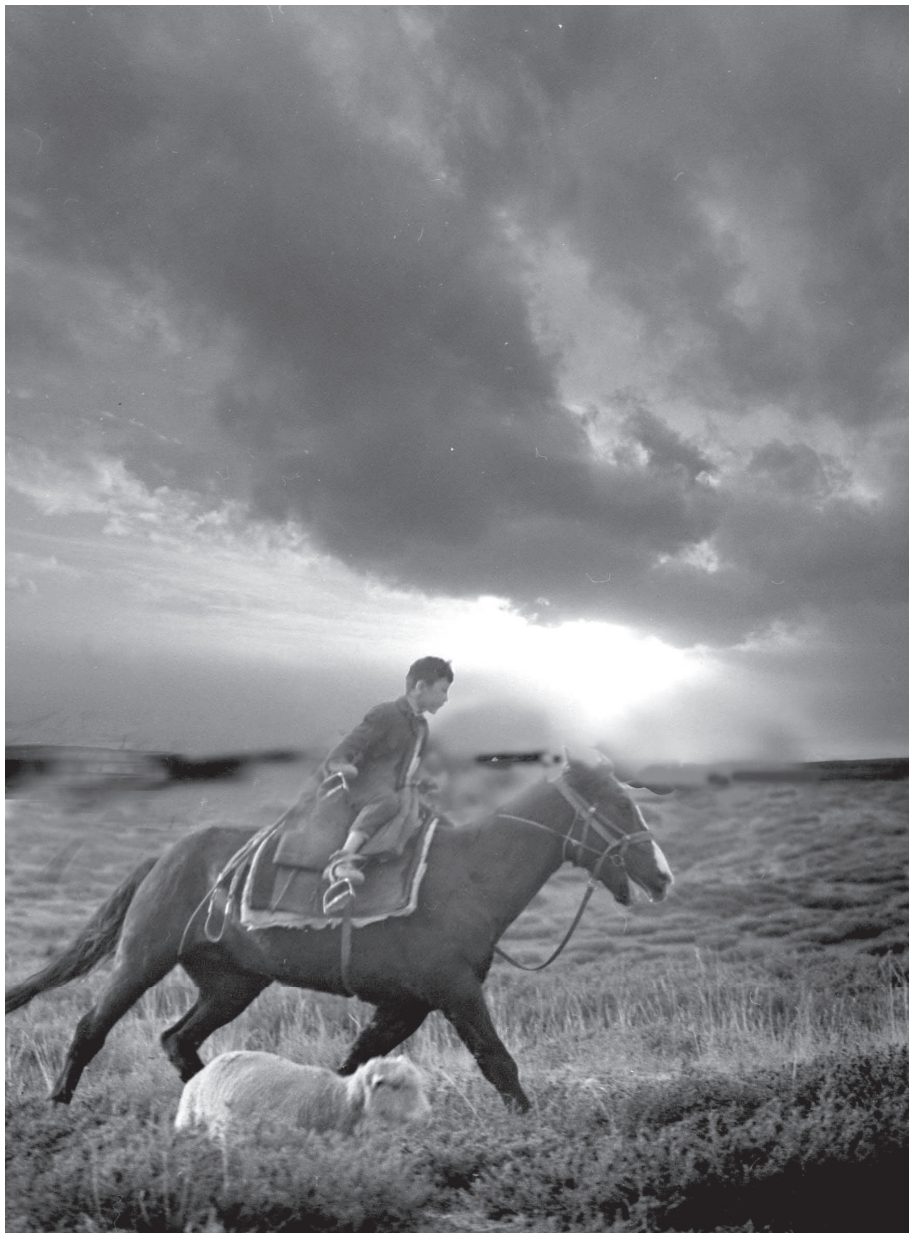
На одном из привалов, возле отар пасущихся овец, я повстречался с коллегой. Это был собственный корреспондент «Правды» Виктор Широков. Был раскинут дастархан, то есть попросту расстелена газета «Правда».

Откуда-то появился шашлык, бутылочка, какая-то скудная зелень, хлеб. Мы наслаждались травой, на которой возлежали, помягчевшем к вечеру солнцем. «О, - воскликнул Виктор, - моя статья!» Статья была на всю полосу. Я повернул голову и прочел подпись: Чингиз Айтматов. «Угу!» - гукнул я. – «Я и не знал, что Айтматов твой псевдоним». Айтматов в те годы стоял так высоко, был таким читаемым писателем, что я вряд ли совру, что и имя его, и произведения, такие как «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», были известны на многих языках мира. «Что ж, я тебе врать буду?» - нисколько не обидевшись сказал Виктор. «Ладно, если не врешь, и ты действительно писал за Айтматова, давай сделаем так: я возвращаюсь в

Москву, предлагаю свою съемку журналу «Смена» - там у них рубрика «Красоты нашей Родины». Ты распечатываешь на машинке эту статью, если хочешь, можешь даже абзацы не переставлять, подписываешь у Айтматова – тогда все со свистом пойдет!» - «Договорились».

Через две недели я получил текст, завизированный лауреатом Ленинской премии, бывшим собкором той же «Правды», а ныне известнейшим писателем Чингизом Айтматовым. А еще пару недель спустя, в руках моих хрустел свежий номер журнала, источая запах краски, от которого у авторов кругом идет голова.

Завершилась и съемка альбома. Сдачу в производство тормозил текст. А текст должен был написать тот же Айтматов – местный Центральный Комитет его умалял об одолжении. После ряда нервных звонков в республику текст, наконец, прибыл. Тамара Феликсовна Ткаченко (в просторечии Феличита), редактор альбома, развернула страницы и «как



Айтматов занимался вопросами кино. Многие его произведения были экранизированы, а сам он принимал активное участие в киносмотрах и фестивалях. Эти снимки сделаны в 1972 году на кинофестивале в Ташкенте.

подрубленная ветка, повалилась на траву (Хармс)». «Лева, посмотри», - слабо промолвила она, судя по тону, прощаясь со мной и миром. Я взял текст, начал читать. И минут пять читал, пока не дошел до первой точки. Точки явно не были пунктиком у Айтматова. Впрочем, и стиль был не айтматовский. Тот, сочный, выразительный, пружинистый мы хорошо знали.

Явно, тут просматривалась какая-то диверсия. Но перелистав странички до последней, обнаружили чернильную визу писателя.

«Что делать?» - «Наплевать и забыть», - «А текст?» - «Взять из «Смены».

- Ты соображаешь, что говоришь? Это же Айтматов!!! – теперь уже моя редакторша должна была точно рухнуть и умереть. Но иного выхода не наблюдалось. Вступительной статьей к альбому пошел текст из журнала, разбавленный двумя-тремя фразами из присланного текста.

Альбом вышел. Айтматова я увидел, когда он приехал в издательство за гонораром. Тогда же и взял его автограф, с которым теперь и пылится старый альбом.

Господа, я понимаю, что ступил на минное поле, в любой момент может жахнуть – кто ты и кто он?

А кто был Джамбул Джабаев из неведомого кишлака-аула – великий казахский акын, или неграмотный бабай? В 1935 году вышла бедненькая книжица на серой бумаге, но со светлым названием «Песня о Сталине». Переводчиком был Павел Кузнецов. Переводчиком с чего? С ненаписанного, наговоренного?

В блужданиях по Киргизии мне попалась (вероятно, среди букинистики) скромная книжица «доайтматовского» еще периода, подписанная двумя именами – Айтматова и судя по фамилии, какого-то еврея. Айтматов был собкором «Правды», к тому же – национальным кадром. А в каждом национальном образовании должен был быть свой эпос, свой национальный герой (1 штука на нацию), один писатель или один поэт. Больше – не надо, а один – хоть вырви глаз.

В дальнейших изданиях фамилия напарника Айтматова больше не встречалась. Зато узнавался айтматовский стиль – ладный, литературно отточенный.

Во время перестройки выходит нашумевший роман, теперь уже выдающегося советского писателя, «Плаха». Поэтичный рассказ о волчице Акбаре и газетный репортаж об охотниках за наркотой. Стили не стыкуются. Скорее выдают какую-то небрежность автора (авторов?). Это об Айтматове я спросил тогда Лихачева: «Есть такой писатель?.. И что он ответил? Смотрите ту главку…

Я не имею права ничего утверждать, но не могу не задаваться вопросами.

Спрашивал своих коллег, имевших дело с писателем. Один ответил: «Врут все, Айтматов – это Айтматов, классный мужик, интересный собеседник».

А двое сказали: «Тянул, тянул, а потом выдал такое – к стенке не приставишь…» А может, он просто давал возможность подниматься под своим крылом молодым талантам? Так почему же он был так к ним нетребователен, и почему он дарил им с такой щедростью свое имя?

Во все века существовали литературные рабы, творческие личности, которым не хватало пробивной силы и упорства, чтоб отстоять свое имя. И художники-рабы были и есть, и скульпторы. Как-то Михаил Шемякин сказал: «Художник вообще ничего не значит». А кто значит? «Галлерейщик! Он создает имя, он дальше делает на нем деньги». Может, в современных издательствах не так? А как же ПИПы – персонифицированные издательские проекты? Если на тебя издатель сделал ставку – изволь, каждый месяц новый роман. Пока не сдохнешь, пока читателю не надоешь, или пока рука не отсохнет? Ничего, руки мы найдем – ты будешь лишь подписывать готовые тексты.

Я не верю сам в то, что говорю об Айтматове, не хочу верить. Но кто мне убедительно опровергнет мои факты? Где ты? Я жду тебя.

Чингиз Айтматов и Суйменкул Чокморов – художник и киноартист. 1983 год.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ. 1982 год.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ

- Скажите, эта улица ведет к храму?

- Нет, уважаемая, эта улица не ведет к храму.

- Зачем же нужна улица, если она не ведет к храму? – удаляясь, бормочет в недоумении старуха.

Уходит навсегда и великая актриса 20-го века Верико Ивлиановна Анджапаридзе.

Теперь уж почти и не сыскать людей, которые бы могли ее вспомнить. В кино она снималась мало, да и когда – в тридцатые, в сороковые. В театре? Ну, тбилисцы-то ее, конечно, помнят, да и то скорее изустно, по рассказам, по воспоминаниям других. Возможно, найдутся и те, кто жил с ней по-соседству. и вживе запомнил эту мудрую старуху. Тбилиси – город южный, значительная часть жизни его обитателей проходит на глазах соседей. Грузины народ общительный, гостеприимный - чуточку даже сверх того, чего на русский взгляд было бы достаточно.

В Грузии существует праздник города. В Мцхете он называется мцхетаоба, в Тбилиси – тбилисоба. Конечно, случаются праздники городов и в России – как бы дни рождения. И карнавальные шествия тут, и речи пышные – куда без них – и фейерверки во все небо. Весело, ярко, но все-таки чуточку официально: один дядя приказал, другие – исполнили. В Тбилиси, сам видел, то же самое – и знаменитости на улицах, и ряженные, и речи, и в небе – брызги шампанского. Но еще – столы, накрытые во дворах, на тихих улочках, под сенью раскидистых деревьев и на голом солнцепеке. Всяк подходи - обязательно станешь гостем! И желанным! Ты недоумеваешь: нет ли тут немного фарса, мол, и мой стол не хуже, чем у других или это искреннее желание поделиться лучшим, что нашлось в доме? Поделиться с незнакомым человеком, и тем обрести нового друга? Мудрый народ, ощущает какую-то тайную сердцевину жизни, самый животворящий стебель ее.

Но среди мудрого народа есть свои мудрецы. Они как родники, что утоляют жажду, как корни дерева, о которых мы редко вспоминаем, даже любуясь величием ствола.

А что такое мудрость? В отличие от ума, служащего, прежде всего, утилитарным, практическим целям (отсюда и определения – холодный ум, здравый рассудок), мудрость вещь скорее иррациональная, мало годящаяся для плотского насыщения жизни. Но без нее не поддержать духовного здоровья. Она утешает нас, когда наступают тяготы жизни, она умеряет наши аппетиты, когда нам начинает валить удача, она ровняет пропасти и вершины… Не важно, как высоко ты стоишь, важно, куда движешься.

- Эта улица ведет к храму?

Фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», в котором сыграла свою коротенькую по времени, но важную и великую по глубине заложенных смыслов роль Верико Анджапаридзе, мистический фильм. Не только потому, что сюжет, его воплощение достаточно неоднозначны, загадочны и многослойны.

Начать хотя бы с того, что его герой (антигерой!) – грузин – само исчадие ада. Но мы знаем, в реальной жизни, куда и метит этот фильм, за плечами этого антигероя стоял другой антигерой, и тоже грузин. Так что же, этот фильм антигрузинский? Ни в коей мере! Это плач по судьбе своего народа, как и любого другого народа, оказавшегося в подобном положении. Отсюда встает другой, более скрытый, но не менее загадочный вопрос: как могла мудрая женщина согласиться играть в этом фильме? Ладно б играть, а по сути, оставлять свое духовное завещание? Тут требуются некоторые разъяснения. Мужем Верико Ивлиановны был могущественный кинорежиссер Михаил Чиаурели. Это был крупный художник из плеяды таких, как Эйзенштейн, Довженко. Без его образов-метафор трудно представить 20-30-е годы нашего кино.

А в 40-е он становится вдруг воспевателем главного тирана нашей страны Иосифа Сталина. Это не приносит ему уважения коллег, но подобострастные поклоны прилюдно и злые шепотки из-под ладони – выслуживается. Никто не может допустить мысли, что его «поделки» могут быть вполне искренними. Конечно, это уже не те прежние яркие песни, рожденные самим дыханием таланта, но и поделками назвать их, язык как-то не поворачивается. Как не назовешь ранние фильмы Михаила Ромма, фильмы о Ленине, подобострастными, хотя на фоне его дальнейших серьезных и зрелых работ они несут ощущение любования своим героем.

Может, муж и жена – не одна сатана, а Верико не разделяла восторженных взглядов мужа на вождя? Попробуйте сделать вывод из маленького эпизода, который возник, когда я был в этом доме. Завершив съемку, я произнес свою обычную фразу и одну необычную:

- Фотография – дело темное. Если, что не так, разрешите заглянуть к вам еще раз, чтоб грехи исправить. И еще: не разрешите ли вы мне переснять вон тот снимок, на стене, свернувшийся корытцем?

У актрисы расширились глаза, мне показалось, она побледнела, вскинула руки, как бы отмахиваясь от привидения, и как-то суматошно сказала: - Нет! Этот снимок может попасть в руки…

Не помню точно, что она сказала – врагов или просто за границу. «Его могут использовать…» А ведь шел 1982 год.

Что же было на снимке, так испугавшее актри-

су? Там был Сталин, делающий пальцами козу или носик. Смелый, рискованный снимок. Не у всякого хватило бы духу так «пошутить» с вождем, запечатлев игривое его настроение. Не стоит шутить с огнем. Как прореагирует вождь: сегодня улыбнется, а завтра испепелит. Я полагал, что щелкнуть затвором мог кто-то из очень близких к Сталину людей. Может, Светлана, дочь, может, Василий, сын.

- Это снимок сделал Власик – начальник личной охраны Сталина, - рассказал мне как-то Самарий Михайлович Гурарий, фотокорреспондент, который уже в молодые годы смог войти в круг наиболее допущенных к «телу» журналистов. – Я учил Власика фотографировать, даже пленки его проявлял, печатал. Ну, а потом он все это уже и сам делал отлично…

Опять загадка: актриса боялась тени Сталина или, как и муж, слепо верила в авторитет и силу собирателя государства?

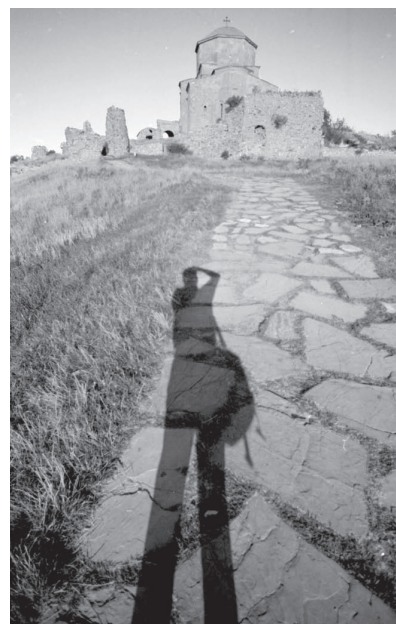
Кто вспомнит теперь фильм, хотя бы, «Георгий Саакадзе», о какой-то великой грузинской исторической личности, в котором играла молодая тогда еще, но эпическая Верико Анджапаридзе? Когда сквозь тебя проступают черты времени – это талант. Когда ощущение вечности – это мудрость.

Родители свой талант передали дочери. Ее все помнят, и смотрят фильмы с ее участием. Это Софико Чиаурели. Добавлю – писанная красавица. Писанная – это не пошлый эпитет, а характерная особенность ее красоты. Красота

Софико Чиаурели. Страна знала ее как киноактрису, Тбилиси, прежде всего, как театральную актрису широчайшего диапазона.

ее не сексуальна – ни пухлых губ, ни широко распахнутых глаз, хотя они и огромны, ни 90х60х90. Но именно такие лица ищут художники, чтоб попытаться перенести их на полотно, написать. Лицо Софико немного ассиметрично. Но даже в этой ассиметрии есть загадка, непостижимость, глубина и даже мистика. Кто видел фильм Сергея Параджанова «Цвет граната», тому врезалось в память это лицо. «Лицо» не «хлопочет» - вообще ничего не делает, даже выражения не меняет. Статичные портреты, как на фотографии, как на полотне – один за другим. И в этом снова что-то таинственное, на что обычная, «бытовая» красота вряд ли способна…

В кино старуха удалялась от нас в поисках храма. В жизни же она стояла на пороге своего дома, а удалялся я. Может, и я шел, раздумывая… Мы вляпываемся в жизнь, как муха в варенье. И как муха, не понимаем: то, что сейчас кажется удовольствием – это погибель. Не ума нам не хватает – мудрости. А мудрость – слишком редкий товар на базаре жизни…



Борис ЕФИМОВ, 2000 год.

Борис ЕФИМОВ

«Бор. Ефимов», дальше черточка и год -49, -58, -63. Не знаю, всегда ли ставил подпись под своим рисунком карикатурист именно таким манером, но, если предположить, что всегда, то за черточкой могли появиться цифры от ранних десятых 20-го века, до первых цифр 21-го века. Жизнь счастливчика длилась больше ста лет. Но что самое забавное, в возрасте 107 лет ему предложили стать главным художником одной из популярнейших газет, он согласился, и больше года, до самой смерти, носил этот скорее почетный, чем, действенный титул.

Разумеется, я ничего этого не знал (как знать, что произойдет более, чем через полвека вперед?), когда стоял, зажав бритву в руке, намереваясь быстро прочертить круг вокруг рисунка, напечатанного в газете, наклеенной на уличном стенде. В годы моего детства – 40-е, 50-е – газетные стенды встречались на улицах города повсюду. На них выклеивались почти все центральные, а также местные газеты. Удобно и ненакладно. Пробежал глазами заголовки, прочел заинтересовавшее – гуляй. Я знал все близлежащие стенды. Нет, статей я не читал. Я охотился за карикатурами. Дома мы выписывали газет семь. Но семь – это же не все. Выписывали и журнал «Крокодил», который я прочитывал от корки до корки, просматривал до дыр, знал всех сотрудничавших с журналом художников не только по именам, а по почерку. Мне достаточно было взглянуть на маленький фрагмент рисунка, я определял – это Ганф, это Бродаты, это Сойфертис, это Борис Ефимов. Последний был моим любимцем. Рисунки его делались линией с «нажимом» - словно гусиным пером, он любил изображать тупоносые (квадратные) носы у ботинок, толстую подошву, тоненькую щиколотку, торчащую из массивного ботинка, и коротковатые штанины-дудочки. Персонажи менялись: воротилы Уолл-Стрита, злобные агрессоры, прихвостни капитализма, вражеские голоса, а ботинки (сапоги) с толстыми подошвами – никогда. Я обожал политические карикатуры и коллекционировал их. Я млел от манеры Бор. Ефимова и научился воспроизводить его подпись так, что отличия не найдешь – энергично, стремительно, как это делал художник. А сам загадочный Бор. Ефимов мне представлялся чем-то похожим на его единственного положительного персонажа – этакого русокудрого молодца с белозубой

улыбкой, мускулистыми грудью и руками. И кулаками, которыми он, то душил козявок-врагов, то сворачивал им челюсти набок.

В начале 60-х я познакомился с Фридляндом, в то время заведующим фотоотделом журнала «Огонек». Уже умирая, он пристроил меня в журнал, в котором я и проработал всю свою жизнь до пенсии. Я познакомился с семьей Семена Осиповича, узнал, что Борис Ефимов его двоюродный брат. А чуть позже узнал, что двоюродным братом Семена и родным Бориса является Миша. Тот Миша Кольцов, который и основал советский «Огонек». Тогда, в начале 60-х, имя Кольцова я услышал впервые. Потом уже все стало складываться в какую-то более-менее цельную картину. Старожилы «Огонька», которых я еще застал, говорили, что журнал своим именем обязан Сталину. Когда он рассматривал предложения о создании иллюстрированного журнала для домашнего просмотра и чтения, остановились на названии. И вождь сказал: «До революции был журнал, который назывался «Огонек». Хорошее название. Почему бы вам не использовать его?». Возражений не последовало.

И в 104 года, и позже Борис Ефимович был бодр,оживлен, и, как говорится, в здравом уме.

Весь советский период издания этого журнала, годом его рождения считался 1923. Но в более хитрые времена к журналу «пришили» года дореволюционного издания, никакого отношения не имевшего к новому «Огоньку». Что ж, если ваш род не так именит, смените фамилию на какую-нибудь из древних, и смело приплюсовывайте к своей биографии рода, идущие хоть от Рюрика. Теперь это просто.

На прощании с Семеном Осиповичем Фридляндом собрались все родственники, кроме… БорЕфимова. Не присутствовал он и у «тети Раисы», как звали родственницу, общую у Семена Осиповича и Бориса Ефимовича. Знаменитый художник здесь не объявился… Немножечко странно, особенно учитывая тесные родственные связи в еврейский семьях, тем более, когда случается такое несчастье, как смерть.

Листая как-то подшивку «Огонька» за 20-30-е годы, я заметил рисунок Бориса Ефимова на обложке журнала. По жанру вроде бы дружеский шарж, но кто будет шаржировать Сталина даже дружески? Сойдемся на том, что это просто рисунок. На рисунке вождь крепкой рукой держит штурвал, на котором написано «К коммунизму!». Буквально, начиная с этого рисунка, журнал становится другим, вместо болтливой объективности, которая может быть даже названа аполитичностью, журнал становится «рупором». Чего? Сами знаете. Это 38-й год. А в конце этого года сажают самого блестящего и удачливого журналиста советской страны, а также главного редактора журнала «Огонек», а также брата блестящего карикатуриста Бориса Ефимова.

Кольцов был срочно отозван из Испании, где он выступал в двух ролях: журналиста и «тихарика» - то бишь человека, занимающегося чем-то явно не явным. Кольцов уже успел выпустить «Испанский дневник». В этой книге он рассказывает о легальной части работы от первого лица – это лицо корреспондент «Правды». А негласная часть работы – представителя властей СССР при республиканском правительстве – в видоизмененной форме передается, как деятельность мексиканского коммуниста Мигеля Мартинеса. В мятежной Испании кого только нельзя было встретить в те годы. Приметной фигурой был там и Хемингуей – любитель охот и пьянок, рисковый, что с бабами, что с собственной судьбой, немножко ловелас, немножко слишком отчаянный человек. Встречался он там и с Кольцовым. Кольцов ему не понравился – ни толстые очки, ни гниловатые зубы, ни комиссарский тон, ни маленький относительно громилы Хемингуея рост. В своей книге «По ком звенит колокол» Кольцов возникает под именем Карков. Если я что напутал, перелистайте книжку.

Так вот, Кольцов был арестован, а вскоре и расстрелян. Но, говорят, в промежуток времени от и до, он успел оговорить более 70 невинных. Я говорю это не в осуждение – кто только не ломался под жерновами чудовищной мельницы. Брата Бориса не тронули, если не считать, что на какое-то время его перестали печатать. Но когда началась война, перо (кисть) карикатуриста понадобились стране, ему пустили кислород, «реабилитировали», если только тут подходит это слово. Дальше идут мои предположения. Борис Ефимов решил навсегда вычеркнуть себя из родственников Фридляндов, будь то Кольцов-Фридлянд, будь Фридлянд Сема, скромный, хоть и известный фотограф…

В конце жизни художника я встречал его мельком, то в перестроечном «Огоньке», то на выставке карикатуристов – маленький, сухонький человечек в толстых очках. Однако, живой, говорливый, словно не чувствующий своих лет. Ему уже перевалило за сто. Родного брата он пережил в два с половиной раза, двоюродного почти вдвое. Все годы, что те двое не дожили, судьба щедро отписала ему.

Последний раз я увидел Бориса Ефимовича в театре на Таганке, где у Любимова должна была состояться очередная премьера. Я подошел к сухонькому старичку, рассыпался в комплиментах о своей еще детской влюбленности в его мастерство, сказал, что до сих пор работаю в журнале, в который меня привел его двоюродный брат. Мне показалось, что я проявил какую-ту бестактность, упомянув брата – Борис Ефимович сделался суше, «ушел» из разговора… Может быть, я задел скелет, хранящийся в шкафу.

А может, и шкафа-то никакого не было. Одни фантазии…

,

Элеи КЛИМОВ. 2000 год.

Элем КЛИМОВ

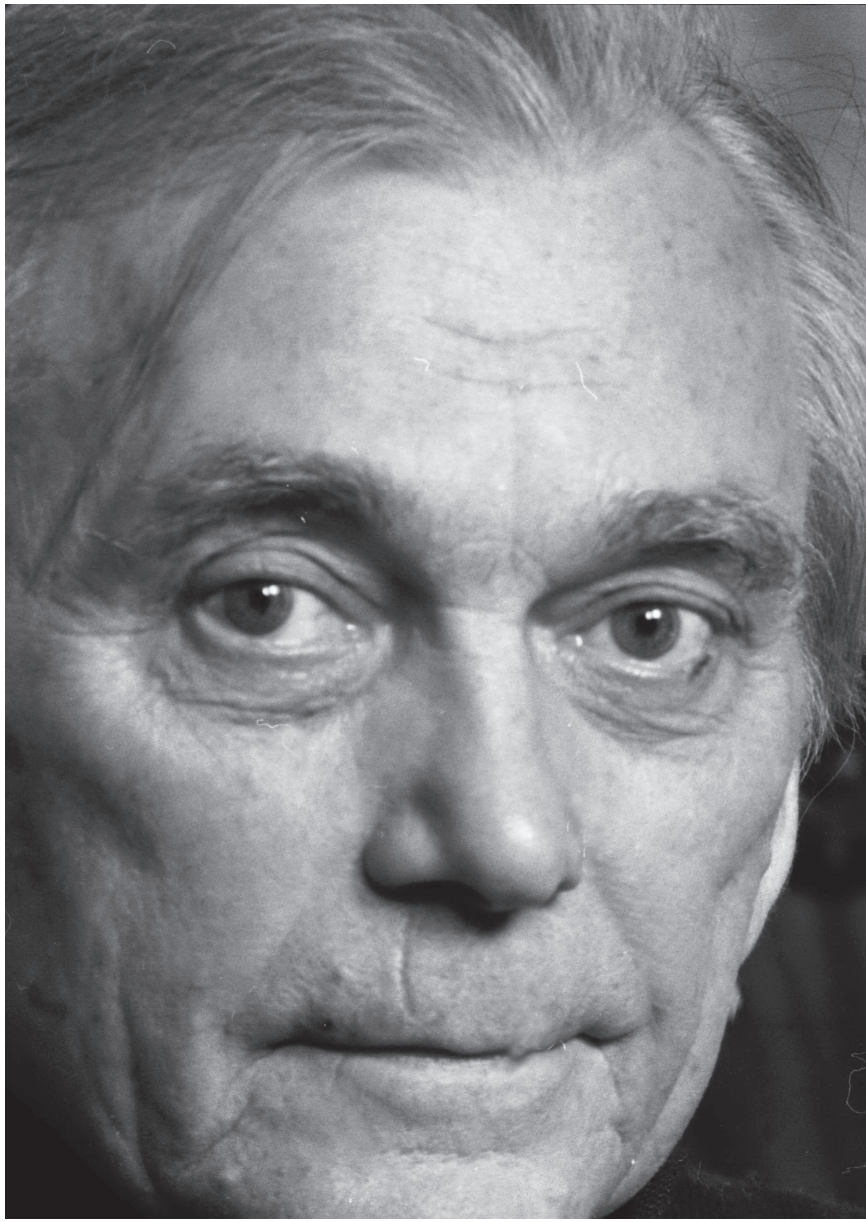
Глаза… Да, именно глаза сближают этих двух людей. Горящие? Проникновенные? Сумасшедшие? И нет, и да. Скрытая страсть в одних, веселая наглость и одновременно тяжесть в других – распутинских. Глаза Элема и Гришки.

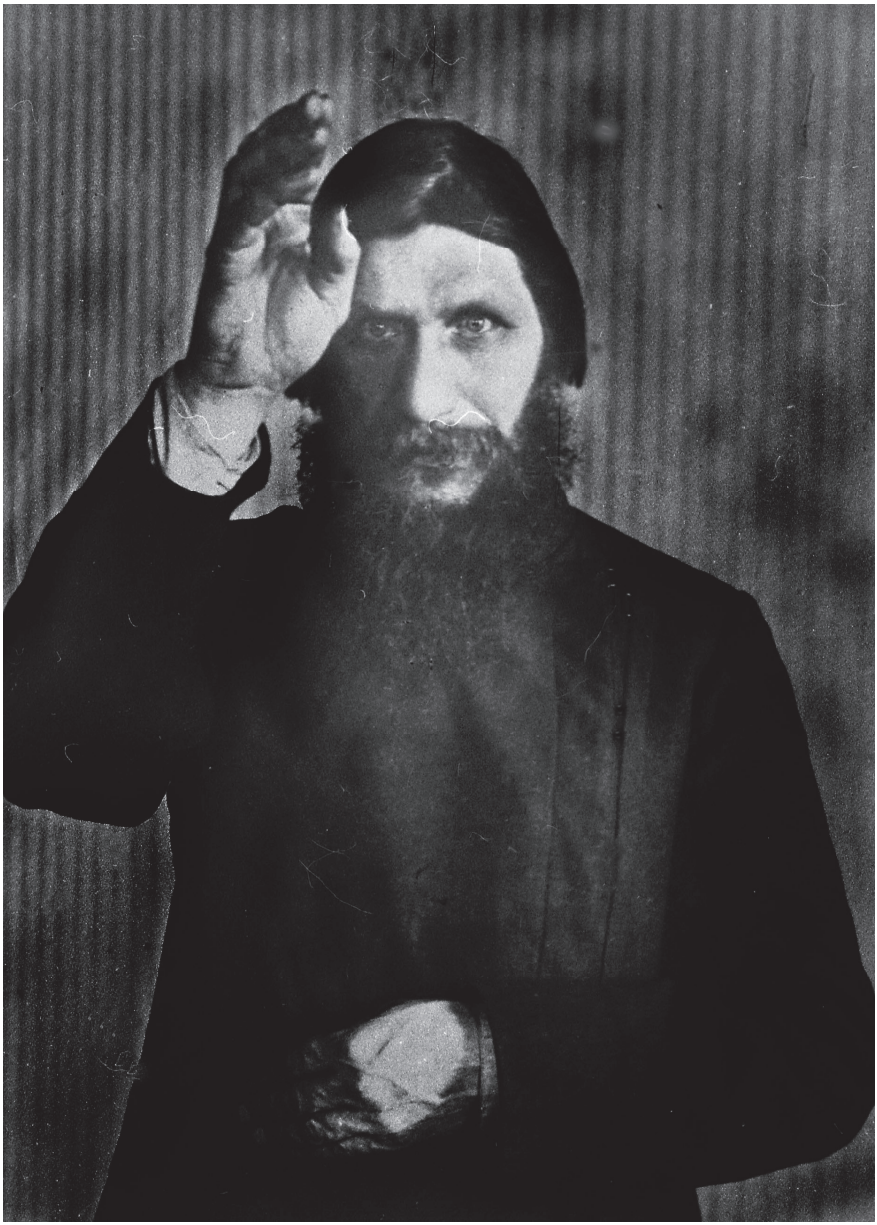
Я сидел в тобольском архиве, перебирал бумажки и фотографии, относящиеся к другой паре, – Григория Распутина и Николая Второго. Первый родился неподалеку, второй отбывал недолгую ссылку в бывшей сибирской столице перед «полной гибелью всерьез». На блеклых снимках Николай II пилит дрова с мужиками. Вот невысокий, спокойный, по-военному подтянутый стоит среди непрезентабельного хозяйственного двора. Временами возникало чувство: дали бы волю российскому самодержцу – плюнул бы он на свое хамски-лживое и трусливое окружение – двор, забросил бы в дальний угол вожжи правления, да занялся бы любимой им пилкой дров, да фотографией. Ей он тоже отдавался всей душой. А созданный им семейный архив говорит о неплохом мастерстве любителя. Среди немногих фотографий, относящихся к Распутину, я обнаружил снимок его «дамы», из местных, - красотка с провалившимся носом. Так, пустячок, но еще один мазок к портрету «Великого старца».

Три личности: Николай II, Распутин и Элем Климов сошлись в некий треугольник в фильме «Агония». Расставлял фигуры на шахматной доске режиссер, то есть Элем Климов. А взаимоотношения между фигурами складывались уже сами по себе. Распутин сыграл в судьбе Николая огромную роль, отчасти положительную, а скорее роковую. Режиссер Климов формально стоявший над своими героями, как и царь Николай над холопом Распутиным, фактически стал заложником своего вымысла. И позже, будто бы, произносил горькую фразу: «Не стоило мне связываться с Гришкой. Это он теперь мне мстит…»

Что ж, люди творческие – рабы своих мыслей и страстей. Они приковывают себя к галерам воображения, да так и сжигают себя, палимые солнцем своих полубезумных видений.

Кинорежиссер Климов прожил короткую творческую жизнь - 7-8 фильмов. Но половина из них – точно шедевры: «Иди и смотри», «Агония», «Прощание», «Добро пожаловать…». Да и остальные – работы мастера. Однако, после последнего фильма «Иди и смотри» – 17 лет молчания и смерть…





А в кино страстотерпец «входил» не мальчиком, а человеком, успевшим до того окончить авиационный вуз и даже немножко «поконструировать» вертолеты… Вот эти страстно горящие глаза. А, может, трагические?

Трагедия не только литературный и драматический жанр. Трагедия – это жизнь почти каждого человека на том или ином этапе. Но только одним удается проскочить жизненную яму, или как-то выкарабкаться из нее. Других она засасывает и губит.

Женой Климова стала Лариса Шепитько – женщина яркой, властной красоты и столь же сильного, изобретательного, недамского характера. Она тоже была кинорежиссером. И следует добавить – от бога. Все ее фильмы – «Зной», «Крылья» - работы высшей пробы. Но «Восхождение» (по Василю Быкову) – фильм непревзойденной боли и чистоты. Посмотрите его, если подвернется случай, составьте собственное мнение.

Они сошлись… Ну и дальше, как у поэта.

Даже одной сильной творческой личности достаточно в семье, чтобы та трещала. Где сходятся две такие личности – почти всегда катастрофа. А тут нет. Жили, любили, надышаться друг на друга не могли. Но и безумствовали тоже, хоть и не часто, но до зубовного скрежета доходило.

А еще был сын. Малыш. Антон. Как телефон связывает отдаленные голоса, так Антон «связывал» их души. Они любили играть в такую игру. «Спроси, Антон, что мама думает?» - «Что ты думаешь мама?» - «Я думаю, что следующий фильм я буду снимать…»

- Антон, скажи маме, что она должна снимать другой фильм!

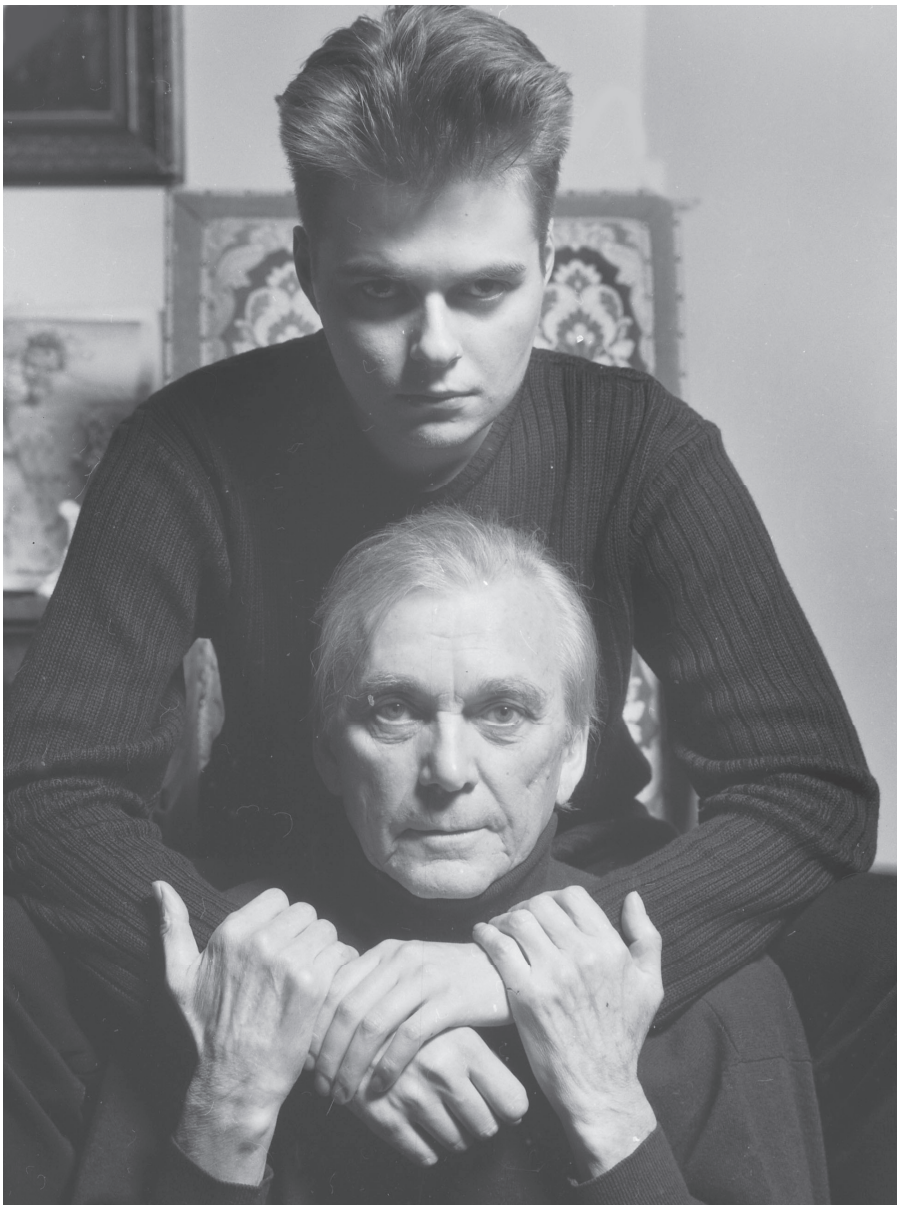
- Какой?

- «Прощание с Матерой».

- Мама будет снимать этот фильм.

Трагедия произошла 2 июня 1979 года на Ленинградском шоссе в двухстах километрах от Москвы.

Климов вспоминал: «Она уезжала на Селигер снимать «Матеру». Со всеми простилась кроме меня. Днями я должен был подъехать к ней. Ее гибель я увидел во сне. Проснулся в ужасе, ходил по квартире, курил, не мог успокоиться. Как потом выяснилось, трагедия произошла именно в это время. На 187 километре Ленинградского шоссе их «Волга» по неустановленной причине вышла на полосу встречного движения и врезалась в летящий навстречу грузовик…» Ларисе не исполнилось еще и сорока.



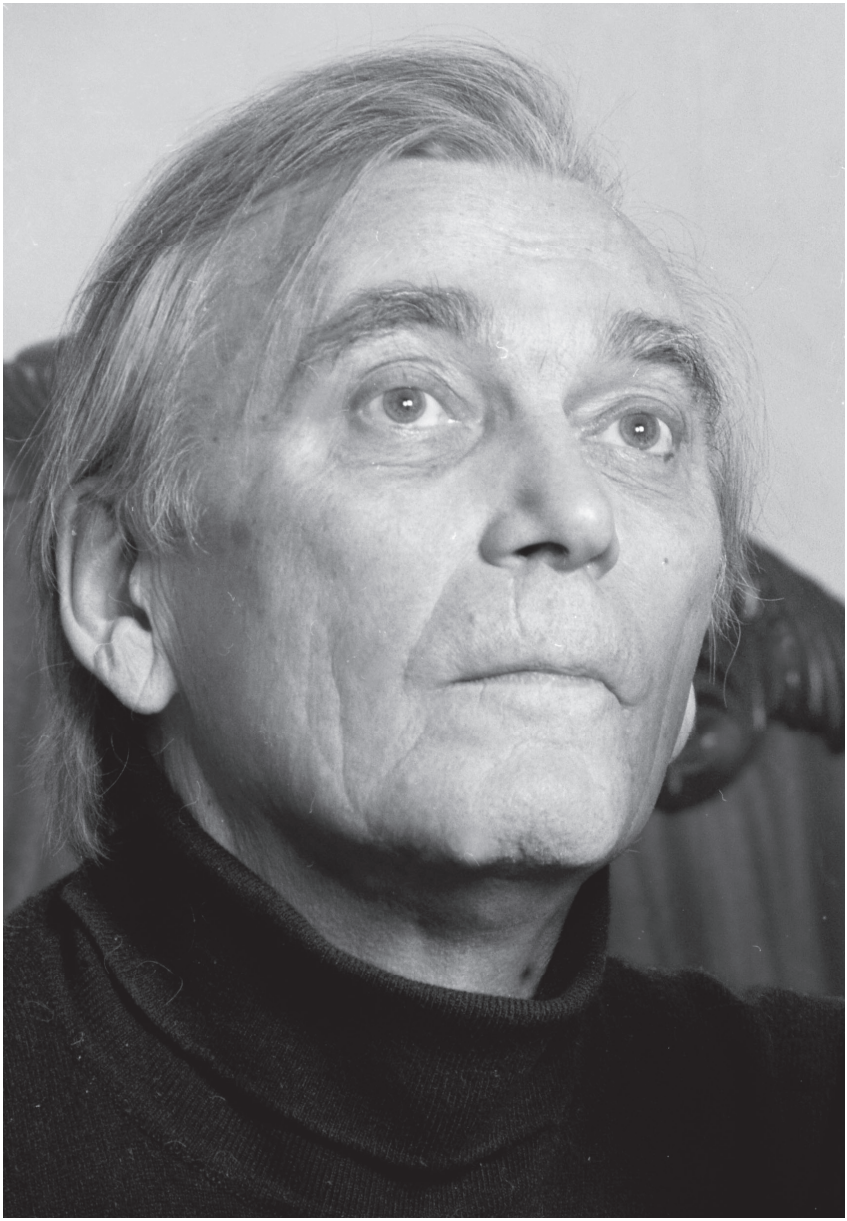
Климов в это время снимал «Агонию». «Это Гришка мстит...» Климов доснял фильм жены. Как и все ее фильмы, «Прощание» рвало душу, ставило множество безответных вопросов: «А как бы ты?» Чего или кого бы ты в жизни не предавал, в конце концов, ты предаешь самого себя. Будь это Сотников, будь эта Матера…

Элем не предал память жены. Он словно засох в том состоянии, в том времени, в тех днях, когда оборвалось все. В память жены он снял фильм, небольшой. Потом он снял еще один фильм, фильм–вой «Иди и смотри». Это была картина и о том, что видел Элем мальчишкой в своем военном детстве. В 43-ем он с мамой и братом эвакуировался из горящего Сталинграда.

Потом начались смутные времена перестройки. Гонимого властями режиссера бунтовщики-кинематографисты выдвинули своим лидерам. Тот, как и бедный Николашка, поверил славославящей толпе, решил повести ее к сияющим вершинам справедливости, где царствуют талант и муза, но толпе хотелось больше к сытому корыту. И она заулюлюкала. Как и бедного царя, нового безумца, предали, освистали. А ведь Гришка Распутин об этом предупреждал царя: «Убьют Гришку, падешь и ты! Вся Россия пойдет прахом…»

Климов ушел от мира кино. Валяться в грязи не имело смысла…

Я заметил большой портрет Ларисы, стоящий на рояле. Почти по пояс, в натуральную величину. Подошел сын ее, Антон. Он уже почти достиг того возраста, когда его мать ушла. Элем Германович стоял ближе всего ко мне. Свет падал одинаково на всех троих. Совершилась мистика. Все трое оказались в одном времени и пространстве. Иль это только помстилось мне?.. Иль проклятущий Гришка явил одно из своих бесчисленных чудес?..



Белла АХМАДУЛИНА. 1997 год.

Белла АХМАДУЛИНА

«А напоследок я скажу…»

Вы знаете эту игру: река? – Волга, летчик? – Чкалов, поэт? – Пушкин. А если продолжить дальше. Приведите первую пришедшую на ум строку из Пушкина. Я бы произнес: «Я помню чудное мгновенье…» Разумеется, подумав, я бы смог вспомнить еще несколько строк, так же намертво связанных с именем поэта, но «я помню…» - прежде всего. А почему? По простой причине: запомнилась музыкальная фраза романса, ну и послуживший ее основой стих. В случае Ахмадулиной – то же самое. Романс. Голос. Мелодия. А где-то дальше смысл и поэтичность слов. Ну, а вторую строку из Ахмадулиной? Тут надо подумать. Мне уж, во всяком случае. Не сильно ошибусь, надеюсь, что вся поэзия Высоцкого не была бы так высоко поднята на щит и так любима, если бы не жесткий, мощный ритм его песен, не исполнение хриповатым голосом на разрыв, не та боль, обусловленная гиперреализмом его актерского сопереживания герою, не то последнее «прости!», что каждый слушатель ощущал своей шкурой. Безусловно, лучшие песни Высоцкого – военные. И стихи – мощные, искренние. Но разве стихи военных поэтов, набросанные на клочках случайно попавшейся в руки бумаги, менее обжигающе горячи? Межиров, Гудзенко, не говоря уж о широко известных Суркове, Симонове, Твардовском? Но большинство стихов отошли в историю, а то, что было пропето, живет в нас и сегодня. «Землянка» Суркова, «Враги сожгли родную хату» Исаковского, та же «Темная ночь». Сходу и не припомню, кто автор ее слов.

Майя ПЛИСЕЦКАЯ (двоюродная сестра Бориса), Анель СУДАКЕВИЧ (мать), Белла АХМАДУЛИНА (жена), Борис МЕССЕРЕР (известный театральный художник). Каждое имя, без преувеличения, - знак времени, этап в искусстве. Слишком уж высокопарно звучит? Но это так. Знаменитости, как и грибы, растут целыми семьями.

Мы с коллегой решили провести интервью со знаменитыми дамами, и попросили Бориса об одолжении – подготовить почву. Но тот только замахал руками: «Вы с ума сошли! Справиться с такими женщинами?!. Нет уж, вы сами...» Баловать нашего брата Мессерер не любит, да, видимо, и побаивается строптивого характера своих родственниц.

«А напоследок я скажу…»

Слышал об Ахмадулиной всю жизнь, а воочию, вблизи видел только пару раз. К шестидесятилетию поэта «Огонек» решил дать обложку, которую поручили снять мне. Я договорился с Борисом Мессерером – мужем и добрым ангелом-хранителем воздушной поэтессы – о своем визите. Время как всегда поджимало, до выхода журнала оставалось пять дней, а до сдачи обложки в производство, не оставалось и минуты. То, что надумали сделать сегодня, по срокам должно было быть выполнено вчера. Что ж вы хотите? Редакция – богема. А богема предпочитает жить в своем надуманном мире. Я не явился в гости чуть свет, но и до обеда, привычного для большинства людей, оставалось еще не меньше часа.

«Тише, тише, Белла еще спит».

Может, стоит ее разбудить, может, ей дурно?

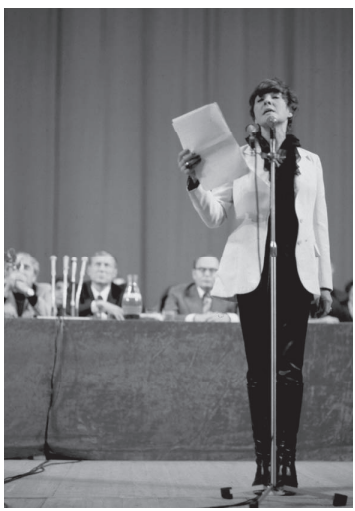
«Нет, она всегда долго спит. Она по ночам работает».

Поэт работает? Каждую ночь? Куда ни шло, если он исполняет заказ. Ну там, поэму к сроку, песни к фильму, спектаклю. Но мне казалось, у Беллы иной тип красоты: она подчинялась только своей собственной поэтической воле. А заказы, если и исполняла, это переводы на русской иноязычных поэтов. Ишь, как я заблуждался. Не помню, два ли уже пробило, или стрелки чуть не дошли до этого срока, в глубине дома послышалось какое-то движение, но минут сорок еще никто не появлялся. «Белла собирается».

Прошло еще какое-то время, и в гостиную вышла Белла Ахатовна. Хрупкая, чтоб не сказать бестелесная, женщина-ребенок. Лицо со следами прожитого времени, стать, фигура, поведение подростка, сильно не уверенного в себе, но не пытающегося даже прикрыть свою настороженность к миру бравадой. Вес ее едва ли достигал 42-45 килограммов, хотя, понимаю, поэты не оцениваются по весу.

А вот поэтический ее вес измерял Бродский, сравнивая его с той группой поэтических лидеров-шестидесятников, к которой относились Евтушенко, Вознесенский и еще несколько имен. Большие поэты – большие хулители тех, кто, как им кажется, претендует на лидерство, отодвигая самого тебя. По мнению Нобелевского лауреата Иосифа Бродского, Евтушенко вообще не поэт, а какой-то низкопробный рифмач. Вознесенский – мальчик-зануда, претендующий напялить на себя отцовский картуз и сюртук. Но тщетно: талантом (рожей) не вышел! А вот Белла – это поэт. Конечно, не такой уж… Но все же, не безнадежный. Я немного утрирую слова Бродского, появившиеся, кажется, в «Литературке» времен большого сумбура

Голос ломкий, но завораживающий. Так может звучать ручей, так может вскрикивать ночная птица. Белла Ахмадулина на презентации своего трехтомника в магазине «Библио- Глобус» (Москва, 1997 год), читает свои переводы стихов грузинских поэтов в Тбилиси (1982 год), дает интервью по поводу своего 60-летия (1997 год)..



перестройки, но суть этих слов я понял именно так.

К 60-летию Беллы Борис Мессерер решил сделать супруге подарок, выпустил 3-томник ее стихов. И вот в «Библио-глобусе», известном книжном магазине, стоящем в начале Мясницкой, в канун юбилея состоялась презентация новинки. В ход была пущена тяжелая артиллерия. В группу поддержки входили Майя Плисецкая – близкая родственница Мессерера, ее муж композитор Родион Щедрин, писатель Владимир Войнович, имя которого звенело на каждом углу в связи с его героем «Чонкиным», Евгений Попов – один из авторов пресловутого «Метрополя», сосед Ахмадулиной по подъезду. Бела читала стихи. Ее ломкий голос проникал в самое мое нутро, а судя по лицам других, и в их сознание и души. Чтение было немного захлебывающимся, нервным. Но, подвядающий стебель ее натуры, наполнялся соком, жизнью. Становилось ясно: только поэзия та среда, в которой может жить и дышать эта загадочная, почти эфемерная женщина. Подумалось, такую можно любить, как любят ребенка, как любят существо, жизнь которого полностью зависит от тебя. Ей сильно повезло, что встретилась, наконец, с таким человеком, как Борис Мессерер. Это он по клочочку собирал ее стихи, пока не сложил из них тома, это он, отринув сегодняшнее, воспринимал обожаемую свою супругу, как посланника свыше, возможно, посланника вечности. Жить с гением – это все равно, что жить с духом. А иногда ведь хочется и плоти…

Как-то неожиданно мне позвонил Борис: не могу ли я подъехать и снять их всех вместе на дне рождения у его мамы, Анели Судакевич, звезде немого кино. Его маме, исполнялось много за 90. Анелю я знал, прибыл по должному адресу. Гости – Майя Плисецкая, Белла, Борис, еще молодой человек – чей-то племянник, и девочки, возможно, будущие балерины, тоже чьи-то родственницы. Майя посмотрела, как старшая тянет ножку.

Прошли годы, лет десять или около. Мы дружили с Женей Поповым, точнее, делали совместно какие-то работы для «Огонька». Я все пытался, чтоб Женя уговорил соседку на еще одну встречу-съемку. «Да куда там, - отмахивался Евгений, - она неважно себя чувствует».

- Ладно, выполни другую услугу: попроси Беллу поставить автограф на моем томике ее стихов.

Автограф я получил. Слов, обращенных ко мне, я, конечно, не заслуживал. Но меня поразил почерк. Это была пропись, сделанная школьницей- подростком. Каждая буква выписана, но как-то неуверенно, по-детски.

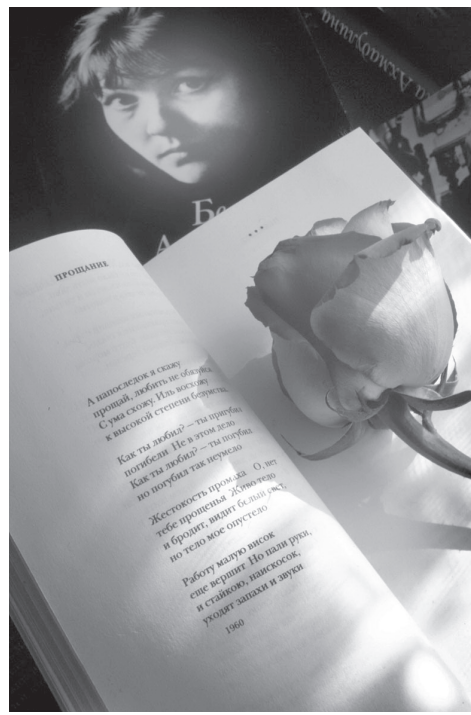
Немного мистики – куда без этого поэту?

Немного ласки власть имущих. После награды, врученной президентом, к юбилею поэта.

Такие буквы как «Л», «М» начинаются с тщательно выведенной точки, переходящей в волосяную линию. А буквы скачут, сомневаются, по праву ли они занимают свое место. Неуверенность, сомненья, трепет. Перед бумагой, или перед самой жизнью? А стихотворные строки разве не трепет слабого пламени свечи на ветру? А может быть, поэзия и есть не бравурный марш жизнеутверждающих атлетов, а тихий вопрошающий голос, прячущийся в глубине нашего Я?

«А напоследок я скажу…»

Скажу, спрошу. Но кто ответит?..



Юрий БОГАТЫРЕВ. 1979 год.

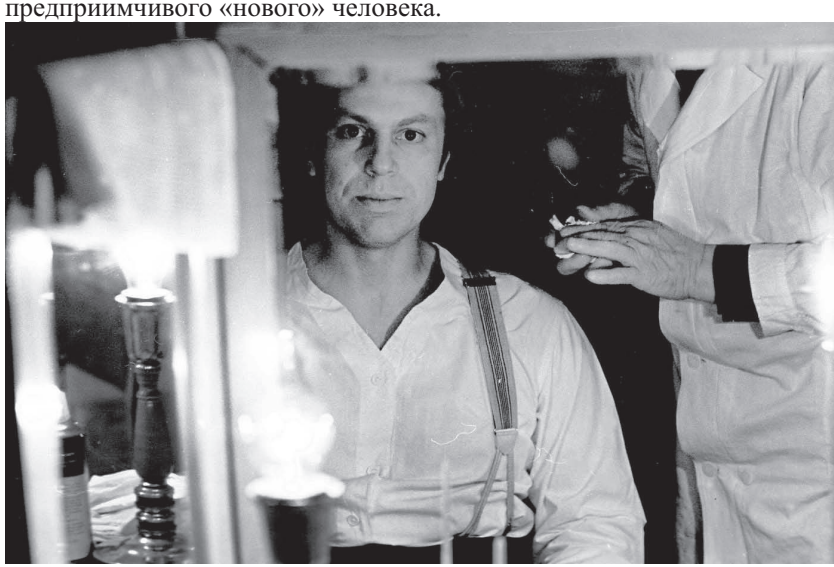
Юрий БОГАТЫРЕВ

Большой ребенок. Так называли Юрия многие из друзей, когда его уже не стало.

Громадного мужика весом под центнер, а то и больше, легко было представить пухлым, круглолицим малышом с толстыми губами, веселыми кудряшками льняных волос и наивными, доверчивыми светлыми глазами. Глаза искали маму. Малыш вырос, превратился в мощного, но рыхловатого дядьку, а взгляд остался тот же – не то ищущий, не то просящий, если не о ласке, то о внимании. Волосы остались такими же бледножелтыми, только лежали надо лбом жиденькой распадающейся прядкой. Какой-то незаконченный облик.

«Моль – белесая, невзрачная. Но такую моль можно окрасить в какой угодно цвет…» - такие слова говорил о нем Никита Михалков, актером которого и было принято считать в кино Юру Богатырева. Он играл во всех фильмах молодого Никиты. Роли были разные. И ни об оной из них нельзя сказать – использовался типаж. Напротив, типаж, если под этим подразумевать некоторое сходство с природой или характером актера, полностью выносился за скобки. А на «моли» рисовался режиссером узор, какой подсказывала тому его фантазия. В первом и сразу блестящем фильме Никиты Сергеевича Богатырев сыграл свою полную противоположность – красноармейца Егора Шилова – парня непреклонной воли, неустрашимости, уверенности. К тому же сильного, ловкого, неуязвимого…

Говорят, Никита спросил актера: «Ты на коня хоть когда-нибудь садился?» - «Нет, но сейчас попробую…» Молодому Никите – парню крепкому, спортивному, к тому же привычному к лошадям, трудно было не разинуть рот, когда через день-другой он увидел Богатырева в седле, да таким, что он будто с самого рождения только тем и занимался, что скакал верхом. Вот те и моль! Сила актерского перевоплощения творит чудеса, но чтоб в такой степени… Спустя много лет Михалков предложит Юрию роль Штольца в «Обломове». Юра мечтал о заглавной роли. Не потому, что чуть больше внимания и славы, а потому, что характер Обломова был столь близким его натуре. И опять же не столько из-за обломовской лени, сколько из-за нерешительности, вечных сомнений, оценке и переоценке ценностей жизни. Той жизни, в которой внутренняя жизнь героя значительнее и сложнее, чем внешний ее рисунок. Но заглавную роль Михалков отдал Олегу Табакову, блестяще исполнившему эту роль, а Богатырева «перекрасил» в Штольца – человека воли, действия - фанатика активной жизни. И снова Богатырев с блеском сыграл роль человека, чьи установки внутренне не принимал и, похоже, даже не понимал. Зачем? Зачем вся эта суета, во имя чего? Ну, куплю я еще одну деревеньку, ну десяток куплю? Я что, от этого буду счастливее? - вопрошал Обломов, живший в душе актера, игравшего предприимчивого «нового» человека.



Видеть себя каждый вечер в зеркалах гримуборной, смотреть, как из тебя прорастает новый образ – это и счастье и наркотик. МХАТ Богатыреву – и любовь, и боль.

Богатырев был уже очень известен, уже девушки вздыхали по нему, хотя они, кажется, были вне сферы его интересов. Жил он напротив Кремля – как раз через дорогу. Однако, это вовсе не означало, что он жил в хоромах. В задней части манежа существовали какие-то комнатки, в которых располагалось общежитие актеров МХАТа, а, может, и не только его. Это было типичное общежитие «имени монаха Бертольда Шварца», описанное нашими классиками-сатириками. Возможно, с этого клоповника они и срисовывали свои описания. Говорят, когда-то в этих стенах обитала чуть ли не Инесса Арманд. А что? Кремль под боком. Перебежал дорогу – вот тебе и чай, и приятная беседа. А дальше – учиться, учиться и учиться… Возможно, тогда тут были квартирки с кухоньками. Впрочем, и сейчас, у Богатырева была своя комнатка – небольшой закуток, который он украсил картинками и безделушками, незатейливыми, но милыми. Бедность не порок, однако, большое свинство. На молодом, но уже знаменитом актере было скромненькое коричневое пальтишко. И на галстуке его я не заметил булавки с бриллиантами (впрочем, не было и галстука, на Юре был свитер). Я его немножко поснимал в его жилище, а потом за порогом жилища, то есть у самого Кремля. И предложил приехать ему ко мне домой, чтоб попробовать сделать снимки и тут. Он легко согласился. А после съемки мы распили в маленькой компании бутылочку-другую. Мне показалось, что Юра

Алексей Турбин. Во МХАТе начала 80-х – это Богатырев.

Ужинаем после съемки. Сегодня спектакля и съемок нет, спешить не надо, и так хорошо расслабиться. На нижнем снимке – Богатырев демонстрирует свои работы в «Огоньке».

наслаждается домашней обстановкой – тем, чего ему, по-видимому, так не хватало. Потом уже, познакомившись немного поближе, я услышал от него, что он дружил с Костей Райкиным и даже какое-то время жил в семье Райкиных. Вероятно, это было уже после того как Аркадий Исаакович переехал в Москву. Что касается его собственных родителей, то о них разговор никогда не заходил, и какие у Юрия были с ними отношения, я не знаю. Уже после смерти Аркадия Исааковича, я решил поговорить с Костей, но он неохотно шел на интервью. И тогда Юра сказал ему: «Чудак! От тебя же не убудет, а польза может быть». «Огонек» был тогда на пике популярности, издания еще были редки – гламурная и желтая волна журналов и газет еще не захлестнула Россию. Это я к тому, что серьезные актеры и в те времена не рвались к мишуре газетно-журнальной «славы».

Прошло еще какое-то время, Богатыреву, наконец, «выбили» квартиру. Теперь он жил рядом с проспектом Мира, на улице Гиляровского. Квартирка была небольшая, но на одного хватало. А семьей актер, похоже, не собирался обзаводиться, не видя в женщинах прока. Он сам любовно обставил и украсил квартиру, и плавал в ней как рыбка в крохотном аквариуме. Пару раз я заглядывал в это жилище. Там я впервые узнал Богатырева-художника. В юности Юра собирался стать художником и даже закончил профессиональное училище, может, техникум, чтобы стать художником по тканям. Актерство победило, но не загасило его увлечения заниматься рисунком. И выявило совершенно непохожий на других почерк в несколько шаржированных портретах своих друзей актеров. При потрясающем сходстве изображенные им друзья выглядели облагорожено-удивленными, светлыми, даже воздушными. Какие шаржи – это сонеты, слезы умиления! А как изящны линии, как изящна гамма, как акварельно прозрачен каждый полутон. Воистину, пером и кистью двигал восторг ребенка. Большого ребенка, которым Юра и оставался в душе. Я предложил Юре показать его творения в нашей редакции, чтоб напечатать вкладку его работ. Что, надо сказать, и осуществилось. «Ах, жаль совсем не хватает времени на рисование, а то бы…» - «Да брось ты к чертям свое актерство», - как всегда, не думая, бросил я. Он посмотрел как-то изумленно-обиженно, и я понял, что сморозил глупость… Сцена и экран давно уже отравили его душу, превратились в наркотик, без которого он не мог…

Большой человек был одинок. Большой человек был не уверен в себе, А главное, он не верил, что он уже не ребенок. А ему хотелось ласки, а ему хотелось добрых слов, ему хотелось похвал. Хотелось, чтоб кто-нибудь

Слева – автопортрет, справа – фантазии на тему спектаклей и иные. Творить на сцене, творить на бумаге – этим он жил.

гладил его по головке. Если после спектакля он не слышал слов восторга в свой адрес, или они казались ему недостаточно искренними, он комплексовал. Говорят, даже плакал. Он был добр и гостеприимен. К нему стали заглядывать случайные люди. Пили, болтали, снова пили. А душа горела. А сердце всегда было немножко не то. Маловато, видно, было, чтоб качать кровь по большому телу. Он умер на глазах чужих по сути людей. Чужой среди чужих. А свои, как это часто водится, опоздали…

В фильме Никиты Михалкова «Очи черные» у Юрия роль небольшая, проходная, но поприсутствовать в одном кадре с Мастроянни – это кое-что.

Анель СУДАКЕВИЧ. 1996 год

Анель СУДАКЕВИЧ

В середине 50-х я учился в Ленинграде. Там, в Доме Кино, демонстрировались немые фильмы советского кинематографа. Стоило купить абонемент, и тебе предоставлялась возможность заглянуть в «дремучее» прошлое кино. Именно таковым нам, молодым, представлялся период, отстоящий от настоящего на каких-то двадцать пять лет. В моем детстве на анонсе выходящего фильма писалось «звуковой», как если бы еще существовали и «незвуковые» фильмы. Но немые картины даже в детстве воспринимались глубокой стариной. И вот «старина» ожила на экране: «Мисс Мэнд», «Аэлита», «Приключения мистера Веста в стране большевиков», «Поцелуй Мэри Пикфорд»… Отважные и ловкие проходимцы, бесстрашные красные герои, хрупкие, но коварные красотки – эфирные и элегантные, с томными, с поволокой глазами, и коварными объятиями. Это надо видеть! Не припоминаю среди героев экрана ни Веры Холодной, ни Ивана Мозжухина. Вероятно, их отнесли еще к российскому кинематографу и не включили в абонемент. Но Николай Баталов, Игорь Ильинский, Ольга Жизнева, Юлия Солнцева крепко зацепились в нашем сознании. Что говорить – звезды, звезды немого кино!.. Давно угасшие звезды…

Звезды мировые и звезды местного розлива. Наша-то куда покраше заморской дивы. Да и Ильинский, похоже, готов переиграть Дугласа Фербенкса. Знай наших!

И каково же, на самом краешке двадцатого века встретить одну из этих звезд да к тому ж в ясном рассудке и здравой памяти? Глаза ясные, настолько светлые, что, кажется, в воду совсем забыли добавить акварели. Современница (или почти современница) Веры Холодной, она пережила последнюю уже на 70 лет, и, кажется, не собиралась сдавать своих позиций. На фотографиях из ее архива: вот она кокетничает с Маяковским, сидит рядом с этим громилой в автомобиле, - такая воздушная, и такая же светленькая как мотылек. А вот она на рекламном плакате с Игорем Ильинским. Ну кто же мог переплюнуть Игоря Ильинского – первого из российских комиков немого экрана? А зачем переплевывать – она же не пытается выжать из зрителя ни смеха, ни слез. Она – украшение, изящная хрупкая статуэтка, на которую можно только любоваться, ну, еще изредка смахивать пыль. И только-то, скажете вы, не слишком ли мало для героини экрана? А кто сказал, что она героиня? Она не героиня, она кошка, которая гуляет сама по себе. Пушистая, мяконькая – украшение дома, отрада для глаз и души.

Маяковский не только большой поэт и громадный мужчина, но еще и киноартист. Правда, теперь уже в прошлом… Во всех трех ипостасях трудно ему не обратить внимания на изящную Анель.

Чувство самодостаточности и интереса к жизни в племяннице (по мужу) Майе Плисецкой столь же очевидны, как и в пожилой актрисе.

Насколько серьезно относилась светлокудрая (а иногда и жгуче-черная) красавица к своим прелестным героиням, сказать трудно. Вероятно, легко и беззаботно. Как беззаботны и незатейливы были сами ее героини, дамочки по большей части нетрудового происхождения. Это были классово-чуждые элементы, но до чего же соблазнительные, элегантные, утонченные… О таких можно мечтать, но представить ее моющей посуду на кухне… Анель Судакевич (в быту Анна, Анна Алексеевна) и была на экране одним из тех неземных ангелов, которым в трудовой стране был отмерян недолгий срок. Когда Великий немой закончил свой век, закончилась и карьера Анели Судакевич. Но Анель не поддалась звездной болезни. Возможно, он считала, что подобный кинематограф лишь игра, наподобие игры в фанты. Закончилась игра, так чего ж тут огорчаться? Можно и делом заняться. И Судакевич переквалифицируется в художника по костюмам. Для театра, для цирка. Вся жизнь игра, а мы актеры. И чем разнообразнее наши роли, тем ярче, колоритнее жизнь. Не надо только жизненный карнавал воспринимать слишком серьезно. Достаточно, что муж горит своим любимым делом. Он король танца. Ну, может, не единственный из королей, но все же. Имя Асафа Мессерера – далеко не из последних. Мне приходилось видеть прославленного в прошлом танцовщика уже в качестве преподавателя в репетиционных залах Большого театра. Он не танцевал, лишь подтанцовывал, разъясняя своим ученикам то или иное па. Ученики – тоже хорошо сказано. Такая же «ученица» и его племянница, как раз в это же время разминающаяся у стенки с поручнем, идущим вдоль всего класса. Это Майя-то Плисецкая, прима среди прим, женщина неукротимой энергии и темперамента, звезда не только балета, но и экрана, - «ученица»? Воистину, век живи – век учись…

Как-то разговорились с дамой приятной во всех отношениях. Перерывая свой личный архив, она комментировала некоторые из фотографий. «Это мы отдыхали в Хосте. Туда как раз Маяковский приехал. Ему был выделен автомобиль, и он часто заезжал за нами, чтоб совершить прогулки по окрестностям…» Поэт, похоже, примечал юную красавицу. Однажды он скупил в киоске все открытки кинодивы и раздаривал их встречным и поперечным на память. Подумать только: через человека можно «дотянуться» до Маяковского, а от него через одного, глядишь, и до Пушкина. А там и Петр недалеко… Разбирая архив, Анель Алексеевна воскликнула: «Взгляните, это Боренька рисовал, когда ему было четыре или пять лет». Цепочкой топают кони, в буденовках со звездами то ли дети, то ли уже красноармейцы. Случайный рисунок ребенка, случайно сохранившийся. Сынок и сам

давно уже забыл об одном из многочисленных своих детских рисунков. Да разве упомнишь такие мелочи, когда не охватить всех спектаклей, оформленных тобой за долгую жизнь. Борис Мессерер стал известным театральным художником, нашел свою тропу в джунглях искусства, и прорубил ее широко и красиво…

Без малого век прожила Анель Судакевич. Видела царизм, воспитавший в ней аристократизм и некую отстраненность от вульгарного мира, видела социализм, приучивший работать, невзирая «на»… Вкусила дикого капитализма горбачево-ельцинских перемен. Научилась все воспринимать с философским спокойствием. И не разучилась видеть в любом из людей человека, а не ту абстрактную величину, которую придают ему положение или успех.

В этой главке использованы фотографии из архива героини.

Людмила ЗЫКИНА. 1978 год.

Людмила ЗЫКИНА

Говорят, она знала две тысячи русских народных песен. Это для ровного счета, а реально – много больше. Те или иные из них она постоянно включала в свой репертуар. Хотя прославилась она скорее не ими, а исполнением советских песен, которых она держала в памяти никак не меньше. Но достаточно было б даже единственной песни – «Течет Волга», чтоб исполнительница ее прочно вошла в сердца слушателей. Я слышал эту песню по радио, находясь в командировках, и на Лене, и на Тоболе, и на Волге. И всегда возникало чувство широты и мощи, и какой-то гордости за Отечество – чувство чуточку неловкое, поскольку молодым положено больше хулить окружающий мир, чем высказывать ему слова любви. Сидя у раскрытого в ночь окна где-нибудь в Кинешме, где за недальними деревьями проблескивала гладь реки, откуда доносились приглушенные расстоянием вскрики пароходов или плывущих барж, вбирая в себя песню и голос, мне рисовался образ исполнительницы. Да простите за сравнение, мне вырисовывалась фигура Родины-матери, что стоит на Мамаевом кургане – самой ожесточенной точке боев в Сталинграде. Конечно, я видел лицо и фигуру певицы по телевиденью. Но голос, звучащий отдельно, рисовал свой образ.
Но вот случилось попасть в зал, где шел концерт певицы. Как фоторепортер, я сидел в первом ряду. И удивительно, нарисованный моим воображением образ, не претерпел никакого изменения. Зыкина царила над залом. Голос ее охватывал всех и каждого, тебя куда-то уносило его течение, которому ты не в силах был противиться и не противился. А облик певицы – спокойный и величавый, такой несуетный и надежный, внушал мысли: если и существует образ Матери Родины, то вот он.

Я не знаю, какими надо обладать достоинствами, чтобы тебя не только принимали за равную, но и преклоняли свою взбитую мировым внимаем гордость непохожие ни по манерам, ни по взглядам, ни по каким иным меркам, такие баловни судьбы, как «Битлз», Фрэнк Синатра, Мирей Матье, Шарль Азнавур, - это с одной стороны, а с другой – оперные звезды самой первой величины. Говорят, знаменитой четверке из Ливерпуля, во время их гастролей в Лос-Анджелосе, указали на даму, ужинавшую в ресторане, и сказали: «Это русская. Поет, стоит ее послушать!» «Жучки» пригласили певицу подняться на сцену, а та спела им «Ивушку». «Ноты, ноты, запишите ноты! А это на память!» - и протянули серебряный крестик, который после освящения надолго стал оберегом Людмилы. Певице аплодировали и пред нею преклонялись короли и президенты, главы и смерды.

Вручали ей дорогие украшения и ордена. Иные предлагали руку и сердце, иные целую страну. Живи – не хочу! Суетен мир, тесен, но иногда и он останавливается в своем бесконечном кружении, чтобы чему-то удивиться, чтоб замереть в восхищении…

Встретиться, что называется, с глазу на глаз, мне довелось лишь на рубеже веков. Слава Зыкиной не росла (уже привыкли), но и не поддавалась коррозии, хотя эти смутные времена отбросили на обочину многих, кто еще вчера считался в обществе кумиром. Я домчался до Архангельского, где за блокпостом схоронились дачи людей известных, а также дорвавшихся до власти. Людмила Георгиевна, прогуливающаяся в ожидании фотографа по аллейкам, оказалась, к моему удивлению, дамой роста совсем не великого, плотной, или иначе сказать – коренастой, прическа на голове была замысловатой, что несколько увеличивало ее рост. К визиту она отнеслась спокойно – ни не-

терпения, ни особого радушия. Все в рамках деловой встречи. Я сделал несколько портретных кадров, которые просились. Рядом был какой-то водоем, на нем лодочный причал. Ну разве мог я удержаться, чтоб не попросить певицу «руки в Волгу опустить»? Но из моей затеи мало что вышло: Людмиле Георгиевне не хватало длины рук, чтоб дотянуться до воды, не перевернув лодку. Рядом с нами все время были ее помощница (та, которая возникла потом в СМИ не самым приятным образом, когда будто бы затерялись драгоценности ушедшей актрисы), и один мужчина, (не исключено, один из бывших ее мужей). Похоже, это окружение и было в то время ее семьей. Еще была собака. Здоровенная немецкая овчарка, преданная и любвеобильная. Она все пыталась лизнуть свою хозяйку в лицо. Раз ей удалось это сделать, а мне удалось сохранить этот момент на века.

Думала ли московская девчонка из простой рабочей семьи откуда-то с окраины Москвы, которой совсем еще девочкой пришлось и токарем на заводе поработать, и швеей, и работницей в типографии, и санитаркой в госпитале, что она взлетит так высоко? Она всегда пела. И в пионерском детстве, и подростком в госпиталях, и на разных смотрах и конкурсах. Думала, уверен, думала. Может, не с самого начала, когда поняла, что у нее не только голос, но и дар, единицы измерения которого еще не найдены. Говорят, однажды, проходя по улице с подругами, заметила на стене выклеенное объявление: «Конкурс в хор имени Пятницкого». Девчонки подначили: «А что, слабо?» И она дерзнула. И снова возникает эта тысяча. Тысяча претендентов на место. Может, для ровного счета, может, и больше было их, претенденток. Но взяли (и это уж точно) только одну. И этой единственной оказалась ОНА.

Знает ли избранник судьбы, чем будет расплачиваться за благосклонность фортуны? Да все тем же, собственной судьбой. А одна из сторон этой судьбы – одиночество. Слава, почитание – хорошо, но до определенного предела. А где этот предел? Предел, за которым начинается твоя личная жизнь? Та жизнь, в которой мелочи становятся значительнее всех громких и великих дел.

Людмила Георгиевна повела похвалиться своим хозяйством. Парничок. Хилые кустики помидорок с розовато-зелеными голубиными яичками плодов. Смотрите, какая прелесть.

После съемки зашли в дом – что-то записать.

- Я хочу вас угостить своим борщом!

- Что вы, что вы! - замахал я руками.

Дурачок, и только. Ведь она от души хотела не накормить меня, а угостить. А я так некстати засмущался…

Как это иногда случается, песню пытается сделать «своей», единственной, не один исполнитель. И не важно, хорош тот певец или плох. Песня сама знает кому покориться, остальным приходиться скромно отойти в сторонку. Волга и Зыкина слились.

«Течет река Волга…» И течь ей вечно.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ. 2002 год.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Он напоминал неоперившегося петушка – тонкошеий, звонкоголосый, задиристый. Худющий, но губастый. Его чтение стихов – задорное и смачное пронзало аудиторию. Андрюша четко рубил ритмы, помогая рукой и всем телом, выкладывал рифмы с ловкостью каменщика, рифмы, которые не сразу можно было признать таковыми. Он сооружал невероятные словесные конструкции, выпиливая, выстругивая, выстраивая сочетания слов так, что они намертво прирастали друг к другу. Хотя на первый взгляд кое-что могло показаться нелепицей. Его коньком был голос – ясный, звонкий, четко воспринимаемый в любой точке зала. А к голосу прилагалась неповторимая манера выбрасывать слова и фразы: «А-а-а-й-й-да в кино!...» Мне говорили в детстве, что слово «айда» (тюркское, монгольское?) – слово неправильное, сорное, словом, бестолковое. Но в поэзии нет бестолковых и сорных слов. Говорили, что когда Вознесенского спрашивали, почему он употребил там-то такой-то эпитет, не несет ли он какого-то скрытого смысла, он отвечал: «Просто мне показалось, это красиво». В поэзии, я иногда думаю, чем нелепее, тем образнее. Стало быть, поэтичнее. Человек надел штаны, надел пальто, надел автомобиль, надел земной шар – все нормально…

Не то чтобы тусовщик, но А.А. можно было видеть на многих презентациях и «бонтонах».

Когда Вознесенскому немного поднадоело писать, он начал рисовать (изобретать!) видеомы. Это конструкции из букв и линий, распутав которые можно найти определенный смысл. Видимо, Андрей Андреевич вспомнил свою законную профессию – архитектор, и решил немного подразмяться. Почему он не пошел по архитектурной стезе, не знаю. Может потому, что ему рисовались в воображении конструкции, опирающиеся на единственную точку, в то время как их для устойчивости должно быть как минимум три. А три – это банально, пошло, а значит, для настоящего творца никуда не годится. Один архитектурный опыт его известен. Возле Тишинского рынка стоит оригинальное (нелепое?) сооружение – столбы, состоящие из каких-то букв. По идее авторов это - то ли дружба грузинского и русского народа, то ли единение их культур. В творческом экстазе здесь слились грузин-монументалист Зураб Церетели и русский поэтотектор (поэт-архитектор) Андрей Вознесенский. Путешествия много по Грузии, я повсюду встречал «горелые» столбы-карандаши, протыкающие небо. Это были стелы, сооруженные великим Церетели. Вблизи на бронзе карандашей можно было разглядеть великое множество фигур или лиц. Оригинально, но к этому надо привыкнуть. К сожалению, оригинальность не всегда прямой путь к сердцу.

Настенные экспромты Вознесенского разительны. «Все царицы как поганки перед бабами с Таганки!» - это на стене любимовского кабинета. А в доме писателей эта: «Средь индюков и аллигаторв приятно видеть литераторов…» Слева – прощание с Зиновием Гердтом. На нижнем снимке могила родителей Вознесенского. Через несколько лет рядом будет погребен и он.

Уже после кончины поэта я слушал по телевидению воспоминания его прижизненной музы, а теперь вдовы Зои Богуславской. И из ее слов у меня рождался такой образ поэта: инфантильный, живущий в сотворенном собой, мало сопрягающемся с реальностью вымышленном мире вундеркинд. А сам творец этого мира – человек, сующий себе ложку с кашей не в рот, а в ухо… Конечно, я утрирую. Но боюсь, не сильно.

В шестидесятые слава поэта была неописуемой. А что вы хотите? Его «гнобили», однако регулярно издавали. Его считали чуть не врагом (Хрущев), однако, всю жизнь он довольно вольно (простите за каламбур) разъезжал по заграницам, заводя знакомства с великими мира сего в разных областях культуры. Хоть я и сказал, что Вознесенского неплохо издавали (к тому же он печатался в газетах и журналах) купить сборник его стихов было невозможно. Можно было только «достать» или украсть. Когда Марк Захаров в начале 80-х поставил на сцене Ленкома рок-оперу по Вознесенскому «Юнона и Авось», на нее можно было только «попасть» по случаю, честным путем билетов было практически не купить.

В 60-е Вознесенский написал, а опубликовала этот стих, если мне не изменяет память, «Правда» - крик души – «Уберите Ленина с денег». Ленина тогда он чтил. Ему он даже посвятил одну из своих поэм – «Лонжемю». А в конце 70-х он один из авторов нецензурируемого «Метрополя» - вот вам фунт изюму. Это что – непосредственность и непоследовательность судна, влекомого случайным порывом ветра или… Да, все та же инфантильность – тучная почва для гениальности...

В конце 80-х Вознесенский частенько заглядывал в перестроечный «Огонек». Могу ошибаться, но запомнился он одетым всегда в светлую рубашку с непременным заправленным под воротник платком, декорирующим шею... Оригинально, но как-то уж слишком игриво.

Больше всего, мне кажется, поэт боялся банальности, чего бы это ни касалось – поэзии, одежды, устоявшихся обычаев. Мне часто приходилось видеть Вознесенского на прощаниях с известными артистами, писателями. Обычно к гробу несут цветы. Вознесенский – ветку с увядающими листами. Зато из собственного сада.

Как-то довелось попасть вместе с Андреем Андреевичем на Новодевичье кладбище, где покоились его родители. Вознесенский был озабочен обустройством могилы, а конкретнее, занимался оформлением надгробья. Лежали массивные плиты с выгравированными именами, а на них был взгроможден белый шар, подпертый временно досками (впрочем, зачем описывать, если можно взглянуть на снимок). Я не уловил основной идеи,

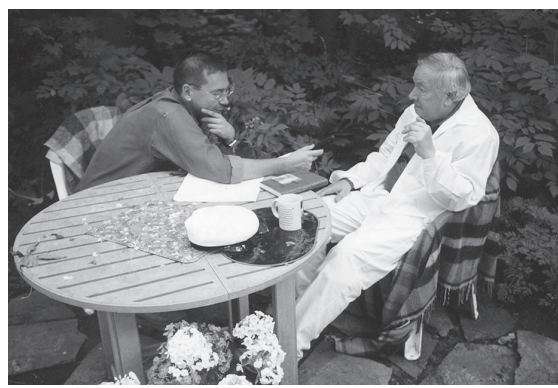
но что это будет чем-то неповторимым, сразу становилось ясно. Андрей Андреевич и тут шел своим путем.

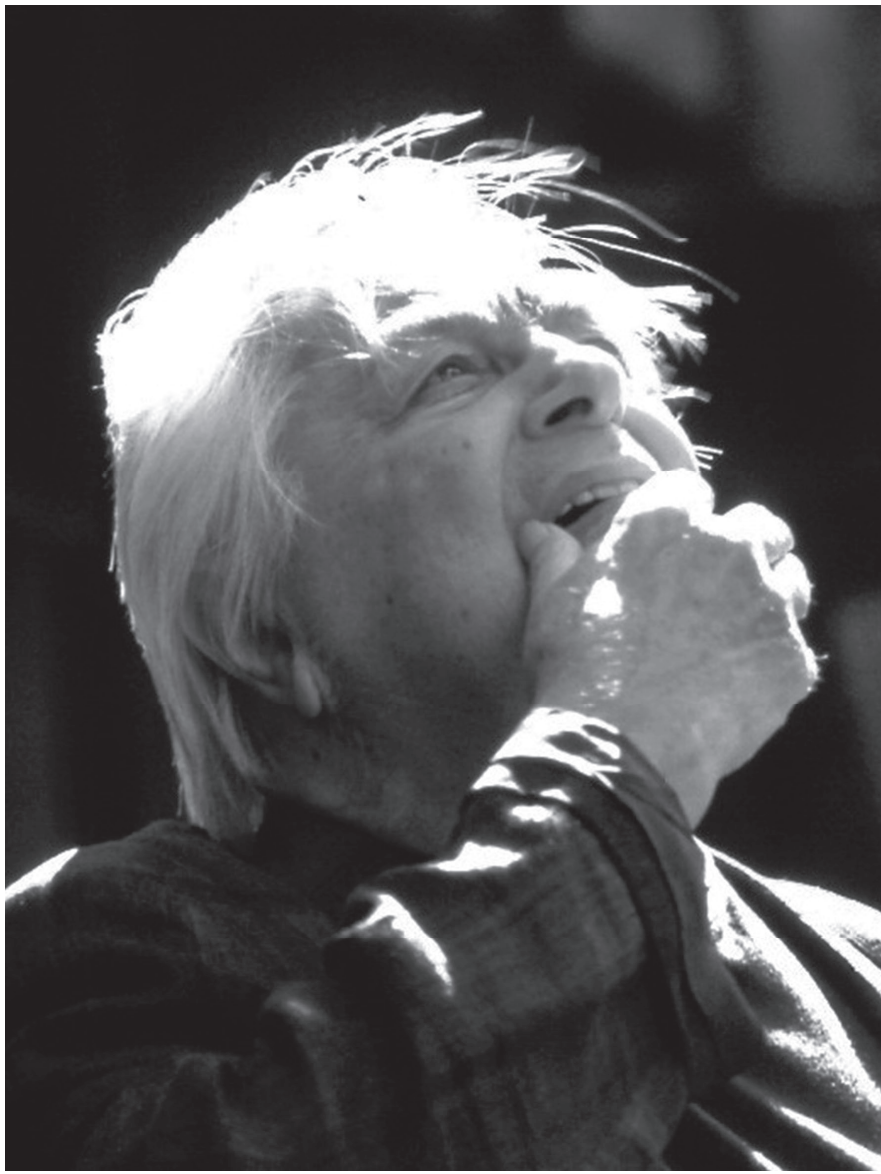
Последние годы жизни поэта были омрачены потерей голоса. Говорил он уже еле слышно, с заметным усилием. Удара сильнее судьба не могла приготовить для человека, для которого голос был важнейшим инструментом выражения чувств, страстей, ритмов, заложенных в стихах. Боль, связанная с возрастом и недомоганиями, сквозит в его поздних стихах. А как же может быть иначе, если стихи и есть душа поэта. А она страдает.

Мне удалось задать А.А. один вопрос – почему полвека назад стихи для молодежи того поколения были чуть не религией, поэты – полубогами, и возможно ли повторение подобного в будущем? «Всему свое время. А то время ушло…»

Иссохли души, превратились в кошельки? Мамона царит надо всем, выжигая и вытравляя все, что не направлено на наполнение переметных сум? А они бездонны…

Окуджава, Евтушенко, Рождественский, Высоцкий, Ахмадулина, Визбор, Вознесенский – конечно, они разные, возможно, ревнивые к успеху друг друга, наверняка амбициозные. Но все щедро одаренные, иначе, как бы им захватить наши души. Гениальность для ее носителя – это болезнь, даже одаренность – и то недуг. Странности знаменитостей – это та почва, из которой произрастает творчество. Будем помнить это и уважать тех, кто одарил нас минутами радости…

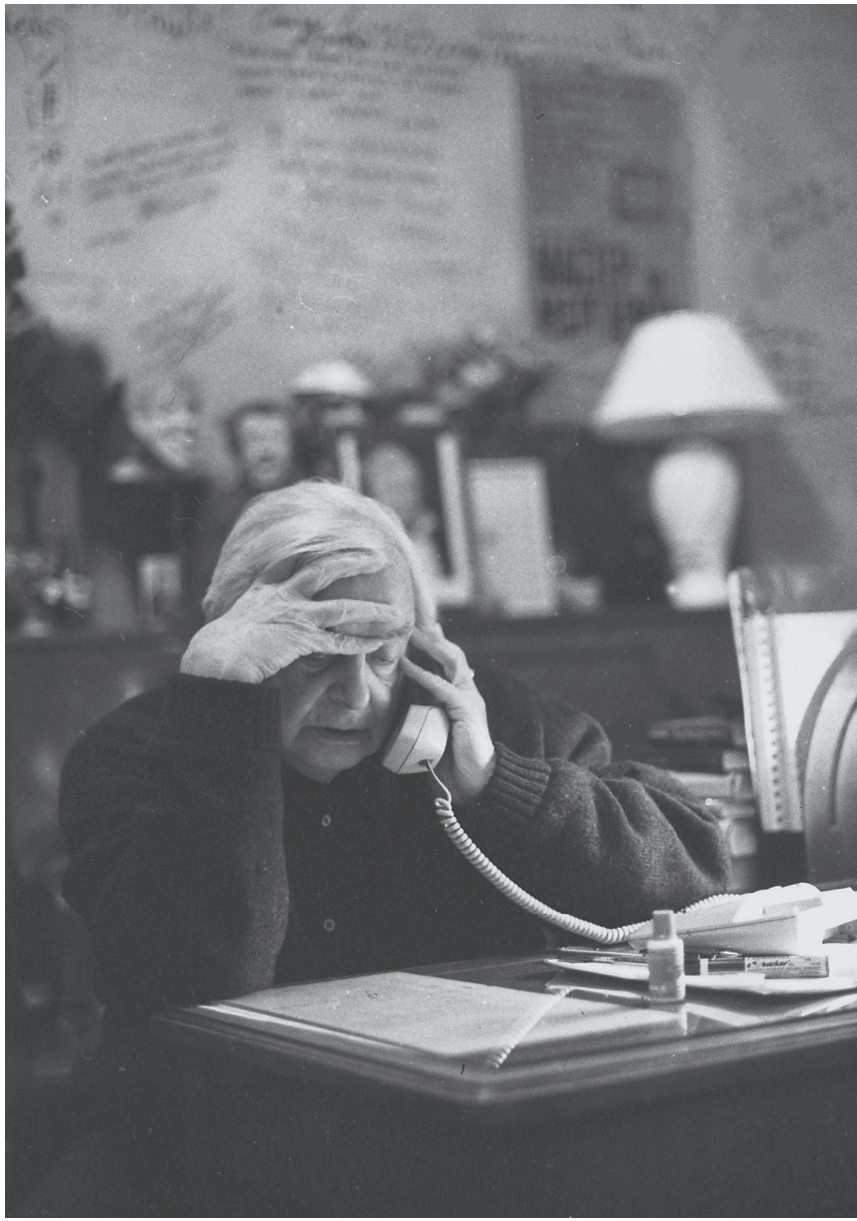




Юрий ЛЮБИМОВ. 2000 год.

Юрий ЛЮБИМОВ

Крупный художник не только личность, это – эпоха. Конечно, звучит слишком пафосно, высокопарно. Ну ладно бы еще подобные слова говорить о могущественном завоевателе, историко-мифической личности: в эпоху Чингизхана, в эпоху Наполеона… Да и тут натяжка. Как бы ни был значителен человек, «натянуть» на себя эпоху ему не под силу. Понятно, произнося слово «эпоха», я разумею лишь то, что ни время, в которое творил художник неповторимо, ни дело его непродолжаемо. Все сразу уходит в историю, становится памятником и творившему, и его творчеству. Особенно, это заметно, если ты художник театра. Был Мейерхольд, был Товстоногов, был Райкин. Не зависимо от того, существуют ли театры, в которых они творили, нет ли, дух в них сменился, выветрился. Ушел «хозяин» - ушел театр. Чем ярче, чем неповторимее художник – тем разительнее перемены.



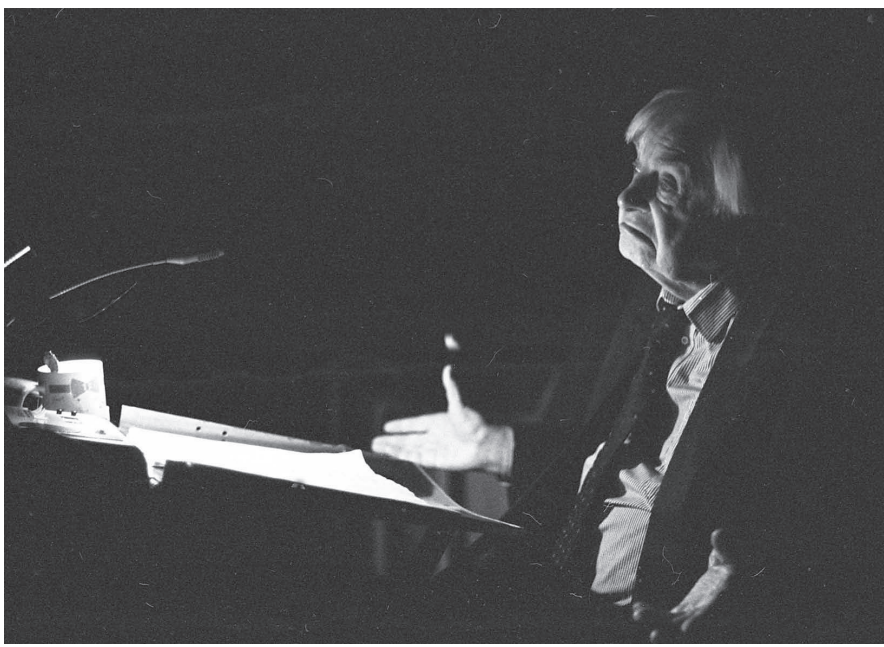
Юрий Петрович Любимов этому правилу подтверждение. Не стану говорить о недавнем разрыве режиссера с театром, время не все еще расставило по своим местам. Но вспомним «раскол» Таганки двадцатилетней давности. Отделившаяся от Любимова группа, создав театр, Таганкой все же быть перестала, да так, пожалуй, и не сформировала своего лица.

Слева – прославленный кабинет Мастера, через который прошли сотни лучших людей второй половины прошлого века. А многие и оставили свои автографы на его стенах. На этой странице Любимов изображает Сталина в спектакле по Солженицину «Шарашка». Только голосом, только манерой, только воображаебмой трубкой. Никакого грима. А убеждает…

Поближе я познакомился с Таганкой, когда ее звездное время уже прошло. Театр жил еще фантазиями своего хозяина Юрия Любимова. Но из-под этих «фантазий» уже ушла почва. Ушло то время, когда ценилось иносказание, недосказанность, «тонкий намек на толстые обстоятельства», многозначительность непроизнесенного. Остальное все осталось: блеск формы, даже ее гурманство, пиршество действия, где слова в простоте не произносилось – все «этакое», со значением. Актеры работали виртуозно.

Они могли одновременно совершать цирковые кульбиты, играть на скрипке и петь. Разумеется, и «прозой говорить».

Любимов не признавал готовых пьес. Он сам готовил либретто спектакля на манер приготовления острого блюда: тут подперчить, тут подсолить, тут нарубить помельче и сильно перемешать. Подавать горячим. За это его умение сотворить действо, казалось бы, даже из ничего (хоть из телефонной книги, как позволяли острить некоторые невежды) Любимова и любили «за бугром» и первого из наших звали на престижные театральные фестивали.



Удовлетворить Мастера было совсем не просто. Он не останавливался на полпути, сдирая шкуры со своих актеров в переносном смысле, а в прямом это иногда приводило к травмам. Зато выучке этих актеров могли позавидовать многие их коллеги. Они умеют делать все.

В редакции мне поручили поснимать театр. Но что-то застопорилось. Вскоре я узнал, что жена Любимова, венгерка Каталин, официально не служившая в театре, но фактически державшая «руку на пульсе», наводила обо мне справки: настолько ли я хорош как фоторепортер, чтоб иметь честь

снимать выдающийся театр. Наконец, она дала добро, и я отправился на смотрины.

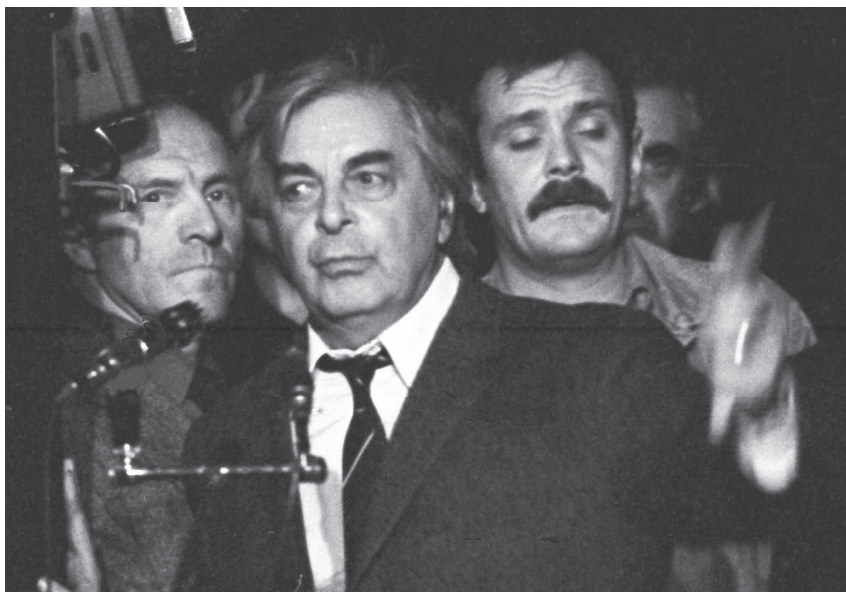
Познакомившись с Юрием Петровичем, я признался в любви к его первой, увиденной мной в кино роли – красавца Ромашишки – так называл эти полевые цветы очаровательный французский летчик Лярошель из знаменитой эскадрильи «Нормандия – Неман».

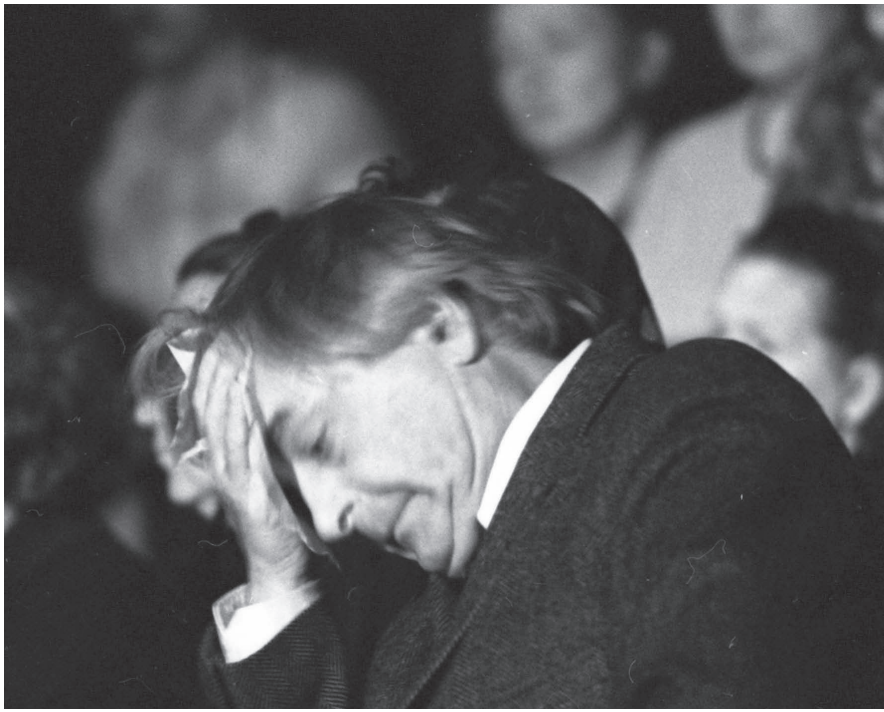
- Кажется, это первый и последний фильм великого Жарова, как режиссера, - промолвил я.

- Режиссера? Ну, какой же он режиссер? Ты встань сюда, а ты сюда. Теперь говорите, - Юрий Петрович усмехнулся своей неповторимой усмешкой – чуть извинительной, но обескураживающей…

- Но фильм-то живет, - робко возразил я…

Потом я выложил несколько кадров съемки прощания с Высоцким. На фотографии, где выносят гроб актера из театра, Любимова не оказалось. Он шел с той стороны, которая на снимке была не видна. Видя огорчение Любимова и явный мой промах, я обещал порыться в негативах. Нужный негатив нашелся. Я вступил в воды Таганки…





Трагические дни жаркого лета 1980-го года. Смерть Высоцкого заставила людей забыть даже о проводимой впервые в Москве Олимпиаде. Сотни тысяч людей на улицах – все к гробу. Юрий Петрович переживал смерть своего любимца, как личное горе, катастрофу…

Любимов умеет быть галантным и с дамами, и с президентами, даром, что бывшими.

Попадая в любой театр «изнутри», я не перестаю удивляться, насколько же этот мир отгорожен от мира реального. В черный зал, где идут репетиции, не долетает не только дуновения ветерка внешнего мира, но и лучика света, в котором купается весь окружающий мир. Как шампиньоны растут в подвале, в темноте, так и здесь набухают и рождаются будущие шедевры, которые сотрясут этот зал, когда он наполнится зрителями, а эхо этого потрясения гулким громом прокатится далеко за пределами театра. «Поднимите мне веки!» - этой мольбы я ни от кого и никогда не слышал, хотя видел перед собой полуслепых людей, однако, обладающим острым внутренним зрением. Провести один полный день в театре – это не для слабонервных. Сурдокамера, куда не проникают звуки – это тоже не для всех. Однако, для избранных. Режиссер, подобно Моисею, ведет толпу своих послушников одному ему известными путями. И те верят – выведет!

Спектакль начинается. Сейчас Юрий Петрович покинет свой капитанский мостик, стоящий в центральном проходе зала, забьется в какой-нибудь дальний угол со своим неизменным фонариком и начнет посылать оттуда грозные сигналы матросам на вантах, то есть актерам на сцене: куда вас несет? Впереди рифы!.. Свистать всех наверх!

Это только кажется, что Любимов и Каталин смотрят в разные стороны. На самом деле они зрят, не подкрадывается ли кто изподтишка. Для Мастера Каталин стала Маргаритой. Она хранила Мастера ото всех невзгод. На этой почве и происходили громкие и тихие скандалы с труппой. Что делать? Выбор ее был сделан.

Мне было в удивление выведать, что многие из актеров весьма слабо осведомлены о жизни – спектаклях других театров, совершенно не знают своих коллег, равных по возрасту и значимости, их вполне устраивает тот закуток, который им отгорожен рукою хозяина-кукловода. Я в шутку поддразнивал их: «Да плюньте вы! И охота вам тут сидеть с утра до вечера?» Додумывая: бегите лучше на студии. Глядишь, выпадет роль в кино – сразу и известность, и слава, и деньги. Юрий Петрович был кулаком: своего не отдаст. Работаешь в театре, так и служи только ему. Но правило не без исключений. А Высоцкий, Золотухин, Юрий Беляев? Демидова, наконец, Филатов? А я ведь не всех, пожалуй, перечислил. Ну, Высоцкий дело особое. Любимов питал слабость к его таланту, позволял ему делать то, о чем другие даже помышлять не могли. Но как остальные прорвались? Не знаю. Тот же Юрий Беляев, когда почувствовал силы в себе немерянные, попросту плюнул на театр, решив, там, где я вам необходим – извольте, буду играть в спектаклях, где я уже обкатан. На новые роли не претендую. Но и я вам больше не холоп, а вольный землепашец с правом уходить на побочный промысел, когда заблагорассудится. Вероятно, и Демидова поступила так же, создав, по сути, собственный театр, хотя и театр одного актера. Да и остальные примерно по такой схеме действовали. Не хватайте меня за руку, спешу сказать, мол, все-то было вовсе не так, и все это ты выдумал. Выдумал, не скрываю. Но логика событий подсказывает – иначе и быть не могло.

И вот новый раскол на Таганке. Какой раскол – развод с бывшим Мастером! На левом снимке, сделанном лет 12 назад, ни Золотухин, ни Любимов, не подозревают, что их пути разойдутся. Ученик займет место учителя. Ничего личного. Время сказало: пора! А Мастеру – чемодан, базар, вокзал? Что ж, если так. Мастера этим не испугаешь. Он давно уже человек мира, жить и работать можно не только в России. И не только в ней одной растут березы…

В конце 90-х Любимов обновил театр силами молодых актеров. Теперь они, как минимум, среднего возраста – возраста самого зенита мастерства. Многие из этого поколения известны вам за пределами театра? Так назовите их имена. Любимов был Бармалеем для своих актеров? Пожалуй. А вот Захаров в Ленкоме рассуждал иначе. Если работа на стороне не во вред театру, вперед и выше! Снялся в кино? Прекрасно. Завтра на спектакль пойдут не только потому, что спектакль сам по себе блеск, но и чтобы увидеть вживе лицо, так приглянувшееся на экране. К тому же он, видимо, не забывал: искусство искусством, но ведь и брюхо набивать чем-то надо, семью кормить. Словом, догадывался, что актеры – вовсе не тряпичные куклы, которым ничего не надо…

Ну и что? Ну и бунт! Доколе? Где деньги! Забирайте свои тряпки, отдавайте наши куклы!.. Театр лопнул. Развалился. Кому хуже? Всем.

Нет, я совсем не судья, я не знаю на чьей стороне правда. Да и существует ли правда вообще? А то говорят, что правд вообще множество, и у каждого она своя. Значит, и я что не скажи, а какая-то доля из множества правд будет и в моих словах? Не знаю… «Рушатся империи, а верно, строились когда-то на века. Разрушает горы, скалы точит времен бегущая река…»

Я снова кручу на своем компьюторе старый фильм. Милой улыбкой озаряется Лярошель, дарящий симпатичной Целиковской «ромашишки». А Любимов подарит этому ефрейтору (сержанту?) с лучистыми глазами (чуть не официальный эпитет Целиковской) в выгоревшей гимнастерке свое сердце. Увы! Тоже не навсегда. Ничто не вечно под луной…

А я люблю этого Лярошеля во всех его проявлениях, во всех качествах. Ему сейчас 95 лет. Его жизнелюбие и сила могут вызывать только восторг. Его деловые качества определяются одним лишь словом – МАСТЕР. Его благодарность судьбе за каждое дарованное ею утро – восхищает. И этой благодарности судьбе я завидую черной завистью…

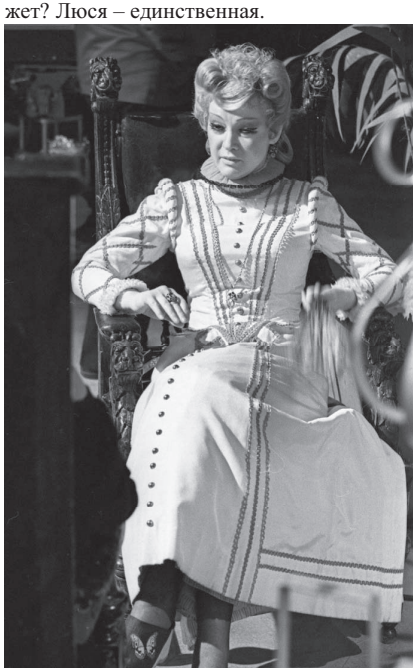
Людмила ГУРЧЕНКО. 1995 г.

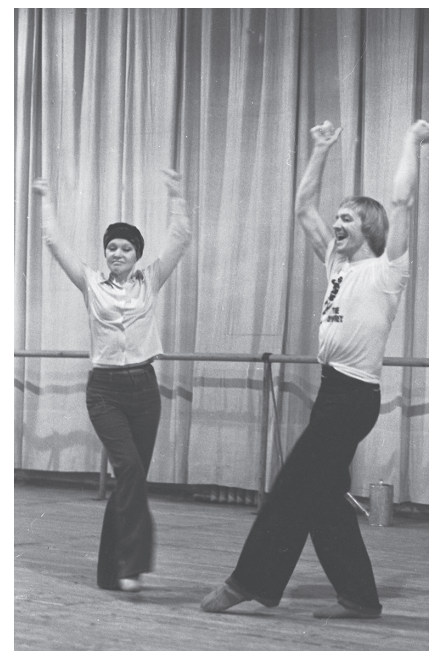
Людмила ГУРЧЕНКО

Людмила Гурченко. Люся Гурченко. Люся… Так звали все, кто ее знал. Я ее не знал, да и встречал-то изредка, ни разу и фразой не перемолвился. Но разве обязательно знать актрису лично, если видел ее в десятках ролей, да какое-то количество раз находился в одном и том же с ней пространстве: на репетициях или съемках, во время торжественных застолий или иных совершенно случайных обстоятельств? Какой она рисовалась в моем воображении? Тут совмещаются и экранные образы, и выступления «от своего лица» - приветствия на чьих-то юбилеях, и «моментальные снимки» - вот она сидит с мужем (?) и матерью (?) за столиком в ресторане, где отмечают чей-то юбилей. Отрешенное, почти отсутствующее лицо. Вот в общей гримерке, на нее почти не обращают внимания. Опять же отстраненность, но в то же время и сосредоточенность. Произносит приветственный спич – изломанность, почти вульгарность, кривляние, сопровождаемое тряской и выламыванием рук. А на экране – глубокая, тонко все чувствующая женщина, не понимающая только, где же ее собственное бабье счастье – «Старые стены» ли, «Пять вечеров» или «Двадцать дней без войны». И тут же, на экране – беззаботная хохотушка, соблазнительница – золотая рыбка во блеске. А в жизни – труженица до зубовного скрежета,

до самозабвения, до исступления. Мне рассказывали ребята, которые видели ее на съемках. Ей по неосторожности раздробили кости, кажется, стопы. Поставили стальные скрепы. А она в кадре продолжала танцевать! Разве может это делать нормальный человек? А кто сказал, что актеры нормальные люди? Может быть, средние актеры – вполне адекватные люди, но таланты… Таланты приятно наблюдать… издали. Но есть кашу из одного котелка? Кому из смертных это под силу? Человек, играющий на своих нервах, в конце концов измочаливает их. А главный инструмент актера – его нервы. Да, техника, имитация страстей тоже имеют место быть… Но нервы… Они рвутся, как струны у Паганини… Людмила Гурченко представляется мне изломанным, но тянущемся к жизни стеблем какого-то растения. Это растение не живет - выживает. Стебель может притвориться даже мертвым, а может ожечь оставшемся еще в нем животворным соком. И главное – он мимикрирует, маскируется, выдает себя за что-то иное, чем он есть на самом деле. Только отстаньте, только не дотаптывайте меня до конца… Мне кажется, Гурченко была очень закрытым человекам.

«Бенефис» Гурченко на телевидении в 70-х. Каскад разнообразных ролей. Кто еще так может? Люся – единственная.





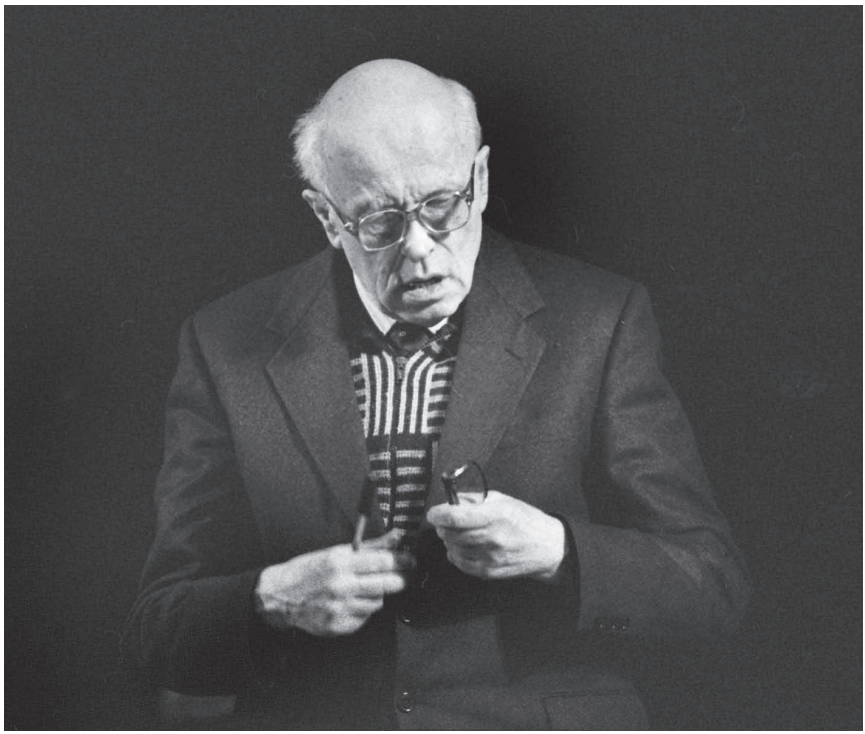
Ее бравада – маска, ее эпатаж, который не просто раздражал многих, но и отталкивал их от нее, только способ не ожечься о крапиву.

А крапива – она повсюду вокруг нас. Это и кривые усмешки, и непонимание, а порой и враждебность к тебе. Как от этого всего спрятаться? Разве что натянуть броню собственного высокомерия или лохмотья шута? Любой художник, любой творец, по сути своей одинок. Он потому и творит новые миры, что его не слишком устривает этот единственный, реальный. «Писать – подменять жизнь», - примерно так говорил Сартр. А если сорвать все одежды и скорлупы с той же Людмилы Марковны, не окажется ли под ними Золушка, перепуганная тем, что вот-вот закончится волшебство и ее роскошные кони превратятся в обыкновенных мышей? Маленькая девочка, прижимающаяся к коленям отца, играющего на баяне, в чужом, недобром мире. Люська, Люда, Людмила Гурченко…Чужая душа потемки. Да что чужая, своя собственная – и то загадка. Кто из нас не пытается разобраться в себе самом? А кому это удается? Страдания человеку даны отчасти и для того, чтобы он чувствовал себя человеком. Для художника – эта та краска, которая придает объем и глубину всему, что он творит. Даже смех, бывает, доводит до слез. И не верьте, что всегда это лишь слезы радости…

Андрей САХАРОВ. 1988 год.

Андрей САХАРОВ

Сначала были слухи и «голоса». Некий Сахаров, академик, создатель то ли атомной, то ли водородной бомбы «сбрендил»: написал письмо руководству страны, обвинив Советский Союз во всех грехах, прежде всего в агрессии, и потребовал то ли уничтожить все наше ядерное оружие в одностороннем порядке, то ли вообще изменить этот тоталитарный строй и устроить демократическую вакханалию. Разумеется, письма никто не читал, кое-кто слышал отрывки из него по вражеским голосам, но общественность от своего имени и имени народа заклеймила «отщепенца», осудила и отреклась. А самого Сахарова власть решила упрятать подальше от глаз, прежде всего иностранцев и зарубежным корреспондентов, в закрытый для всех не наших город Горький. Под присмотром КГБ он проскучал там немало лет, и все бы ладно, но случилась перестройка. Герои и антигерои поменялись местами, Сахаров, возвращенный Горбачевым в Москву, немедленно стал новой иконой. Каждое его движение фиксировалась десятками камер репортеров, а каждое слово воспринималось как откровения пророка.



В кулуарах ежегодного собрания Академии Наук СССР. Слева Президент АН СССР Гурий МАРЧУК и академик Геннадий МЕСЯЦ. На правом снимке Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна рассматривают принесенные мной снимки.

Кстати, говорил он на редкость скверно. Картавая, стертая по интонациям речь, аудиторией воспринималась с трудом – помогало имя. В разговоре с людьми, он не смотрел им в глаза, вообще не глядел ни на что определенное. Возможно, он просто не воспринимал окружение. Или воспринимал как-то по-особенному, подобно больным аутизмом (такого аутиста мы узнали по фильму «Человек дождя»).

Как репортер, я тоже не мог пройти мимо «иконы». Впервые Сахарова я увидел на заседании Академии Наук, где и был сделан снимок, отмеченный потом на Уорлдпрессфото. На сцене сидел президиум, а среди прочих – Сахаров. От «прочих» мой герой отличался тем, что он как бы «отсутствовал». А проще говоря, то ли дремал, то ли спал. На тонкую, цыплячью руку, он вешал голову с глазами, подернутыми веками-пленкой, Ни одного «спящего» в президиуме, хотя там были академики и постарше моего героя, больше не наблюдалось. Странность поведения Сахарова мной, по крайней мере, воспринималась как должное: довели мужика до ручки. Иногда Сахаров просыпался, делал движения, напоминающие перетаптывание курицы, укладывающейся спать на насесте. Одно из этих движений и попало, видимо, в мой кадр. Фотография – эзопов язык. Случайный жест мы можем трактовать как символ. Главное, какой смысл мы сами хотим отыскать или насильно вложить в голову зрителя. С Сахаровым все ясно – бунтарь. Вот его негодующий жест. А на кого он направлен, да вот на этого римского патриция, что на фоне – академика Александрова. Это он – не отрекшийся от своих трудов атомщик, это он – один из «соавторов» Чернобыля… Словом он – та сила, власть, которой и противостоит сошедший с положенных рельсов академик Сахаров.

А рельсы были таковы. В группе физиков-ядерщиков, создававших ядерный щит Союза, Сахаров был ни первым, ни последним, а одним из… Явно ради выразительности журналисты называли его отцом водородной бомбы. Отцов было много, каждый из них оплодотворял то, что мог, чтобы в результате появилось дитя – бомба. В молодости Сахаров отнюдь не был пацифистом. Говорят, это именно он настаивал на идее взорвать самую мощную из бомб в океане вблизи США, вызвать гигантское цунами, смыть к едреной матери с лица земли Нью-Йорк, показать словом, как любил выражаться Хрущев, кузькину мать. «Ну что вы, - говорили ему коллеги, хоть и создатели смертельного оружия, но все-таки интеллигентные люди, - как можно: ведь погибнут миллионы неповинных людей…» - «Зато остальные поймут, что мы сила…» Впрочем, возможно, это выдумки. Засвидетельствовать, что это факт, я не могу. Зато могу подтвердить другой. Как-то мы ехали с известным хирургом и не менее известным писателем («Мысли и

Прощание с Сахаровым было поистене всенародным. Декабрь 1989 года.

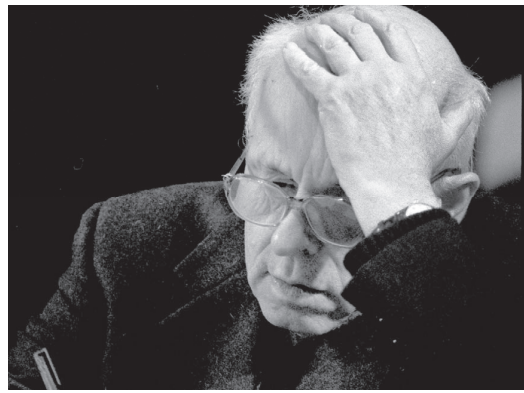
сердце» и др.) Николаем Михайловичем Амосовым по Садовому кольцу. «Знаешь, где жил Сахаров? Вот в этом доме», - он указал на здание наискосок от Курского вокзала. «Был я один раз у него».

Когда мы проезжали, Сахаров находился в ссылке, в Горьком. А Амосов заезжал сюда еще до ссылки. Киевские друзья (Амосов жил в Киеве) попросили его передать Сахарову одну из книг Солженицина, изданную за кордоном. Такие вещи не поощрялись, по головке за это не погладили бы и депутата многих созывов Верховного Совета, и лауреата Ленинской премии, кем и являлся Амосов. А самому хирургу было любопытно познакомиться с новоявленным бунтарем, поделиться кое-какими собственными идеями по усовершенствованию общества. Сахаров приболел – температура, горло. По покуренной квартире ходит жена - вторая жена Сахарова - Елена Боннер, с зажатой сигаретой в зубах. «Вам бы поменьше курить, все-таки рядом больной…» - «Ничего, он знал за кого выходит…» Грубо, но честно. Агрессивный характер, властность, проявляющаяся по отношению к мужу, Амосову не понравились, как и сама дама. Когда Амосов стал беседовать с Сахаровым, тот, то ли не был в состоянии вслушаться в слова собеседника, то ли априори отвергал их. «Мне неловко произносить это, но мне показалось, что Сахаров, как-то недалек…» Этот эпизод Амосов приводит и в одной из своих книг воспоминаний, я бы не взял на себя смелости излагать подобный факт без документального подтверждения. Сахарова-диссидента сделала Боннер. По-видимому, довольно безвольную фигуру, она и вела от ступени к ступени.

Наверное, о таких людях, как Сахаров, говорят – неоднозначный. Поведение не соответствует типу, характеру. Какая-то многослойность, запутанность, загадка. Словом то, что и интересно портретисту – будь он писатель, художник, артист, фотограф – на основе документа вылепить свой образ, свое представление о человеке…

В конце 1989 года Сахаров умер. Умер на самой вершине своей славы, своего триумфа. Народ в то время по любому поводу валил на улицы – погалдеть ли на митингах, послушать ли краснобаев. А пропустить такой момент, как похороны Звезды перестройки!? Вся Москва стала на уши! Я понимал, ни один фоторепортер не пропустит такого случая – запечатлеть событие для истории. Рассудил, что, куда бы я не попал, куда бы не аккредитовался, в другие места я уже не попаду – чисто физически невозможно. Тогда я решил прибегнуть к помощи покойника, этот не подведет. Я собрал прижизненные снимки Сахарова, там были и те, где я вместе с ним, и рано утром отправился в Кунцево, в кремлевскую больницу, откуда должны были

забирать труп. Захваченные снимки помогли произвести впечатление, что я свой (для Сахарова, для родни). Я один стоял в траурном зале, пока Сахаров, уже подгримированный для прощания, лежал в открытом гробу. Приехали родственники. Я, как за старенького, уселся в катафалк. И меня восприняли как должное. Катафалк подъезжал для прощания к институту, где работал Сахаров, к Академии Наук. У Академии собралась для прощания вся власть – Горбачев, Яковлев – все, все, все… Куча моих коллег-репортеров стоят, загнанные за веревочку, метрах в семидесяти, а то и в ста. Выносят из катафалка гроб, выходят родственники, и я как черт из табакерки – родственник, репортер – хрен поймешь. Но никто рук мне не крутит, по камере не бьет… Представляю, как сейчас кроют меня ребята за веревочкой – обдурил. Словом, как я и предполагал, покойник меня не подвел. И все происходящее я увидел как бы его глазами… Когда комья земли уже отгремели о крышку гроба, а могильщики сравняли землю, Елена Георгиевна Боннер подняла на меня тяжелые глаза и сказала: «Боже, как вы надоели. Вы два дня висите над моей головой»… Правда!? Да ладно, мне ж с ней не детей крестить…



Александр ЯКОВЛЕВ. 1991 год.

Александр ЯКОВЛЕВ

Архитектор перестройки… Предатель…
Первый титул дала бывшему партийному функционеру вся прогрессивная часть мятущегося человечества советского пространства рубежа 80-90 годов. Другое, короткое и емкое слово, писалось на плакатах демонстраций противников безумных перемен.

Уважаемые мной люди, не относящиеся ни к партийной номенклатуре, ни к витийствующим диссидентам, люди, опиравшиеся на собственный опыт и разум, говорили: «Умный мужик! Башковитый…» Пожалуй, так. В прессе, еще советской прессе, появились его статьи. Демагогии в них нет. Есть трезвый анализ – надо что-то менять. Тогда все пойдет как надо. И овцы (то есть мы, грешные) будут сыты, и государство (волк) станет крепчать. Куда уж лучше!

Для нас, журналистов «Огонька», перестройка началась в 1986 году. Был изгнан чуть не с улюлюканьем сатрап прежней власти Софронов – бессменный редактор в течении трех десятков лет. Новый редактор –

Привычной дорогой: из кабинета в Кремлевский Дворец Съездов. А там знакомые лица с неведомо какими новыми мыслями в головах. Брожение уже идет…

Коротич. «На Украине он то же, что у нас Евтушенко…», - пояснял мне приятель. Значит, больше, чем поэт, чем художник… А что уж, больше? Наверное, политик? Политик, политик. Политики – они умеют. Умеют очищать свое поле от сорняков руками самих же сорняков. Вам не нравится такой-то? Я тоже так думаю. Если его заменить, у нас будет такая команда! Так хорь поодиночке может передушить весь курятник. Но это глупое животное – само пачкается в крови. А не лучше ли, если куры сами передушат друг друга? Вернувшись в очередной раз из ЦК, новый главред сказал: «Мы не будем больше ходить и спрашивать, что нам можно печатать, а что нельзя. Сами будем решать и сами будем за все отвечать». Сильно сказано. А главное смело. Коротич – герой. А может, только перчатка на руке кого-то помогущественнее? Уж не Яковлева ли самого?

В издательстве «Планета» работала фоторедактором Наташа Ушацкая. Девчонка как девчонка. Обыкновенная, доброжелательная. Таких можно называть – хороший парень. Ни заскоков, ни гонора. А могла бы себя «подать». «Ты знаешь, кто ее отец?» - «Нет, а кто?» - «Яковлев, Александр Николаевич!». Ни фига себе!.. К ней все относились хорошо – без пиетета и заискиванья, и она была так же равна и добра со всеми. Как и многие фотокорреспонденты, я крутился в издательстве, снимал альбомы, и виделись мы все там друг с другом раз по сто на неделе. «Наталь! А не поговоришь с отцом – я б хотел снять о нем фотоочерк…»

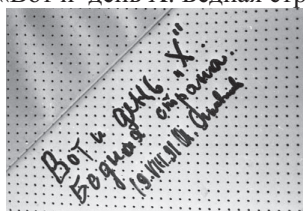
И вот я уже в Кремле. Длинные коридоры, отдающие какой-то музейной застылостью и поношенностью. Все, разумеется, достойно и опрятно. Но ощущения ожидаемого блеска, величия – нет…

Материал мой вышел в журнале за полгода до путча. И вот тот август. «Лебединое озеро» с утра. Более, чем обычно, вытянутые лица дикторов в информационных вставках между сценами балета: ГКЧП. Я свалился в свой «Жигуль». В «Планете» еще никого из сотрудников – нет и 10 утра. Но застаю Наташу. «Такое дело. У меня есть в деревне домик – о нем никто не знает. Да и в близких отношениях я не состою с твоим отцом. А игра, кажется, начинается без правил…» Короче, я предложил Наталье отвести ее отца в деревню, а уж оттуда наблюдать, что и как происходит. Наташа позвонила домой. Через пять минут мы были на улице Александра Невского. В доме на этой улице в ту пору жил и Александр Николаевич, и Ельцин, и еще куча не самых последних людей того времени. Открыла дверь Нина Ивановна, супруга. «Нет-нет, только никаких интервью…» - «Да что ты, мама, подожди…»

Я уже бывал в этой квартире несколько месяцев назад, когда снимал

Это всего лишь 1989 год. Прощание с Сахаровым у здания Академии Наук СССР. До развала Советского Союза остается еще два года.

фотоочерк. Разумеется, ничего не изменилось, если не принимать во внимание небольшой утренний беспорядок, незаправленную постель. Александр Николаевич, уже одетый, сидит на ней, говоря в телефонную трубку. Ельцин, Собчак… Не помню, с кем он говорил, а кого не мог поймать. Телефон все время на связи. Звучат знакомые имена людей, которых ныне уже полностью вымыла история из памяти. «Ты готов, папа?» - «Да, да… Это я оставляю, спрячь где-нибудь на даче…» А.Н. протягивает дочери пистолет. И я убеждаюсь, что я никакой не фоторепортер, а… Не мог я поднять камеру и нажать на кнопку: я же приехал помочь, а не воспользоваться моментом – редкостно удачным моментом для журналиста… «Там с утра машина стояла и мальчики наблюдали… Теперь их что-то не видно. Кажется, сняли наружку». Тем лучше. Я и прежде этого как-то не брал в расчет, что, возможно, «пасут» Яковлева. Но что тормознут на каком-нибудь посту ГАИ, этого исключать было нельзя. Решили, что до деревни нас проводит Наташа, чтоб через нее была и связь, да чтоб и дорогу сама запомнила. Она будет сидеть на переднем сидении – неброская женщина рядом с, под стать ей, водителем. А.Н. устроился сзади. Не столько для конспирации, сколько из-за поврежденной в войну ранением ноги – не гнулась. «Только давайте, ребята, проедем сначала возле Белого Дома». С Садового кольца решили свернуть на набережную. Чувствуем, движение уплотняется, а на самой набережной в сторону дома правительства – просто пробка. Виден Бородинский мост. На нем танки. Явно, дальше нам не пробраться, надо разворачиваться, да ехать, куда наметили. «Нет, ребята. Возвращаемся домой. В такое время я не могу прятаться…» Переулками, дворами возвращаемся на Кольцо, до дому чисто – путь свободен. Солнце сияет, все мирно. «Александр Николаевич! А можно, - я обвожу рукой над головой, показывая обшивку моих «Жигулей», - автограф?» На обшивке уже росписи Никулина, Хазанова, Собчака, Амосова – тех людей, которые хоть раз посидели в моей машине. Яковлев выводит жирным фломастером: «Вот и день Х. Бедная страна. 19 авг. 1991 года»…



Путч прожил три дня. На четвертый возликовала справедливость. Тысячи москвичей в эти дни стали на защиту Белого Дома – это я слышу по радио интервью с Яковлевым. Среди защитников были и его дети. Наташа, видимо, не слушала интервью. «Ты что,

Отныне церковь и властная бюрократия – братья навеки.
Интервью «вражескому голосу» радио «Свобода». Бывшие наши сограждане киноактер Юлиан Панич и его супруга Людмила – ныне корреспонденты этого «голоса». 1991 год, август.

всю ночь провела под дождем у Белого Дома, ты и твой брат?» - «Нет, мы пошли к нему, но посмотрели только издали, вернулись…» Так, значит, не только я бессовестно торчал в тепле у телевизора, да слушал «Эхо», в душе слегка упрекая себя, почему ты не там, не под дождем и у стен?

Потом, сразу после путча, пришли с корреспондентом «Огонька» брать интервью у А.Н.о прошедших днях. Мелькнул какой-то вопрос то ли о защите себя, то ли о возможности самоустранения, если уж так сложится. «Но у меня же не было оружия…» Так, так, так… Или у меня что-то не в порядке с головой, или какие-то высшие соображения выше факта?

Если девушка говорит нет, значит, может быть. Если может быть, значит – да, если да – это уже не девушка. И в этом, как утверждает армянское радио, ее отличие от дипломата, который, если говорит да, означает – может быть, если говорит, может быть, означает нет, а если говорит нет – это уже не дипломат. Яковлев, безусловно, был дипломатом (я не беру формальной стороны – посол в Канаде), был политиком, со всеми вытекающими отсюда тонкостями и изысками политеса. Что сие означает? Что-то недоговорить, что б возникло ощущение значительности того, что осталось в затемнении. Слегка сместить акценты, притушить лишнее, высветить нужное. Чуть-чуть передернуть – так, по мелочи… Политика – искусство внедрения в сознание других того, во что, может, ты и сам не веришь, но что тебе полезно в данной обстановке.

«Александр Николаевич! - обратился я к прорабу, архитектору перестройки после одного из интервью, из которого уже стало выясняться, что сооружение, якобы планируемое, стало как-то криветь и оседать не в ту сторону, - а вообще план перестройки как таковой был? Что сегодня, что следует делать завтра, что будет ее венцом?» Александр Николаевич перевел свои умные глаза на меня, явного дурачка, и в этих глазах я увидел сожаление моему убожеству…

Через пару лет, на торжественном банкете «Макдоналдса» (это Яковлев «пробивал» еще в 70-х дорогу канадской обжорной фирме в Россию), среди друзей, он с огорчением, признавал. Получилось, мол, совсем не то, что мы замышляли… Да уж куда там – то. Кашевары круто завариваемой каши 80-х были отстранены от больших котлов и вместительных черпаков. Пришли ребята попроворнее, половчее, побесстыднее. У нас же с корабля истории бывшие кумиры сбрасываются мгновенно. Так было и в этот раз, и в прошлый, и в позапрошлый, и десять лет назад, и сто, и триста. Такова уж Россия. Мертвых львов тут же за

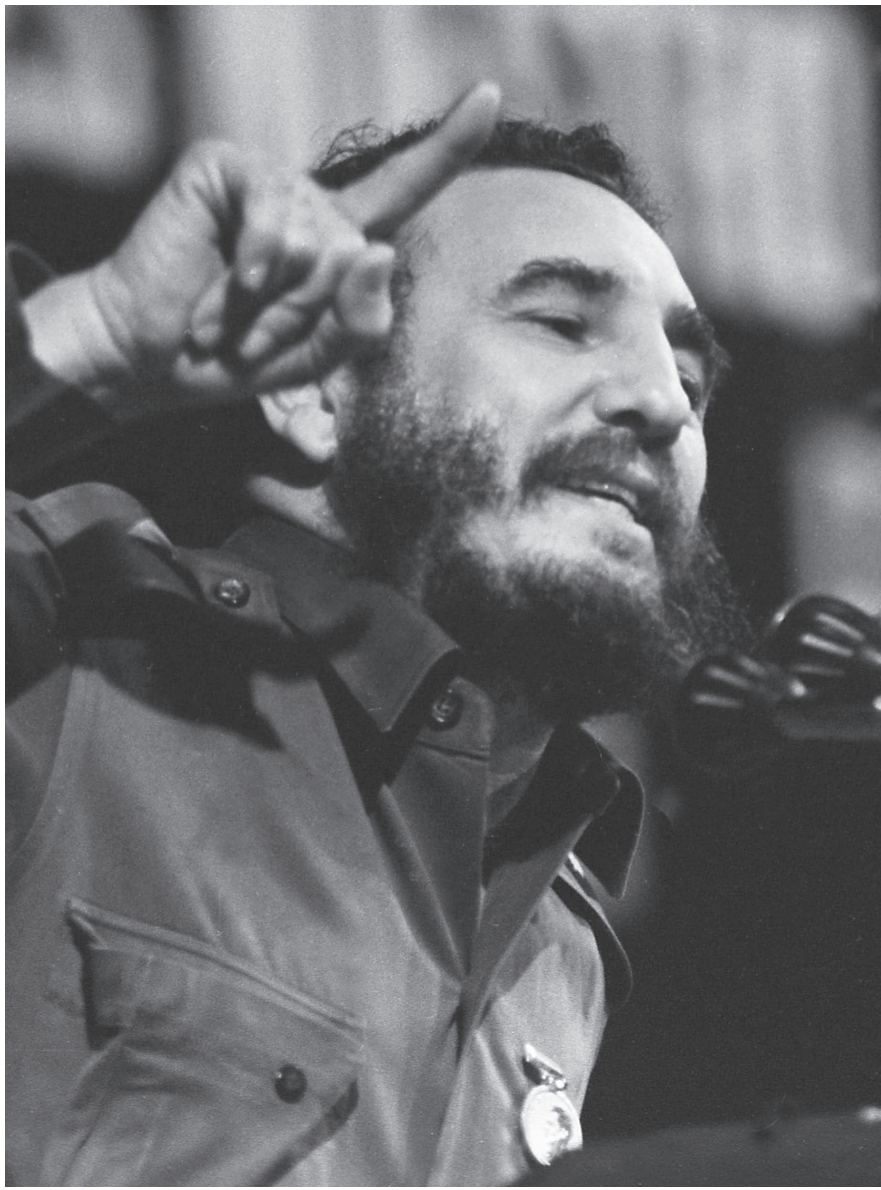
хвост стягивают на помойку. Яковлев это понял при жизни. «Сумерки». Так называет он одну из своих последних книг. Хотите подробностей? Почитайте ее…

«Наша цель – Яковлев! Яковлев – предатель!» Читаю я на плакатах демонстрантов-государственников в начале 90-х. Вот эти негативы – передо мной. Предатель? А как иначе, если ты в корне изменил той идеологии, которая тебя вспоила и подняла наверх? Прозрел? Или подвернулся удобный случай вскарабкаться выше? Ну, а если ты предал, жди и себе такой участи – и тебя предадут.

У меня есть снимок, один из немногих, которым я горжусь. Я его называю «Конвергенция» - сближение. А еще перетекание одной сущности в другую. Перетекание веры атеистов-коммунистов в веру в бога! Но так не бывает: ни в городе Иван, ни в селе Селифан! «Единожды предавши…»

Что ж ты так невзлюбил человека, сделавшего людям столько добра, очистившему от грязи тысячи незаслуженно замаранных имен? – может задать мне вопрос читатель. Прежде, чем ответить, я приведу такую еще сценку. В марте того же 1991-го шел референдум – быть Союзу или не быть? Быстренько проголосовав, я поехал на участок, где должны были голосовать и Ельцин, и Яковлев. Я уже говорил, что в это время я снимал о А.Н. фотоочерк. Он узнал меня, проголосовав, спросил: «Ну как ты – за или против?» Опьяненный эйфорией перемен, я с гордостью сказал: «Против! А вы?» - «Ну я-то за! Впрочем, это никакого значения не имеет…» За Союз были почти все голосовавшие, или процентов 70-80 – большинство. Тем не менее, через 9 месяцев Союза не стало. Разве я этого хотел? Нет. Глупость говорила во мне, да бравада. Так как же я могу осуждать человека, который, может, в чем-то и действовал вслепую, а прозрев, отступал от каких-то своих прежних взглядов. Но намерения его были искренни и честны. Не во всем был так совершенен и велик, как тебе хотелось бы? Так не твори себе кумира… Надо как-нибудь сесть и всерьез почитать «Библию»…

Конвергенция. Александр Яковлев и патриарх Алексий II. 1991 год.



Фидель Кастро Рус. 1972 год

Фидель КАСТРО

Фидель Касто Рус… Загадочная личность всей второй половины двадцатого века и уже более десятилетия нынешнего. Революционер и диктатор. Любимец Хрущева, Брежнева, да что там - всего советского народа, и одновременно капризное дитя, постоянно требующее новых проявлений любви и подарков. Веселый бородач и разбойник с большой дороги. Их было несколько, заваривавших кашу на Кубе. Уцелел лишь он один. Его ближайший друг-соперник Че Гевара, великий Че, символ свободолюбия с маек вольнолюбивой молодежи, и это в течение не одного уже десятилетия, где он? Как погиб? Сумасбродство его сгубило, честолюбивая заноза борьбы за справедливость или предательство? Опять загадка, а в глубине этой загадки, правда, смутно, туманно прорисовывается фигура Феди – нашего любимого бородача.

Как демократ Фидель воспринимается с трудом. Кому бы из демократов удалось утвердить себя во власти на полвека с лишним? Как диктатор?.. Но большинство диктаторов были созидателями, будь это Сталин, Гитлер, Пиночет. Одни выметали из нации дух упадничества (Гитлер), другие укрепляли экономику (Пиночет), а третьи выводили страну в число мировых лидеров (Сталин). Другое дело, какими средствами это достигалось и чем заканчивалось. Фидель не укрепил экономики страны. А о мировом лидерстве, естественно, речь и не шла – не тот масштаб. Но среди себе подобных «банановых» республик Куба могла бы стать, если не лидером, то страной, с которой хотелось бы брать пример. Что-то не видно очередей выстраивающихся за ее опытом. Остается третье – дух нации. Об этом стоит поговорить отдельно…

Гавана. Кто строил этот город, сами кубинцы или чужие дяди с далеко идущими планами? Мне со своим коллегой по «Огоньку» удалось полетать над Гаваной с благославления Рауля Кастро – брата Фиделя и второго человека в республике. Спасибо, есть на что посмотреть.

На Кубу мы летели весной 1972 года. Корреспондентам «Огонька» Юрию Кривоносову и мне предстояло подготовить номер журнала, посвященного Кубе. А поводом к этому послужил готовящийся приезд Кастро в СССР. Подарок гостю. Мы угнездились в самолет, который вез довольно видных людей. Одним из них был Гесс Холл, тогдашний глава компартии США. Летела наша «комсомольская» делегация на съезд комсомола Кубы, которую возглавлял Тяж, как про себя называли первого секретаря ЦК комсомола Евгения Тяжельникова, а в составе ее был космонавт Волынов. Космонавтов тогда были единицы, каждого знали в лицо, и уважение к ним было огромно.

Можете представить, каковы были мои впечатления от субтропической страны, если учесть, что всего неделю назад я был в Якутии. Там начало апреля – зима с ночными морозами под 40. Здесь жара непереносимая. Пусть на градуснике днем всего 26 градусов, но учитывая почти стопроцентную влажность, для непривыкшего к влажным субтропикам – это ад. Благо, под крышами всюду, куда мы попадали, кондиционеры. Но выходишь – и чуть ли не русская баня с паром. Однако, на улицах довольно людно. Никто не прячется от жары, молодежь, резвиться, улыбается и, кажется, совсем не скучает в длинных очередях, включающих в свои извилистые тела сотни человек. «За чем это они?» - «Это? А за мороженным?» - беспечно отвечает нам наш переводчик Мануэль, некрупный, подвижный парень, в котором не сразу признаешь лейтенанта каких-то там войск. Разгадали его секрет просто, хотя он ничего и не скрывал. В номере он стал готовить коктейль, а за неимением нечего лучшего, лед дробил рукояткой пистолета. Но вернемся к мороженному. За что его так безумно любят на Кубе, что готовы стоять в очереди на жаре по пять-шесть часов? Ответ отыскался не сразу Нас поселили в лучший отель Гаваны, выдали гостевые карты, которые тут называли «тархетками». «Это обязательно?» - спросили мы Мануэля. «Нет, вас, конечно, и без них пустят, но по ним можно покупать каждый день пачку сигарет и сигары». – «Ну, этого-то добра у нас и с собой хватает!» Кто ж из россиян едет за границу, не обеспечив себя всем необходимым для жизни хотя бы на месяц вперед? «Тогда отдайте тархетки мне». Немного погодя мы выяснили, что за деньги, за песо, на Кубе нельзя купить почти ничего. На все карточки, на все лимиты. Обеды на предприятии, где служишь. По-моему, бесплатные. А выглядит угощение так. В алюминиевом подносе выдавлены емкости. В одну наливают суп, в другую второе, в остальные кладут то, что еще прилагается: хлеб, вилки-ложки… Понятно, всем одно и то же. И так всюду, за исключением ресторанов. Но туда, по-моему, ходят только типы вроде нас – гости Кубы. С остальными товарами

Если Фидель на трибуне, речь может длиться и четыре часа, и восемь…

народного потребления дело обстоит тоже просто. Норм потребления я не запомнил, могу чуть ошибаться, но в целом выглядит так. На душу одни штаны на два года, рубашка на год, женские чулки полторы пары в год. Нас предупреждали еще дома: если хотите кому-нибудь дарить сувениры, дамам захватите чулки, а мужикам сигареты. Что приличные сигареты для Кубы роскошь, я убедился на второй же день. Оставленная мной на столе початая пачка сигарет была полностью опустошена после уборки, хотя сама коробочка осталась на месте. Ни содержимое чемодана, ни кофров (аппаратура!) тронуто не было. Однако, менталитет. Купить за деньги можно не все даже в магазинах вроде нашей бывшей «Березки» (куда кубинцам доступа нет), да в некоторых отелях кое-что из сувениров (вот тут обязательна тархетка).

На Кубе мы познакомились с собкором «Правды», который приехал в аэропорт, чтоб осветить приезд нашей комсомольской делегации. «Ребята, расскажите поподробнее, что там, как?» - «Да разве вы сами не видели?» - «Нет, мне не дали аккредитации». Не фига себе история – корреспонденту «Правды», главной газеты страны-кормилицы Кубы!?. Надо шепнуть пару слов нашему послу, пусть наведет порядок. «Да что вы, он сам к Фиделю месяцами не может попасть!»

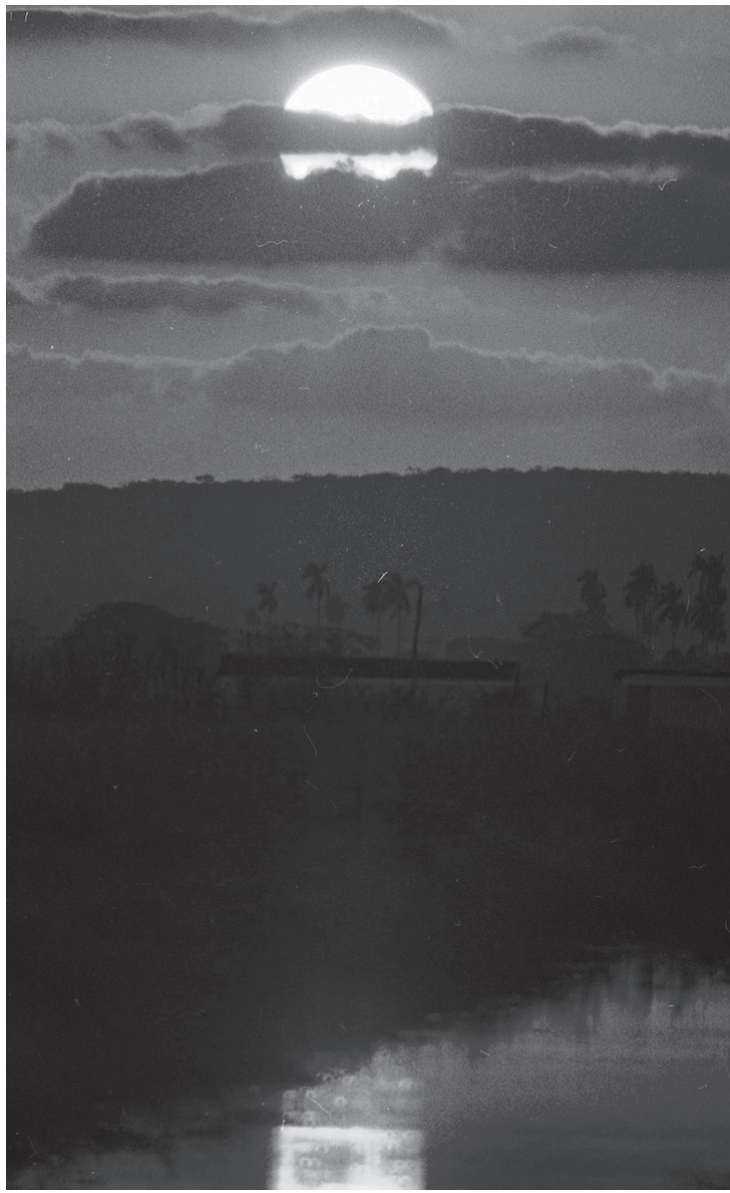
Выглядело странно. Издали казалось, что мы лучшие друзья Кубы, а сама она что-то вроде союзной республики. А вблизи как-то иначе. Наши девушки, превратившиеся в жен наших островных друзей, были, как бы это помягче сказать, под подозрением, как, впрочем, и их мужья – на кого они работают? Получить новоявленным кубинкам разрешение на посещение исторической родины – проблема, на решение которой уходят годы. Дружеские отношения иначе как-то строятся. Да и самим кубинцам – веселым, беззаботным, улыбчивым, добрым, иногда хотелось сесть в лодку и рвануть куда подальше. Да так они и делали, самые отчаянные из них. Кто погибал в пути, кто доплывал до враждебной Америки, однако, не ощущая к ней никаких негативных чувств. Чудаки! Фидель же вел их с счастью. Пусть строем, пусть в обязательном порядке, но к счастью. А они…

Но прервем лирическое отступление. В первый же наш вечер на Кубе открывался съезд местного комсомола. Зал необъятен – тысяча человек, две? Появляется многочисленный президиум во главе с вождем кубинской революции красавцем-бородачом Фиделем. Высокий, стройный, так и пышущий мужской энергией и силой. Ох, бедные женщины, перед таким мужчиной в самом расцвете лет – 46 – устоять трудно. Да поговаривают, что и

“Viva, Cuba!” – страна мечты!

Рауль и Фидель. Кто-то из комсомольских лидеров Кубы не в счет.

живет он без жены… Не будем о пустом. Зал ликует, гремят аплодисменты – все, как положено. Сказано уже много слов, сменилось довольно ораторов, но зал ждет слова Фиделя. На трибуну Фидель поднимается уже глубокой ночью. Мне было страшно интересно посмотреть, как будет реагировать зал на выступление вождя. Фидель уже стал известен тем, что менее 6-8 часов, он никогда не говорил с трибуны. Больше – можно, меньше – никогда. Фидель начинает свою речь – пламенно, темпераментно, он умеет. Через полчаса, вскидываю голову – никак заснул. Перелет, смена часовых поясов. Фидель говорит. Он гвоздит сильным указательным пальцем, выкинутым из кулака, всех явных и тайных врагов Кубы, врагов революции. Если бы он тыкал по реальным живым существам, немногие бы из них уцелели. Он машет рукой, как комбат на фотографии Альперта «В атаку!». Однако, никто с мест не срывается. Продирая глаза, я обвожу ими зал: кто дремлет, кто болтает с соседом, многие места пусты. В кулуарах дым столбом. Делегаты курят дешевые кубинские сигареты, набитые, похоже, не табаком, а мелко порубленными стеблями чего-то непонятного. Э-э-э, когда говорил наш «папа Джо» - Иосиф Виссарионович, попробовал бы кто оторвать от него взгляд. Но Сталин, кажется, и не говорил дольше нескольких десятков



минут, да и то в исключительных случаях. Ценил свое слово. Знал, и так поймут. А не поймут – им же хуже… Через три часа, очнувшись от тяжкой дремы, увидел, Фидель все говорит. И бодр, как огурчик. И через пять, и далее. Говорит. Как бы хотелось заслушаться, да не понимаю я по-испански…

Больше Фиделя мы не видели, хотя пробыли на Кубе недели три, а встреча с ним, интервью, были оговорены условиями нашей командировки. Не видели и его брата Рауля, хотя были благодарны ему за разрешение полетать над Гаваной, поснимать ее сверху. Наш друг Мануэль сидел в том же вертолете. «Вон Кахимар, вилла Хэмингуея! А вот там, правее, резиденция Кастро». – «А как бы к ней поближе подлететь?» - «Не советую, могут шарахнуть по вертолету». Это уж никак не входило в наши планы, и мы не стали настаивать.

Фидель Кастро был, конечно, бревном в глазу у американцев. Нам рассказывали, что за Кастро постоянно охотились, а сам он, садясь в машину, клал у своих ног автомат. Романтично, хотя, кажется, и не практично. Если тебя захотят достать, автомат-то уж точно не поможет. Зато какой имидж! Поверхностному наблюдателю, каковым я, собственно, и являлся, в этих россказнях виделся сюжет оперетты. А покушения на Фиделя действительно были, да не один десяток. К счастью, всех он успешно избежал. Видно, бабка его заговорила. Однако, он и сам был не промах. Чтоб не случилось заговора, он никому не верил кроме брата Рауля. Чтоб обезопасить себя от возможности возникновения подобных попыток, он постоянно перемещал кадры так, чтоб никто не мог обрасти прочными связями. Сегодня ты министр, завтра профсоюзный деятель, потом глава отдаленной провинции Кубы, начальник стройки и т.д. и т.п. Мы сами удивлялись этому. «А давно вы на этом посту?» - «Нет, второй месяц, а до этого я был…» Так отвечал почти каждый спрошенный нами чиновник. Разными были только называемые сроки…

Пятьдесят лет, да еще и с гаком. И поныне жив славный барбудос. Жива и страна, пережившая и любовь и измену. Идеям свойственно меняться, людям ждать. Верить или не верить – неважно. Главное, ребята, сердцем не стареть…

ПЕРВЫЕ ЛИЦА

Эта главка отличается от всех остальных. В ней я рассказываю не об одном лице, а сразу о нескольких. Все они объединены одним – принадлежностью к верховной власти. Все они были первыми людьми государства. И всех их объединяет еще одно: после ухода каждого из них с поста, вослед было высказано немало насмешек, ругани, чуть не проклятий, едва ли не доброй половины того самого народа, который они хотели привести к счастью, а заводили бог весть куда. То ли России не везло с правителями, то ли правителям не везло в России. Не будем далеко углубляться, возьмем лишь прошедший век. Кого Россия не провожала плевками и улюлюканьем? Так было с мягкосердечным, но слабовольным Николаем II. Так было с Лениным, не сразу, но спустя 70 лет после кончины. Так случилось со Сталиным после «обвала» его Хрущевым на 20-м съезде КПСС. Сам Хрущев тоже не долго усидел в любимчиках народа. Да и согнавший его Брежнев кроме насмешек и опять же плевков, ничего другого не удосужился. Той же дорожкой прошли Горбачев и Ельцин, которым поначалу хотелось верить и верилось. Но и они не удержали горшок власти необгаженным, а все помои, содержащиеся в нем, на себя же и опрокинули. Неважно, как назывался верховный правитель – император, председатель правительства, 1-й секретарь ЦК, Генсек, а по новой моде даже и Президент, суть власти от этого не менялась. Пугачев вон тоже звался царем, а как был мужиком буйным, да бесшабашным, таким он и в историю вошел. Говорят, история повторяется. Президент Ельцин был из той же породы бесшабашных мужиков. Нетрепетной рукой помчал он телегу новой России вскачь по всем кочкам и ухабам, грозя на возу все горшки переколотить… Пронесло, однако. Горшки побили, но воз, слава богу, не опрокинулся…

Фидель приехал, Фидель в Москву приехал… Вот уж гость так гость!.. 1963 год.

Начал я издалека, а надо бы свернуть к общей теме этих заметок – встречам, которые в моей жизни случались. Николая, Ленина и Сталина можем сразу вычеркивать, видеть мне их приходилось только на изображениях, да на экране. Так что, свидетельствовать не могу, жили они на самом деле или нет. Хрущева я видел только один раз, да и то секунд пять-десять и

при этом издали. В 1963 году в СССР должен был впервые прибыть наш любимец бородач с Кубы Фидель Кастро. Имя его давно было уже на слуху, Куба была нашим лучшим другом, по крайней мере в западном полушарии. Власти, конечно, рассматривали Кубу как важную точку опоры под боком у злокозненной Америки (подразумевается – США). Никита гнал на Кубу и товары и ракеты. Первые для поддержания штанов молодого государства, вторые, якобы для защиты его, а на самом деле... да кто его знает. Американцы же в силу своей злокозненности, заподозрили нечто худшее. Летом 1962 года разразился страшный Карибский кризис, и весь мир мог вспыхнуть как спичечная головка. Но слава богу, разум как-то возобладал, мир вернулся к своему привычному состоянию – ворчанию пса над костью. Неприятно, но терпимо. И вот, чуть менее года спустя, Фидель едет к нам. Кортеж гостя должен был проследовать из Внуково в Кремль по Ленинскому проспекту. Я сообразил, если напрошусь в чью-нибудь квартиру, глядящую окнами на проспект, то получу шанс запечатлеть идущую кавалькаду, отметиться, так сказать, во времени. А время было просто удивительное: меня пустили в первую же квартиру. Никакие спецслужбы рук мне не вязали, террористы тогда еще были не в моде. Я увидел приближающийся кортеж, «сплющил» его телеобъективом, и несколько раз успел нажать на кнопку. Кого снимал я смог рассмотреть только на отпечатках. Ага, вот они: Хрущев, за ним Брежнев, Фидель. На нем почему-то шапка-ушанка. Ну да, ведь Фидель привык к жаре тропиков. К тому же шапка – возможно, подарок северных друзей. Потом в репортажах видел, что Фидель эту шапку так и не снимал – ни на трибуне мавзолея, ни при объятиях с ликующим народом. Viva Куба! - словом!

Дорогой Леонид Ильич и дорогой товарищ Устинов. Последний курировал в Политбюро всю оборонку, что обходилось стране весьма не дешево. Тбилиси, лето 1982 г.

Вскоре я уже работал в «Огоньке», но до съемки «верхов» не допускался. Все кремлевские съемки вели в журнале Бальтерманц и Гостев, и они ревниво оберегали эти свои права.

В 1982 году мне довелось увидеть еще одного правителя и довольно близко. В Грузии я снимал альбом о республике и живал там иногда неделями, а то и месяцами. В начале лета этого года республика готовилась к празднованию своего 60-летия. Ожидали приезд Генерального секретаря со всей могущественной и многочисленной свитой – членами Президиума ЦК – Политбюро, секретарями ЦК республик, может, и не всех, но числом достаточным. В один из дней готовился грандиозный парад-демонстрация со спортсменами и народным ликованием. Я заранее позаботился об аккредитации у грузинских властей, но, видимо, слишком заранее, поскольку они то ли забыли о моей просьбе, то ли привычно отделались обещаниями. Словом, к моменту выхода к «людям» у меня не было никакой бумажки, «удостоверяющей», что это мне дозволено. Но во мне тогда еще жил дух фоторепортера. А тому непременно нужно попасть туда, куда тебя не пускают или попросту гонят. Я увидел толпу собратьев, увешанных кофрами, камерами, объективами, штативами и даже лесенками. Они шли, весело балабоня, мимо меня, стоящего за шнурочком. Я, разумеется, переступил шнурок. Половина ребят прекрасно знала меня, а я их. «Ты откуда? А? У? А?..» С кем-то пообнимались, с кем-то перемигнулись. Мальчики из «девятки» (охрана высших лиц) ничего не поняли, а скорее просто не обратили внимания. Таким образом я «получил аккредитацию», то есть право с довольно близкого расстояния взирать на богов.

СССР

Боги, как им и положено, взирали на то, что происходит возле их ног, довольно безмятежно, чтоб не сказать отрешенно. Лица были скорее сонные, чем те, которые бывают у людей уже умывшихся и взбодрившихся и приступивших к активной деятельности. Не могу удержаться, чтобы не привести одну замечательную фразу, подаренную мне как-то чиновником рангом пониже первого лица области, коего мне предстояло увековечить. Я пришел к назначенным мне 12 часам. Но Второй человек о Первом сказал: «Рановато, у него еще лицо не проснулось».

В грузинской истории, видимо, было то же: рановато. Однако, время шло. На площадь вступили футболисты тбилисского «Динамо». То ли время пробуждения старцев подошло, то ли анекдот тех времен они вспомнили. «Славу Метревели знаем! А Слава Кпсс – это кто?» Лица на трибуне оживились. Оказалось, эти лица могут не только изображать улыбки, но и улыбаться, как живые люди…

На вечер этого дня был назначен большой прием. На него были приглашены самые известные и заслуженные люди республики. Числа не знаю, но думаю не меньше пары сотен человек. Встреча должна была происходить на «фуникулере» - зале приемов на горе Мтацминда, что возвышается над городом. На самом ее верху стоит белый павильон со стройными колоннами, держащими ажурный навес, рядом гигантский монумент «Мать-Грузия», чуть пониже Пантеон – захоронение самых известных и знаменитых людей Грузии, среди которых и могила Грибоедова. С горы, как на ладони, весь Тбилиси. Течет проспект Руставели. К нему ручейками сбегаются улицы, бегущие как попало. А за проспектом голубеет Кура, хотя естественный цвет ее не голубой, а глинисто-серый. Это она отражает небо, которое сегодня особенно бездонно, Вечернее солнце заливает охрой стены и крыши домов, иногда золотом поблескивают окна зданий. Есть же рай на земле! Однако, сколько же можно ждать? Прием назначен на шесть, а уж и до восьми часов остаются минуты. «Все, скоро начинаем, он уже проснулся». Леонид Ильич проснулся, Леонид Ильич проснулся!.. Он уже едет, он уже скоро будет здесь!..

Уместен вопрос: а какое, собственно, мне дело до всей этой суеты? Я не гость, не аккредитованный журналист – никто. По делам альбома в Грузию приехал Юрий Торсуев, главный редактор издательства «Планета», которое и готовило этот альбом. Альбом уже лет 15 висел неподвижно – ни туда и ни сюда. Мне предстояло сдвинуть это дело с места, доснять его наконец. У Торсуева в Грузии был однокашник по «комсомольскому инкубатору» - то ли высшей партийной школе, то ли каким другим курсам, готовящим из комсомольцев партийную номенклатуру. Торсуеву досталось из-

«Тбилисо – тара-та-та-та…» Да, это прекраснейший из городов ушедшей в историю страны.

дательское поле деятельности – не больно-то престижное с точки зрения карьеры. А Отар Черкезия, однокашник, ходил уже в первых заместителях Председателя правительства Грузии. Но дружбы или доброго знакомства они не растеряли. Естественно, Торсуев был приглашен на банкет. Ну а как же быть с главным исполнителем, со мной, то есть? Ладно, и его возьмем. Только без фотоаппаратуры, иначе возникнут вопросы – кто такой, да по какому праву? «Да у меня и пиджака-то нет с собой, только кожаная куртка», – вздыхал я. «Ничего, я как раз два пиджака прихватил», - утешил Торсуев. Нам втиснули столик недалеко от входа в зал, как раз возле лестницы, по которой начала уже подниматься высокая делегация. С лестницы нужно было повернуть сразу налево, где метрах в трех и был наш столик. Шел Леонид Ильич, а по бокам Алиев и Шеварнадзе. Лицо Брежнева указывало на полное отсутствие его обладателя в предлагаемом месте и времени. Шеварнадзе держался с княжеским достоинством. Уважение свое к гостю он выражал без раболепия и суеты, что, как ни странно, еще больше подчерчи-

вало это уважение. Гейдар Алиевич же, едва ли в глаза Брежнева не пытался прыгнуть. Он так светился счастьем, что отблески порхали по залу. Брежневу, однако, было не до того. Он шел как заведенный. Сначала он, не разобрался, что ему нужно поворачивать, но его вежливо развернули в нужную, то есть как раз мою сторону. Я поразился малому росту Брежнева. Наверное, никак не больше метра шестидесяти? Лицо неподвижное, отсутствующее. От Генсека до меня оставалось уже не более метра, а он продолжал идти. Не под стол же мне нырять? К счастью, его еще раз поворотили под локоток куда нужно. Больше дорогого Леонида Ильича я уже не видел ни разу в жизни. Из нашего закутка правительственные столы не были видны, а через полгода не стало и самого руководителя страны…

Леонид Ильич изжил самого себя еще при жизни. Ему бы уйти вовремя. Примерно такой мыслью я поделился с народной художницей… Она работала по металлу, и именно ей заказали сделать для Брежнева саблю, и ножны, и еще что-то необыкновенной красоты. Все это уже было вручено Брежневу, а я снимал художницу в ее доме-мастерской. По-русски она говорила плохо. Наверное, это была сельская умелица-самородок из отдаленных частей Грузии, переселенная теперь в Тбилиси. Тем не менее, мнение свое она высказала определенно: «Как же это можно, чтоб он ушел», - я уже было настроился дослушать верноподданнический текст до конца, но продолжение было неожиданным. «Кто ж за ним так ухаживать будет?» А мы говорим, откуда такое стремление к власти?

Еще несколько стариков взошло на высокий пост. За ними «поухаживали» и похоронили. И вот, наконец, появился молодой, энергичный, говорящий без бумажки человек. И все вздохнули: «Это – он!»

Михаил Сергеевич быстро набирал обороты. Первый удар он нанес по окостеневшей управленческой системе, разрушил коммунистические вертикали и скрепы, убрал до кучи большую половину Первых. Их места тут же позанимали Вторые.

Тут мне хочется еще раз вспомнить о народной мудрости. Это было задолго до перестройки. Я находился в самом отдаленной районе Туркмении, в уголке, образованном Каспийским морем и Ираном. Поселок рыбаков назывался Гасан-Кули. Местный бригадир устроил нам плов. Из разговора выяснилось, что у них убирают первого секретаря райкома. «Рады, наверное?» - спросил я. «Что ты? Какая радость? У прежнего уже все было, а новому все дай».

«Новому все дай» почувствовали мы в полной мере, правда, несколько позже, в девяностые. Приватизировали и прихватили все и на всех уровнях. Каждый отгрызал от страны столько, сколько позволяли связи. Но к этому мы вернемся чуть позже, а пока о Горбачеве. Впервые я его увидел вблизи после его триумфального провала в августе 1991 года. Хоронили троих ребят, погибших во время путча. Погибли зазря, а хоронили их пышно. Прощание проходило на незастроенной еще тогда Манежной площади (тогда она называлась еще площадью 50-летия Октября).

Я понимал, что нашего брата-фоторепортера на прощании будет немеряно. Естественно, их отсекут на какое-нибудь среднее расстояние. Снять дадут, но разгуляться не очень. Маневр я обдумал еще дома. Надел широкую куртку, камеры под нее, пленку, объективы – в карманы. Теперь я никто, ничто, а скорее я родственник усопших. Тема более, что родственники друг друга и не знают – три семьи. Так и сошел за «старенького». Все где-то, а я в самом центре. Произошло примерно то же, что и на похоронах Сахарова двумя годами раньше. Опять я оказался в самом центре коловращения. Вот приближается к траурным венкам «спасенный», но побитый (морально) президент. Как и положено, тронул ленточку, высказал слова соболезнования, поднялся на трибуну…

Следующий встреча – его отречение от власти. В кабинете президента телекамер и фоторепортеров набилось столько, сколько сельдей набивают в бочку. Но с моей точки, метров с пяти, все же виден президентский стол. Горбачев бледен, но спокоен. Начинает читать текст. Едва успевает докончить, те, кто может, бросаются к окнам. Исторический момент

Последние минуты первого и единственного Президента СССР. А внизу… Это уже после драки…

С таким характером, да не прорваться к власти? Амбициозный и лукавый, открытый и себе на уме. Демократ и монарх в душе. Властный и бесшабашный. Это наш тип, российский. Сильно он нам по душе.

держава умерла, с нее, с неостывшей еще, сдирают флаг. Что-то похожее на мародерство. Однако, за исключением, пожалуй, низвергшегося Президента, все ликуют… А могли б и сдержать свою радость, как это делают даже перед гробом противника… Куда там! Король умер, да здравствует новый король!..

К верховной власти пришел Ельцин. Горбачев и Ельцин – люди, сошедшиеся в своих крайностях, а главное, в нетерпимости друг к другу. Антиподы. Но результат деятельности обоих – развал страны. Чьих тут лавров больше – судить не мне. Что ж, все как в жизни. Когда пилят бревно, каждый пилу тянет в свою сторону, однако, общей цели достигают. Будучи главой государства, Горбачев «перекрыл кислород» Ельцину, узрев в нем бунтаря. Одного этого достаточно было, чтобы Ельцина сразу «полюбил» народ. «Кто, если не Ельцин» - надписи на самодельных плакатах митингов того времени. Ельцин, несомненно, будучи в душе артистом, хорошо разыграл свою роль: ходил «в народ», заглядывал в магазины, пару раз прокатился на троллейбусе, как простецкий парень, говорят, даже заглянул раз в поликлинику для смертных – чего не сделаешь ради власти. А власти ух как хотелось. В 1989 году Ельцин боролся за в кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. На одном из таких собраний, в Кунцево, где из семивосьми претендентов на место кандидата в списке для выборов нужно было выбрать одного, я, оказавшись рядом с Борисом Николаевичем, и сделал этот снимок. Человек с волчьим оскалом. А может, задним числом я все это выдумываю? Снимок перед вами, судите сами. Надо сказать, Ельцина снимать было очень легко. Его эмоции всегда были наружу. К тому же, он часто появлялся в толпе, был доступен для взоров. Ельцина не снимал только ленивый, и у каждого, думаю, есть своя коллекция этой неадекватной личности. А вот Горбачев привычками относился скорее к той, отживающей номенклатуре: он был всегда собран, чувствовал направленные на него камеры, да и всеобщее внимание, держался с виду открыто, но дозировал каждую свою эмоцию. Как говорится, держал дистанцию.

Мне дважды довелось увидеться с Горбачевым довольно близко. В 2002 году я получил неожиданное предложение: поснимать не официальный визит бывшего Президента СССР в Америку, где он должен был встретиться с бывшим Президентом США Биллом Клинтоном. Не буду вдаваться в подробности этой аферы (афера только по-русски звучит неблагонадежно, а на иных языках это просто дело). Но вот я в Нью-Йорке, готовится большой прием, на котором кроме Клинтона будут присутствовать

множество экономических и околополитических тузов. Сбор гостей. Вот они шествуют примерно с той же чинностью и солидностью, как гости на балу у Волонда. А где же Клинтон с Горбачевым, вот-вот подъедут? Да они уже давно здесь, вошли с другого входа. Охрана бывших президентов американская. Видимо, у них нет инструкции – держать и не пущать, они и не проявляют строгости: нужно тебе идти – иди. Ты же ни чего не нарушаешь, и ничем не грозишь. Я успел отснять кучу кадров этого общения. На следующий день было посещение рокового места, где год назад были разрушены башни-близнецы. Граунд-Зиро, нулевая отметка. Теперь на месте трагедии зиял лишь котлован. Вся публика, включая репортеров, стояла за веревочкой по берегам этого котлована, а Горбачева повели вниз. Как, и это без меня? Я тут же втесался в эту группу. Кто-то из охраны пытался меня вежливо остановить, но я суматошно махал руками и выкрикивал что-то на непонятном наречии, что, по моим представлениям должно было означать, что я частный (личный, приватный) фотограф высокого русского гостя. Чтоб не связываться с сумасшедшим, охрана махнула рукой – такого беспардонного попрания правил поведения Америка просто не знала, а я не знал ее обычаев. И снова я оказался не за веревочкой, а в самом, что ни есть эпицентре… Но… представить снимков не могу, все пленки сразу же ушли от меня заказчику. На счастье в камере осталась в камере недоснятая, последняя пленка, с нее я и привожу публикуемый здесь кадр.

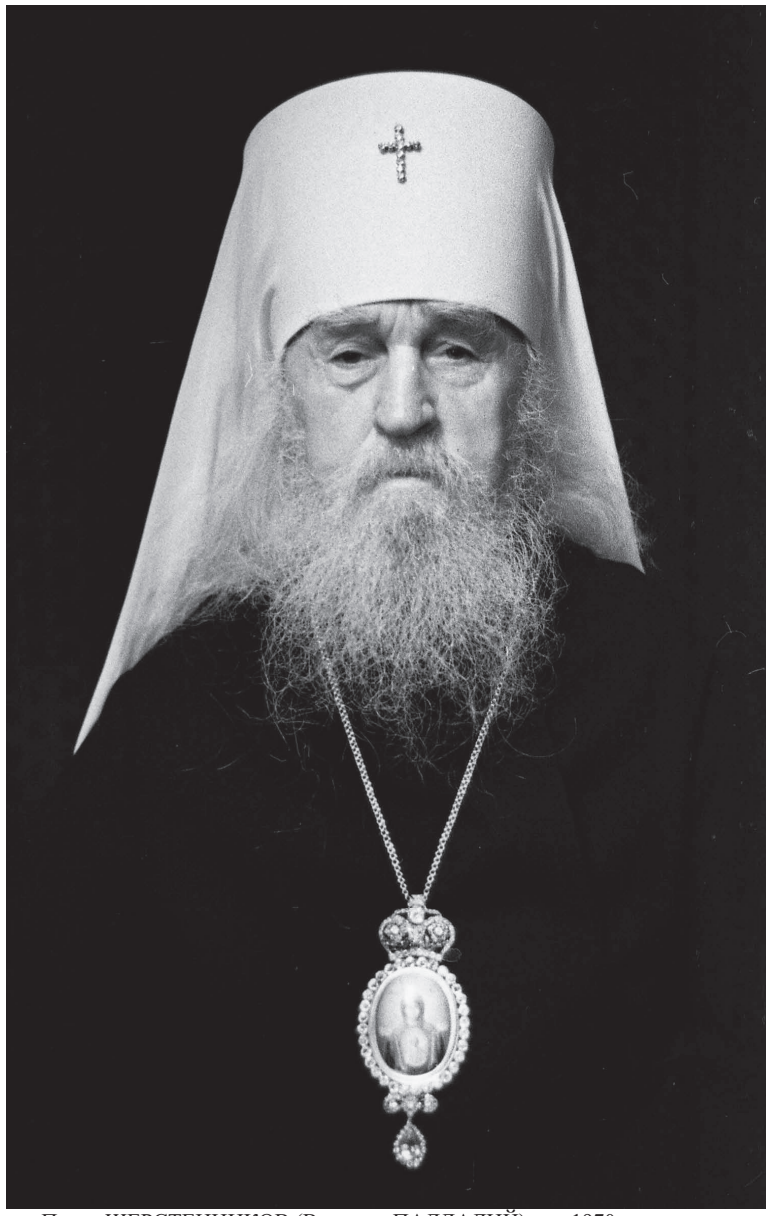
А вскоре произошла еще одна встреча с Горбачевым. Я довольно много снимал в театре на Таганке – и спектакли, и жизнь закулисья. В один из вечеров театр посетил Горбачев. Да с кем? С Гавриилом Поповым, тем самым Поповым, что годами раньше поднимал волны возмущения «режимом Горбачева». Теперь же они оказались соратниками – пытались совместно сколотить какую-то новую партию. Кажется, ничего путного у них из этого не вышло. Во всяком случае вернуться во власть никому из них не удалось…

Недавно попалась мне в руки книга Эдварда Радзинского о Николае II. Там были приведены слова одного из видных политических деятелей начала прошлого века, посла Франции в России времен Первой мировой войны и революции Жоржа Мориса Палеолога. Привожу их не дословно, по памяти. А суть их такова: Россия особая страна, и главная ее особенность в том, что как только ослабевает верховная власть, страна сразу же вступает в анархию. Никаких демократий быть в России не может: или раболепное поклонение, или анархия. Все сильные правители России, это я уже от себя говорю, что крепили мощь, те, что поднимали международный авторитет ее

– палачи. Иван Грозный, Петр I, Сталин – кто там еще? То ли России не везет с правителями, то ли правителям не везет с Россией.

Правители моего времени (а родился я еще при Сталине), вроде и люди-то все неплохие, и у каждого славные деяния. Но то ли не всем по силам шапка Мономаха, то ли власть настолько ядовита, что за каждым остается, если не кровавый след, то след грязи и мути. Каждый достоин памятника ровно настолько, как и поругания. Черно-белый Хрущев стоит на могиле. Символично. И такой памятник подошел бы почти каждому российскому верховному правителю. Может так происходит потому, что все из грязи да в князи, опыта недостает, знаний. Я не говорю о каких-то особых познаниях. Но похоже они не читали и русской литературы, иначе, как было бы не задаться вопросом, почему тексты, писанные века назад, никак не умирают? О чем пишут Лесков, Салтыков-Щедрин, Гоголь? Разве это не репортажи о чиновничестве наших дней? Разве разворовывание государства – изобретение нынешнего времени? Разве коррупция, мздоимство, взятки, полное бесстрашие власть имущих перед законом – это лишь наша глубокая история? Это наше вечное Сегодня. Но зато у каждого правителя хватает апломба сознавать себя непогрешимым, а возможно, и благородным – истинным спасителем государства и благодетелем народа. Считается, что Россия идет самобытным путем, торит новые пути. А может, она идет по вечному кругу, пробив в нем такую колею, из которой не выбраться даже если со стороны тебя будут вытягивать за уши. Эх, тройка, Русь-тройка, и кто тебя выдумал!?

Горби в Нью-Йорке. Вот где его действительно ценят.



Павел ШЕРСТЕННИКОВ (Владыко ПАЛЛАДИЙ). 1970 год.

Павел ШЕРСТЕННИКОВ

Нет, это не совпадение фамилий. Павел Александрович Шерстенников мой дядя, старший брат моего отца. Правда увидеться с ним в жизни мне довелось лишь раз, когда отцу было 70, дяде 74 года, а нам, его племянникам, родным братьям Евгению, Алексею и мне, Льву, соответственно 46, 44 и 32 года. Все мы были людьми уже определившимися в жизни, семейными и даже отцами. У нас было все: любимые профессии, какое-то положение, квартиры. Разве что не хватало мудрости – товар, впрочем, совсем не обязательный. Особенно, когда ты молод, здоровье кипит, а жизнь впереди кажется хорошо накатанной асфальтированной дорогой. Семьи у дядюшки не было – не положено по чину. А дом был – не велик, не мал, выросший в городе деревянный дом, с тихими зелеными палисадниками-двориками – в жару не душно, в мороз не зябко. В таком доме хорошо сидеть возле лампы с книгой, размышлять, а, может быть, и молиться. Вот всем этим мой дядька и занимался. Возле дома возвышался Храм Смоленской иконы Божией матери, где совершались молебствия уже более значимые. Чаял ли старик встретиться со своими племянниками – вряд ли. Отец со своим братом были людьми разными и по взглядам, и по убеждениям, и по роду занятий. Дороги их разошлись еще в юности. И разошлись настолько далеко, что даже переписка оборвалась чуть не на четверть века. Отношения восстановились уже ближе к старости, как-то нашли друг друга, обменялись весточками и вновь завязали переписку. Поняли, вероятно, что родственные узы важнее мелочных условностей жизни. Мы же, дети, о существовании дядьки знали лишь вскользь. А вот и выпал первый (и последний) раз свидеться. В Москву по случаю недомогания приехал отец, прилетели и мои братья. Когда обследования закончились, отец и предложил всем вместе навестить своего брата. Город Орел, где в эти годы проживал дядька, милый, симпатичный город центральной России. Опять же, не велик и не мал, прозрачный и чистый, особенно в воздушные июньские утра. Речка Орлик, протекавшая кварталах в двух-трех от дома, манила окунуться. Потом за дядюшкиным столом неспешный завтрак, перетекающий в обед, коньячок к доброй закуске. Мы славно провели парочку дней у старика.

Этот снимок сделан в селе Большой Рой Вятской губернии. Семья священника Александра, моего деда. Внизу на корточках пристроился мой отец Николай. Слева стоит Павел. Фотография довольно поздно попала ко мне в руки. Надо признаться, семью сельского попа я представлял более приземленной.

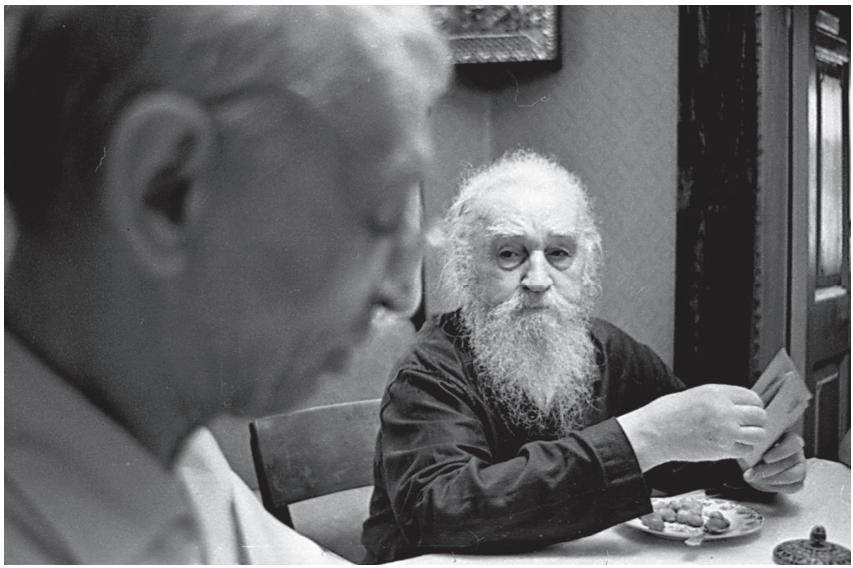
А нижние два снимка делал уже я, когда отец, в конце 40-х взял меня в путешествие по родным местам. Церковь, в которой служил мой дед, и дом, в котором жила семья, стояли рядом, через дорогу, Вятско-Казанский тракт, по которому нередко проходили этапы каторжан, следовавших в Сибирь.

1916 год. Мой дед Александр с сыновьями Павлом (слева) и Александром.

Происхождение мое поповское. О своем деде по отцу, Александре, я слышал не слишком много. В общем-то, неудивительно. Я родился лет на двадцать позже после его смерти, а он умер где-то перед двадцатыми. Бабушка не надолго пережила своего мужа, так что старики не побаловали меня качанием на коленях. От отца я знал, что семья сельского священника, моего деда, была многочисленной. Родилось то ли двенадцать, то ли тринадцать детей, выжила лишь половина. Мой отец Николай был одним из младших, Павла можно было скорее отнести к старшим, поскольку он на 4 года был старше отца. Но разница в учебе, была менее 4 лет, поскольку отец проявил свое стремление к этому занятию слишком уж рано и рьяно. И не смотря на разницу лет, семинарию окончили одновременно или почти одновременно. Детям священников была уготована, в общем-то, одна дорога, а именно, по духовной линии. Лишь обучаясь в духовном училище и в семинарии, можно было рассчитывать на получение образования на казенный кошт, который включал в себя и собственно учебу, и жилье, и пропитание. Так что начальное и среднее образование у братьев было общее, а дальше их пути разошлись. Время было суматошное, революционное. А такое время самое подходящее для кипения молодой крови, для переоценки всего и вся. Отец не бредил революционными идеями, но, похоже, полностью разделял их. Для него это вылилось, прежде всего, в недоверие к религии. Он не разделял идею существования бога, а в службе церкви видел много лицемерия, да и просто корысти. Богатому все здесь и сегодня, бедному - райские кущи в загробном мире. Ему не казалось это справедливым. Семинарское образование, к слову сказать, было вполне и светским. Помимо специальных дисциплин, духовных, там шло самое глубокое знакомство с предметами общегуманитарными, если к ним можно отнести и биологию, и математику, и прочие предметы гимназического курса. Вольные ветры перемен заставляли семинаристов смотреть шире, многие из будущих священников задумывались: а не лучше ли уйти в мир, где они будут приносить пользу не только словами утешения, но и делами более конкретными, земными. Среди семинаристов, устремившихся в университеты, был и мой отец. А его брат Павел, несмотря на тяжелые для церкви времена, решил идти дальше по семейной линии. Закончив Вятскую духовную семинарию, Николай поступил на медицинский факультет Казанского университета, а Павел в Казанскую духовную академию, посвятить себя службе Господу. А есть он там, на небесах, нет ли – поди знай. В головах семинаристов подобные мысли рождались. Они жарко спорили о своем предназначении (разумеется, не на глазах начальства). Решившие отойти от религиозных дел, усмехаясь, спрашивали приверженцев веры – хватит ли на их век дураков?

1953 год. Делегация от Русской Православной церкви, в составе Митрополита Крутицкого и Коломенского НИКОЛАЯ, Архиепископа Иркутского и Читинского ПАЛЛАДИЯ (на снимке – справа), Архиепископа Одесского и Херсонского НИКОНА и других, возложила венок на гроб Сталина.

Павел, если верить словам моего отца, которые я неоднократно от него слышал, на увещевания всегда отвечал: «На мой век дураков хватит!» По слухам, из Духовной академии он был призван в армию. Какую уж – красную или белую не скажу, но вскоре демобилизован. У него даже появился соблазн поступить на медицинский факультет университета, что он и сделал, уйдя из духовной академии. Но скоро понял – это не его путь. В 22 года мой отец после окончания Казанского университета стал врачом. Павел в этом же самом году был рукоположен во священника, а вскоре и пострижен в монашество. Поднимаясь по служебно-духовной лестнице, занимал разные церковные должности от диакона до архиепископа. Всякая служба есть служба. Веришь ли ты в провозглашаемые лозунги или не веришь – дело личное, главное, как службу блюдешь. В 1940 году отца Палладия арестовали. Он не избежал участи большинства священников тех свирепых времен. Приговорили к 8 годам каторжных работ на Колыме - самом центре ледяного царства Гулага. Человека, который там не сгинул, следует уважать уже за одно это. Места не столь отдаленные он познал на собственной шкуре.



1970 год, город Орел. Братьям было о чем поговорить и что вспомнить.

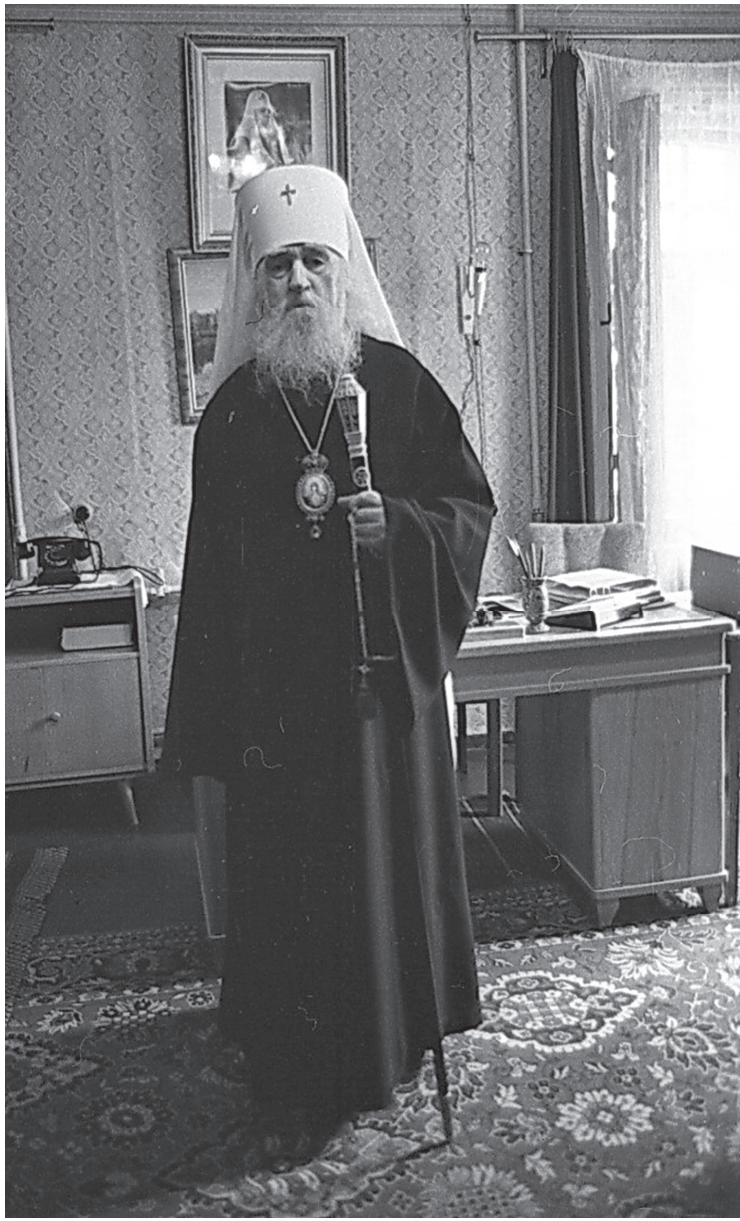
Нижний снимок, сделан в тургеневском Спасско-Лутовинове. Павел Александрович не был затворником, любил совершать прогулки по любимым местам. Когда он переодевался в гражданскую одежду, мало кому приходило на ум, кто перед ними. Да и верующих по тем временам можно было перечесть чуть не по пальцам.

Одна из мудростей, не знаю, кем высказанных, говорит: все, что нас не убивает – укрепляет нас. Семинарист Сталин к религии относился двойственно. Сначала он, как и Ленин, давил ее, уничтожал. Ничего личного: чтоб утвердить храм новой веры, нужно разрушить старый. Война несколько изменила взгляды напуганного Сталина, ему понадобилась сила божественного слова, он стал выпускать уцелевших священников из лагерей. Вышел и Палладий, правда, отсидев уже свой срок полностью, война осталась позади. Церковь не забыла своего сына. В 1947 году он был назначен архиепископом Семипалатинским и Павлодарским. А вскоре служить церкви ему определили в восточных российских окраинах: он был назначен владыкой Иркутским и Читинским. На этом посту он и принял весть, что отец народов приказал долго жить. В состав церковной делегации вошел и Архиепископ Иркутский и Читинский Палладий. Отец мой, по своей линии за это время, дослужился до степени доктора медицинских наук и звания профессор. Он давно вступил в партию, которая, похоже, и стала его религией. Все ее догматы он принимал истово, не подвергая их сомненью, а слепо веря, как истинные христиане верят во Христа. Но разница в убеждениях уже не мешала братьям протянуть друг другу руки. Не обняться, слишком велико расстояние от Иркутска до Уфы, но завязать переписку, и было несколько встреч, на которых мы, дети, уже и сами разбросанные по всей стране, присутствовать не могли.

И вот эта встреча в Орле. Какими глазами глядел Митрополит Орловский и Брянский на своих новоявленных племянников? Наверняка, он не находил в их глазах пиетета, который привык встречать среди людей чужих – верующих иль неверующих – неважно. Высокий чин позволял восприни-

мать обожание, как должное, а нажитая мудрость, подсказывала, все это чушь, и не проявленным к нему подобострастием, оценивается человек. Мой старший брат Евгений ушел на войну 18-летним мальчишкой с «убойным» весом 42 килограмма. Командовал зенитной батареей, на фронте вступил в ряды партии. Повезло: уцелел, прошел войну до победы на Западе, а затем воевал с Японией. Заматеревший и кое-что повидавший, ставший ныне тоже доктором медицинских наук, профессором, он имел собственные представления о жизни. По природе своей циник, он был резок на язык. Но мудрый дядька, сам прошедший той узкой и скользкой тропой над пропастью, умел всегда ответить, да, пожалуй, и умыть нагловатого племянника. После какой-то очередной колкости, Митрополит решил осадить родственничков неожиданным предложением: «Вот вы, я вижу, все любите выпить! А что ж все пить-то дядькин коньяк? Принесли бы свой, да дядьку б и угостили!» Предложение было принято с энтузиазмом. Мы затарили пол ящика, а то и поболе, коньяка. Цена его была 4-12 за бутылку. А на следующий день коньяк подорожал вдвое. Уж не сам ли Господь подал знак дядюшке, а тот его транслировал нам. Теперь беседы продолжались при еще большем равенстве сторон. Павел Александрович не грузил нас тяготами прожитой жизни, не наставлял, не читал нравоучений. Видимо, понимал – не в коней корм. Он видел изнанку мира, он видел и его блеск. В составе высоких церковных делегаций бывал за границей, улаживая международные духовные дела. Только что вернулся из Польши, где принимал участие в интронизации нового Варшавского митрополита. Но это было где-то там, за пределами его жилища. А с нами сидел старик, гораздый и подтрунить и рюмочку выпить. Отец же наш всегда ратовал за трезвость: и теоретически, и практически. «Ну что ты, Колька, рюмку поднять не можешь? - произносил дядя Павел, смакуя свою, - Все равно ж помрешь раньше меня». Но тут предвидение его подвело. Дядюшка умер на четыре года раньше моего родителя. Ушли они оба примерно в одном возрасте – 80 лет с хвостиком. Владыко Палладий преставился 23 апреля 1976 года в Великую Пятницу. Отец умер на Рождественской неделе, четыре с половиной года спустя. Хоть и верили разным богам, родственные узы оказались крепче жизненных «убеждений». Срок же прожитой жизни и окончательно уравнял их.

…А старший из племянников все продолжал клевать старика: «Слушай, Павел Александрович, ты Митрполит. А сам-то в бога веришь?» Дядька не оплошал: «Ты, Женя, коммунист. А веришь ли ты в коммунизм?» Мудрый старик не метал без нужды бисера…



Юрий НИКУЛИН. 1979 год.

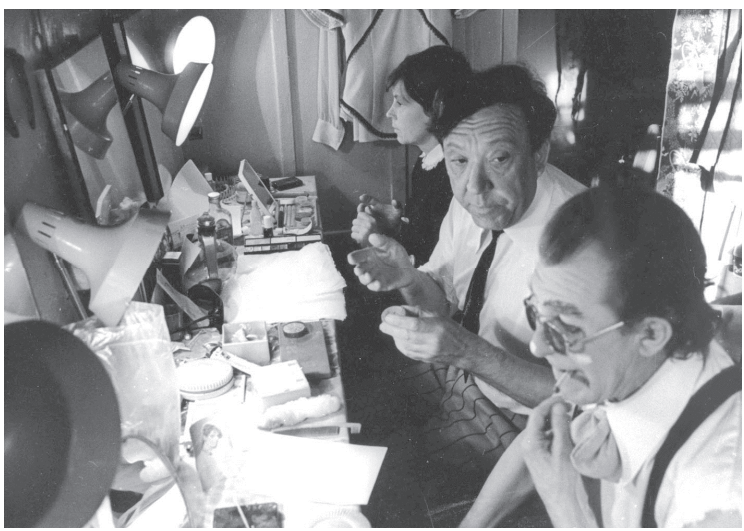
Юрий НИКУЛИН

Пятнадцать лет назад, в первых числах августа я ждал звонка. Юрий Владимирович обещал дать знать, когда состоится запись очередного «Белого попугая» - передачи, где «травились» анекдоты, а Ю.В. играл роль ведущего – капитана веселого корабля. Дед, а так уже все звали Никулина в цирке, появлялся в своей неизменной капитанке – полуморской фуражке, подаренной ему кем-то.

Происходить запись должна была на пленэре, Я предвкушал, во что это может вылиться, если даже в казенной студийной обстановке возникала такая неформальная атмосфера, что гости, знающие себе цену люди, смеялись без удержу, повизгивая и утирая слезы. Когда эти любимые знаменитости перед записью сходились в студии, а Никулин еще не пришел - было пресно. Не пробегала между ними искра. Появился Никулин – побежал ток, как по елочной гирлянде. Понеслась… Старались не для камер, а просто расслаблялись: половина баек в передачу не войдет по соображениям метража, да еще и потому, что хоть что-то же должно оставаться «не для печати». «А пишут-то всё. Думаю, у операторов неплохая коллекция «непечатного» скопится» - поговаривал Ю.В. Вот сейчас бы, пятнадцать лет спустя, и проверить: прав он был или не прав.

Что Никулин - феномен, говорить не приходится. Сумеете ли вы по всей необъятной Руси найти еще имя, которое бы вызывало равные теплые, дружеские чувства и у последнего алкаша, и у первого должностного лица государства? Не найдете. Никто не стал таким своим в доску, как Ю.В. Не клоун, не артист, ни малый, ни великий – просто явление природы, уникум. Вспоминаю время, когда Никулин еще не был ни директором цирка, ни начальником хоть малейшего ранга, и возрастом где-то между пятьюдесятью

Манеж и гримерка – это почти, что дом. На манеже та же собака, что живет у Никулиных. Имена собак и породы менялись – не долог собачий век. Но каждая из них служила в цирке. А в гримерке – рядом жена Татьяна, напарник Шуйдин, все свои. Нет не все. «Своих» еще приходило сюда каждый вечер десятки человек.



Снимать Никулина было легко, он охотно шел на контакт с фотографом. Наверху справа Ю.В. со своим внуками Юрой и Максимом. Это последняя его фотография со внуками.

и шестьюдесятью. Заканчивается сезон в цирке, артисты вот-вот разъедутся, и, может быть, никогда арена не сведет их под одним куполом. Погасли софиты, в артистических звон посуды, стук ножей – последнее прости. «Дядя Юра – к нам!» - «Нет, нет, сюда, дядя Юра, не проходите мимо, вот оно ваше место!»

Цирковые – народ особый. Люди большого мужества, чуть не каждый день ходящие с бедой в обнимку, - они же сама беззащитность. Весь век на колесах, до старости без собственного угла, и надежда, что вот-вот и… ухватишь счастье за хвост. Может, и стал для них Никулин, воссиявший в кино, воплощением их мечты, гордостью, счастливым случаем, который вот же, рядом… Но это для них, для товарищей по цеху. А почему он стал своим для, миллионов других, известных и безвестных? Ю.В. объяснял просто: «Каждому приятно видеть, что есть кто-то глупее тебя». Да, это великое подспорье – увидеть, что ты не крайний. И пусть персонаж Никулина глуп и неудачлив, но он и не подлец. Словом, не последний в системе наших ценностей человек… Сыграть дурака, недотепу, неудачника, – пожалуйста, но не подлеца, не негодяя. Это было кредо Ю.В. Хотя он не только никогда не употреблял этого слова, но его просто воротило от таких слов, как «кредо». «долг». «взаимовыручка» – слов, которые только и предназначены для того, чтобы ими отгораживаться от стоящих за ними понятий.

…Молодой режиссер снимает фильм. Даже еще не режиссер, а дипломник института кинематографии. «Юрий Владимирович, не откажите…» Зачем отказывать? И роль по душе – фронтовик. Значит, свой брат. Только у брата все худо сложилось… Рваное пальтишко, протертое местами до ваты, ушанка на голове, давно уже потерявшая форму. «Притормози-ка на секундочку», – трогает Никулин за плечо шофера, везущего группу на съемочную площадку, когда проезжаем гастроном. Продавщица, конечно, его узнает: «Ой, да что ж вы так-то…» Она понимает, что это Никулин, но почему он так обносился, почему допускает такой вид? «Это я, извините, на съемку, костюм такой… А мне, пожалуйста, батончик колбасы побольше, вот этот». А нам поясняет: «Друг у меня в Смоленске, однополчанин. Я ему сегодня как раз обещал выслать…»

Подрастающее поколение, боюсь, не поймет смысла этой фразы. Может, единственное, что мы хорошо забыли – это понятие дефицита. Полного отсутствия продуктов на полках магазинов конца восьмидесятых - начала девяностых годов. Да и прежде, колбаса – только в Москве, да и не всегда без блата. А в Смоленске… Всенародный Никулин и безвестный друг в безколбасном Смоленске тех лет…

Чем была для нас, тех, кто был помоложе Никулина, война? Смутными воспоминаниями не слишком сытого детства? Словами, историей? Война нас задела по касательной, но и мы старались вытряхнуть из памяти её. А за спиной Никулина было семь военных лет, две войны – Финская и Отечественная. Награды. Его партнер по цирку Михаил Иванович Шуйдин всей своей шкурой танкиста испытал прелести войны – и в танке горел, и оспины на лице – визитка тех лет. И мне, тогда еще относительно молодому человеку, было немного странным слышать, как он читал строки из воспоминаний какого-то военачальника о капитане М.И.Шуйдине, спасшего положение на одном из участков фронта умелыми действиями танкистов, ко-

торыми командовал. Казалось, то из далекого прошлого, а тут – всенародная известность циркового дуэта.

Никулин вспоминать войну не любил. Возможно, он осознавал всю глупость и чудовищность этой машины, перемалывающей не только судьбы, но сами тела людей. Реагировал он просто и шуткой: «В бой идут одни дураки…» Это он-то, с боевыми наградами, и с верной памятью к своим однополчанам. На все доброе в человеке Ю.В. был очень памятлив. На свои юбилеи всегда приглашал своих друзей-однополчан из глубинки. Разбитых стариков не куда-нибудь – в первые ряды, они отданы самым близким. Ю.В. не знает что такое конъюнктура. Николай Иванович Рыжков, бывший председатель Совета Министров СССР во времена перестройки был не в фаворе. Более сильные «товарищи» по партии, более удачливые политики его «задвигали», а то и попросту выставляли на смех. Но Рыжков, давший Никулину возможность построить новый цирк за кротчайший для советских строек срок, - его благодетель. И в цирке всегда желанный гость. Для Ю.В. не было бывших – не бывших, больших – маленьких. Он оценивал людей по какой-то иной шкале. Я помню, как около Никулина появился мальчиш-

ка, почти школьник, Володя Цукерман. Он был влюблен в троицу Бывалый-Трус-Балбес, собирал их фотографии и предметы, которыми те могли с ним поделиться. И он создал музей трех актеров. Никулин отнесся к Володиной затее с серьезностью не меньшей, чем если бы инициатива исходила от министерства культуры. И вот троицы давно уже нет, а музей стал главным делом жизни вчерашнего поклонника.

Как это не банально звучит, Ю.В. любил помогать людям. При мне случилось, в цирке произошла травма, сорвался гимнаст. Ю.В. сам снял трубку телефона, сам поговорил с дежурным врачем Склифа, и просил помочь. Разве никто другой не мог позвонить? Конечно, мог. Но Ю.В. понимал, если попросит он – дело пойдет иначе, пострадавший получит и внимание, и помощь, и уход – должные. Я сам перед Ю.В. в долгу. Мой сын попал в ожоговый центр с обгоревшими голенями. Ему было семь лет – результат игры с костром, в который была брошена «брызгалка», взорвавшаяся от огня. Моя жена не хотела оставлять сына на чужих людей и просила взять ее сиделкой в палату с выполнением всех положенных сиделке обязанностей и бесплатно. Но ее не брали. И помог Никулин, обратившись к своим друзьм-медикам.

Кто и с чем только не обращался к Никулину! Даже выбить положенную по закону страховку за разбитую машину… Я уж не говорю о квартирах для цирковых, помощи ветеранам цирка – тут уж сам бог велел. У Ю.В. не стоял вопрос – делать, не делать. Он просто снимал телефонную трубку или шел в нужный кабинет. Так он спасал фильмы, которые чиновники средней руки, опасаясь «как бы чего не вышло», пытались «закатить на полку».

«Юрий Владимирович, почему вы ни разу не надели всех наград, только иногда звездочку Героя?» - «Неудобно». Перед кем? Перед мертвыми? Перед обойденными? Перед живыми?..

Второго человека такой совести и доброты у нас нет…

… P.S. Я подумал, было бы несправедливо, говоря о Юрие Владимировиче Никулине, любителе и собирателе анекдотов, а в его коллекции их были тысячи – сначала в тетрадочке в клеточку, потом в изданных сборниках, - не привести некоторых из них. Он и сам сочинял анекдоты, а также собирал «курьезы», и как он сам говорил, таковых накопилось на все случаи жизни.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Пропала любимая собака тещи. Черная, злая, жрет за троих, кусается, все запоминает. Кто знает местонахождение – просьба молчать.

***

Молодая семья снимет комнату на два часа. Прописка не обязательна.

***

Пропал большой черный дипломат. Нашедших просим вернуть его в посольство Нигерии.

ЖЕНЫ И ТЕЩИ

Умирает жена. Рядом муж.
- Абрам, обещай, что выполнишь мое последнее желание.
- Хорошо. А какое?
- Я хочу, чтобы на моих похоронах ты шел рядом с моей мамой и держал ее под руку.
- Но тогда же я не получу от похорон никакого удовольствия.

***

Жена:
- Дай мне долларов 10. Я хочу купить бюстгальтер.
Муж:
- Зачем? Тебе же нечего туда положить.
Жена:
- Но ты же носишь трусы.

***

Муж обнаруживает в кровати жену с мужчиной.
- Что вы здесь делаете? – заорал муж.
- Вот видишь, - говорит жена мужчине, - я же тебе говорила, что он дурак.

***

В ресторане официант:
- Мадам, почему ваш муж залез под стол?
- Это не муж, муж стоит в дверях.

***

У приезжего чукчи в Москве потерялась жена. Он в милицию. Дежурный спрашивает приметы пропавшей.
- Приметы не терял. Жена пропала.

- Ну вот у меня жена, - объясняет милиционер, - высокая, стройная блондинка.
- Моя маленькая, ноги кривые, волос мало, да ну ее, давай лучше твою искать.

***

В общую тюремную камеру приводят новичка.
Его спрашивают:
- Какой срок дали?
- Восемь лет.
- За что?
- За оказание первой помощи человеку.
- Как это так?
- Да мы сидели за столом, ужинали, а у тещи кровь носом пошла. Чтобы кровотечение остановить, я ей на шею жгут наложил.

***

После венчания в церкви жених подошел к священнику:
- Сколько я вам должен?
- Все зависит от красоты Вашей супруги.
Жених сунул святому отцу 20 копеек. Тот оскорбительно подошел к невесте, заглянул под вуаль и молча вернул жениху гривенник.

СОЛДАТСКИЕ

Перед строем курсантов стоит полковник и говорит:
- Ели вы такие тупые, что не можете запомнить приказ командира, то купите себе блокнот и записывайте, как это делаю я.

***

Из объяснительной:
- Я выбежал в туалет, в чем мать родила: в трусах, майке и сапогах.

***

- Вась, а Вась! Давай поселим козла в казарме – вроде талисмана, на счастье.
- А вонь?
- Привыкнет. Мы же привыкли.

***

- Смотри, какая страшная рожа намалевана на носу этого бомбардировщика!

- Тихо! Это сам командир полка высунулся их кабины.

ВРАЧЕБНЫЕ

Пациент спрашивает у врача:
- Что означает в моем диагнозе: Ч.Е.З.?
- Черт его знает.

***

- Доктор, мой муж серьезно болен. Что делать?
- Прежде всего нужно поставить диагноз. Разденьтесь и покажите, где у него болит.

***

- Правда ли, доктор, что женщины живут дольше мужчин?
- Во всяком случае вдовы – да.

***

В медицинском институте профессор:
- Прежде, чем назвать тему лекции, я хочу вспомнить случай из собственной жизни. Когда я сам был студентом, мне нравилась одна девушка. Нравилась она и моему другу. Она отдала предпочтение моему другу, и я остался с носом, а тот молодой человек – без носа. Тема сегодняшней лекции – «Сифилис и его последствия».

***

И ПРОЧИЕ

У Ленина спрашивают:
- Лучше иметь жену или любовницу?
- И жену, и любовницу. Жене говоришь, что пошел к любовнице, а любовнице говоришь, что будешь у жены. Самому же можно забраться на чердак и учиться, учиться и еще раз учиться.

***

Две одесситки ругаются.
- Ах ты, старая курва!
Вторая с обидой:
- Причем тут возраст?

***

- Моня! Ты помнишь, у Абрамовича, лет 30 тому назад, на кухне висела картина «Джоконда»?
- Ну и что из этого?
- Как что? А теперь она висит в Лувре!

***

Когда Оле спросили, может ли он вспомнить 5 лучших лет своей жизни, он ответил: - Конечно! Это когда я учился в первом классе.

***

-Что тебе сказал отец, когда узнал, что ты разбил его автомобиль?
- Ругательства опустить?
- Разумеется.
- Ни слова.

***

Когда больного положили на операционный стол и дали наркоз, последнее, что он видел – это маленькую бородку хирурга. Очнувшись после операции, он увидел, что у хирурга большая окладистая борода. «Доктор, неужели так долго шла операция, что у Вас выросла такая большая борода?» - «Ты с ума сошел! Я же апостол Петр!»

***

Пациент врачу:
- Доктор, я буду жить?
- А смысл?

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Снимая других, иногда и самому удавалось попасть в кадр. Сунешь кому-нибудь камеру – запечатли для вечности! А тот аппарата и в жизни не держал в руках. То объектив тронет, собьет резкость. То так ударит по кнопке спуска, что на снимке все дрожит. Ладно, и на том спасибо. Все память.

Вот два снимка, связанные с Амосовым. Там, где я в белой шапочке – это 1967 год. Сейчас я войду в операционную и увижу живое сердце человека. Второй снимок был сделан спустя более 30 лет. Это был последний приезд Николая Михайловича в Москву. У него вышла книга воспоминаний в серии «Двадцатый век». Он приехал на ее презентацию на книжной выставке. 1999 год.

Мне позвонил Никулин: «Лева! Я ремонтирую дачу, у меня работают плотники, ярославские ребята. И совершенно не пьют. Приезжай, сделай снимок для них». А второй снимок сделан

на громадном «бонтоне» в «Огоньке». В 1993 году отмечалось 70-летие журнала (считая с его возобновления в советское время). Наш Юмашев, бывший завотделом писем, сильно «задружил» с Ельциным, даже стал на какое-то время возглавлять его администрацию. Понятно, на «бонтоне» собрался весь российский бомонд. А Никулин, к тому же, был в это время членом редколлегии нашего журнала.

Георгий Степанович Жженов имел дачу в поселке Испытатель, где его соседями были космонавт Леонов и глазник Федоров, который пока не построил свою, приходил париться в баньку к Жженову. Один из путей в поселок – через

паром, где мы и находимся. А другая фотография сделана у меня дома. Я затащил к себе известного костоправа Касьяна, о котором писал очерк, и спросил Жженова, не хочет ли он чего выправить в своей спине. Так и состоялась эта встреча.

Сначала я побывал у Александра Николаевича Яковлева в Кремле. Потом мы иногда встречались на развлекательных мероприятиях в «Макдонолсе», коему Яковлев являлся своеобразным крестным отцом (российскому его филиалу). Вот одна из таких увеселительных прогулок для большого лица. Третий на снимке – Бакатин, уже не всесильный хозяин КГБ, а простой российский пенсионер.

Святослав Николаевич Федоров только что получил пароход «Михаил Суслов», который он собирается переделать в плавучую глазную клинику. Это конец 80-х, все надеются на лучшее. Но как только развалится СССР, пароход у Федорова отнимет «незалежна» Украина». Да бог с ним, с пароходом, пришло - ушло. Федоров обладал философией истинного игрока.

Андрей Дмитриевич Сахаров, один из редких моих героев, с которым я даже словом не перемолвился, хотя «преследовал» его со съемками достаточно длительное время. Видно, группы крови не совпадали. Когда в конце 1989 года он внезапно скончался, я первым прибыл в морг Кунцевской больницы – больницы «высшей знати» - и уж не отходил от гроба до самого погребения.

Марчелло Мастроянни – это нечто. Сфотографироваться рядом с ним мечтали все, находящиеся на съемочной площадке в Костроме, – и актеры, и репортеры, цыгане и случайные зеваки. Надо признаться, Никита Михалков был великолепен. Работал он с Марчелло мягко, как и со всеми другими актерами, и в то же время без робости и подобострастия, и в кадр «для памяти» попасть не спешил.

В гостях у Собчака в его старой «профессорской» квартире я был осенью 1989 года. После прекрасного обеда, приготовленного Людмилой Нарусовой, я пообещал: «В Москве за мной пельмени».

Чингиз Айтматов был частым гостем в Москве, а останавливаться он любил в Болшево – доме отдыха кинематографистов, где и произошла одна из встреч. Кажется, тогда я ему привез на визирование текст к альбому «Киргизия».

Юрий Богатырев приехал ко мне, чтоб я сделал его портрет на открытку, не отходя от собственного письменного стола. Впрочем, стол скоро превратился в трапезный, а Юра оказался прекрасным рассказчиком и компанейским парнем.

«Андрей Андреич Вознесенский, на пики славы вознесенный» в общении не производил впечатления человека «странного». Может потому, что для некоторой экстравагантности требовалась аудитория пошире?

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК

АБДУЛОВ Александр
АЙТМАТОВ Чингиз
АМБАРЦУМЯН Виктор
АМОСОВ Николай
АНДЖАПИРИДЗЕ Верико
АХМАДУЛИНА Белла
БОГАТЫРЕВ Юрий
БУДКЕР Андрей
БУРКОВ Георгий
ВОЗНЕСЕНСКИЙ Андрей
ГАГАРИН Юрий
ГЕРАСИМОВ Михаил
ГЛУЗСКИЙ Михаил
ГУРЧЕНКО Людмила
ДАЛЬ Олег
ДМИТРИЕВ Игорь
ЕРЕМЕНКО-мл. Николай
ЕФИМОВ Борис
ЖЖЕНОВ Георгий
ЗАЛКАЛЬН Теодор
ЗЫКИНА Людмила
КАРИМ Мустай
КАСТРО Фидель
КАСЬЯН Николай
КЛИМОВ Элем
КОЛМОГОРОВ Андрей
ЛЕМЕШЕВ Сергей
ЛИЕПА Марис
ЛИХАЧЕВ Дмитрий
ЛЮБИМОВ Юрий
МАСТРОЯННИ Марчелло
НИКУЛИН Юрий
ОЛДИНГТОН Ричард
ПАПАНОВ Анатолий
ПОКРОВСКИЙ Борис
РАЙКИН Аркадий
САРЬЯН Мартирос
САХАРОВ Андрей
СМИРНОВА Лидия
СОБЧАК Анатолий
СУДАКЕВИЧ Анель
УЛАНОВА Галина
УЛЬЯНОВ Михаил
ФЕДОРОВ Святослав
ХАММЕР Арманд
ЧЕРКАСОВ Николай
ШЕРСТЕННИКОВ Павел
ЭДУАРДО де ФИЛИППО
ЯКОВЛЕВ Александр
ЯНКОВСКИЙ Олег

На первой обложке книги – Андрей БУДКЕР. На четвертой – Олег ЯНКОВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

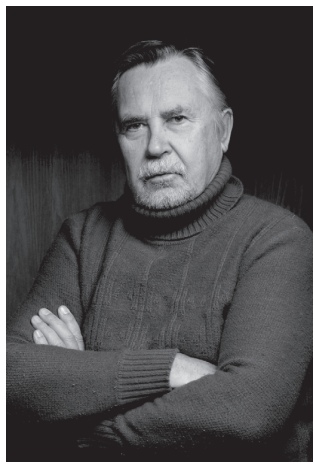
Андрей БУДКЕР……..…...4
Николай АМОСОВ……..….16
Юрий ГАГАРИН……....26
Мартирос САРЬЯН……...….34
Михаил ГЕРАСИМОВ……....….42
Теодор ЗАЛЬКАЛН……...….48
Андрей КОЛМОГОРОВ……..….54.
Сергей ЛЕМЕШЕВ…….…..62
Олег ДАЛЬ…… 66
Марис ЛИЕПА……....72
Дмитрий ЛИХАЧЕВ……...82
Марчелло МАСТРОЯННИ……....92
Ричард ОЛДИНГТОН……..100
Аркадий РАЙКИН……....104
Георгий БУРКОВ…….….114
Галина УЛАНОВА……....122
Михаил УЛЬЯНОВ…….....130
Святослав ФЕДОРОВ…….…..134
Арманд ХАММЕР…….…144
Георгий ЖЖЕНОВ……....148
Николай ЧЕРКАСОВ……....156
Александр АБДУЛОВ…….…..160
Эдуардо де ФИЛИППО…….…164
Анатолий СОБЧАК……170
Михаил ГЛУЗСКИЙ……..190
Лидия СМИРНОВА……..202
Мустай КАРИМ…….208

Олег ЯНКОВСКИЙ……..…..212
Борис ПОКРОВСКИЙ……222
Виктор АМБАРЦУМЯН…….232
Николай КАСЬЯН……...242
Анатолий ПАПАНОВ……..…254
Николай ЕРЕМЕНКО (младший)…….….264
Игорь ДМИТРИЕВ…….274
Чингиз АЙТМАТОВ……..…..286
Верико АНДЖАПАРИДЗЕ……296
Борис ЕФИМОВ……..304
Элем КЛИМОВ……310
Бела АХМАДУЛИНА……...318
Юрий БОГАТЫРЕВ…….328
Анель СУДАКЕВИЧ……338
Людмила ЗЫКИНА……..346
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ……..……354
Юрий ЛЮБИМОВ……..….362
Людмила ГУРЧЕНКО…….….376
Андрей САХАРОВ…….…….382
Александр ЯКОВЛЕВ…….…….....390
Фидель КАСТРО…….……..…400
Первые лица…….……410
Павел ШЕРСТЕННИКОВ…….……..430
Юрий НИКУЛИН…….……440
Вместо послесловия……454
Алфавитный список…….……457

УДК 741
ББК 84(2Рос)
Ш 50

Ш 50 Шерстенников Л.Н.
Штрихи. – М.: ООО «Буки Веди», 2013 г. – 460 стр.

Зарисовки о людях, с которыми приходилось встречаться, работая фоторепортером журнала. Фотографии, обложка и макет автора.



Лев ШЕРСТЕННИКОВ родился в 1938 году, на Урале, в Уфе. Фотографией стал увлекаться с детства, с первых классов школы. Закончив в 1960 году Ленинградский институт киноинженеров, он не пошел работать по специальности инженера-звукотехника, а стал печататься в газетах, снимал для «Известий», работал в «Литературной газете». А в 1963 году был принят на работу в журнал «Огонек», став сначала внештатным, а через год уже и штатным фотокорреспондентом журнала. Эта работа позволяла не только объездить весь Союз и побывать в ряде зарубежных стран, но и предоставляла возможность познакомиться с самыми интересными людьми. В этой книге представлено чуть больше полусотни зарисовок – «штрихов», как называет их автор. Таких «штрихов» может набраться еще не на одну книгу. Время покажет. «Фотография для меня, - говорит фоторепортер, - это инструмент познания мира. Посредством ее я учился постигать и литературу, и музыку, и актерское мастерство - вообще все, что имеет отношение к творчеству. Законы всюду едины. И главный из них – не ври. А правда поверяется твоим внутренним чувством…»

© ООО «Буки Веди», 2013
ISBN 978-5-906069-44-3
© Шерстенников Л.Н., 2013

Подписано в печать 15.10.2012. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times. Печ. л. 28,75. Тираж 800 экз. Заказ № 4932.

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди» на оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер», г. Москва, Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com